ОГОНЁК № 37 (1474) 11 СЕНТЯБРЯ 1955

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

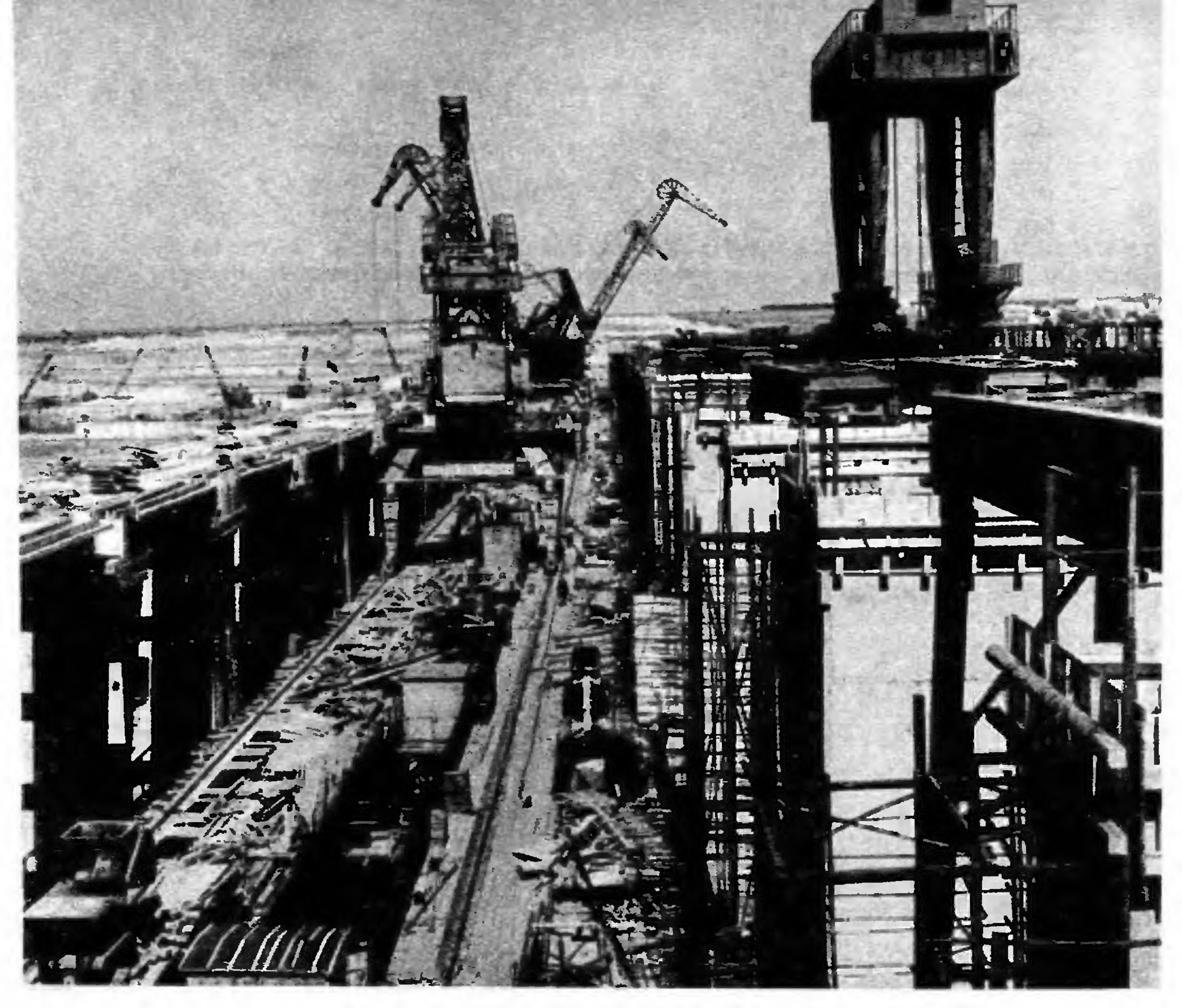
НАВСТРЕЧУ XX СЪЕЗДУ КПСС

Советские люди претворяют в жизнь величественную программу, выдвинутую июльским Пленумом ЦК КПСС. Осуществляется новый мощный подъем социалистической промышленности на основе широкого внедрения в производство достижений науки, техники, передового опыта.

Работники промышленности и сельского хозяйства, все советские труженики широко развернули соревнование, готовясь достойно встретить XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. О крупных производственных победах рапортуют Родине кузнецкие металлурги, перевыполнившие план восьми месяцев, донецкие проходчики шахты «Максимовская-пологая», добившиеся высоких темпов прохождения горных выработок, ленинградские и харьковские турбостроители... Радостные вести поступают отовсюду, и с каждым днем их становится все больше. В первых рядах соревнующихся идут москвичи. На Первом подшипниковом заводе имени Л. М. Кагановича, призвавшем тружеников столицы организовать соревнование в честь съезда, многие рабочие, инженеры и техники перевыполняют свои предсъездовские обязательства.

На снимке: передовые рабочие подшипникового завода (слева направо): слесарь В. И. Санфиров, шлифовщица А. Н. Клочкова и кузнец О. В. Верялин.

Фото Я. Рюмкина.

Заканчивается строительство здания Каховской ГЭС.

„Мы были в Новой Каховке!"

В. ПОЛЫНИН

Фото Н. Козловского.

Каким бы транспортом вы ни прибыли на строительство Каховской гидроэлектростанции, сначала вы попадете в город, в Новую Каховку. И с этой первой встречи город заинтересует вас не меньше, чем основные сооружения гидроузла.

Белокаменные дома, крытые яркой черепицей. Большие, светлые окна и множество балконов и балкончиков. На улицах нет и не может быть грязи: кругом асфальт и зелень. Заасфальтированы и мостовые, и тротуары, и даже дорожки, идущие к калиткам.

Нелегко было строить новый город. Его надо было создавать на песке, песке настолько злом, что здесь почти ничего не росло, настолько мелком, что он не пригоден даже как строительный материал.

Степан Маркович Фалдзинский, старший садовод «Днепростроя», тот самый, портрет которого был напечатан на обложке нашего журнала № 33 за 1952 год,

может раскрыть вам секрет поучительной победы над песками Херсонщины.

Он начал с того, что дал первый бой проектировщикам. На бумаге выходило, что 62 плодовых дерева на квартал — это вполне приемлемо. Фалдзинский доказал, что их должно быть на том же участке не менее 560.

Растения не прижились бы в песке, поэтому и грунт возили из плавней. А когда рыли котлованы под водосливную плотину, здание ГЭС и шлюзы, плодородный днепровский ил сбрасывали не в отвалы, а под саженцы и для газонов.

Так город стал зеленым. Его можно назвать городом-парком, потому что здесь шестьдесят сортов деревьев: сосна обыкновенная и крымская, тополь пирамидальный, канадский, акация белая, шаровидная, клен серебристый, татарский... Его можно назвать городом-садом, потому что редко в каком дворе не растут яблони или груши, сливы или персики, виноград или абрикосы. Его можно назвать городом-цветником, потому что улицы и скверы усыпаны цветами: канны и астры, табаки и петуньи, анютины глазки и розы. Туя, тамариск, можжевельник образуют зеленые барьеры.

— Аппетит пришел во время еды, — улыбается Степан Маркович. — Сейчас мы развели целую плантацию новых пород. Грецкий орех прогонит из города мух, магнолия даст приятный запах, а шестьсот платанов, век которых — тысяча лет, будут свидетельствами возраста нашего города.

Ходишь по улицам и проспектам города и спрашиваешь:

— А где же тот барак, самое первое жилье, где поселились первые строители Каховки?

— А его не было, — отвечают вам. — Вопреки укоренившейся традиции мы не строили времянок. Мы строили сразу, навсегда.

Взгляните на улицу. Ее мостовая неширока. Но откуда такой простор? Дома спрятаны в глубине и отделены от тротуаров неширокими газонами. Газоны проходят непрерывной полосой между тротуарами и мостовыми.

Вот Приднепровский сквер. Дворец культуры, летний открытый кинотеатр со спускающимся по склону зрительным залом, беседки с колоннами — все это расположено так, что старые липы и тополя, ивы и платаны, давно выросшие на берегу Днепра, оказались будто нарочно посаженными вокруг этих зданий.

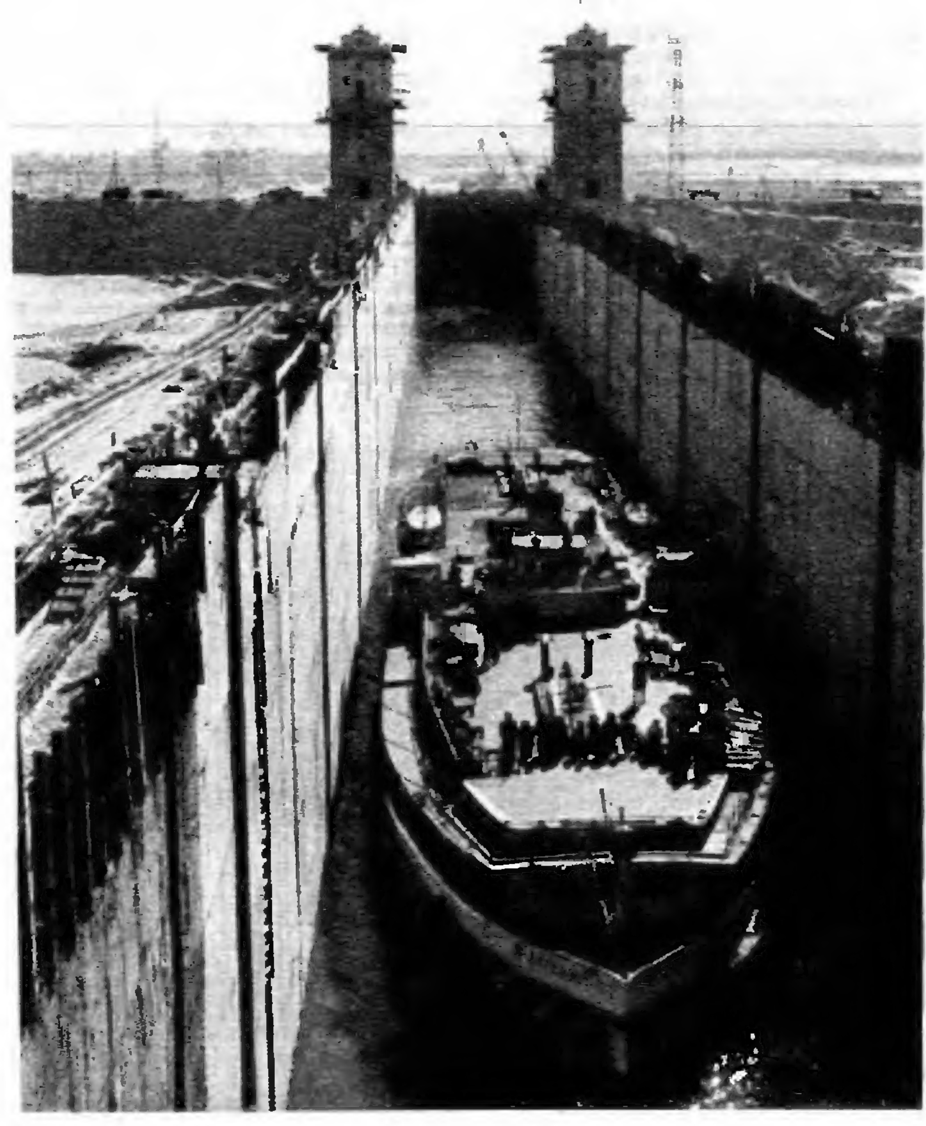
И все, на что ни посмотрите: на магазин или школу, сапожную мастерскую или детский сад, здание управления ГЭС или строгий в своей спартанской простоте стадион «Энергия» и даже колхозный рынок, — все сделано с большим вкусом. У города столь обжитой вид, что не верится в подлинность цифр на фасадах домов: 1953, 1954, 1955.

Население Новой Каховки постоянно растет: за восемь месяцев этого года уже родилось свыше четырехсот новокаховчан; загс ежедневно регистрирует один — два брака.

Сюда приезжают со всех кон-

Новая Каховка.

Пассажирское судно «Фридрих Энгельс» в камере шлюза.

Насечка бетона.

цов страны, приезжают целыми семьями.

Василий Степанович Булатов, ветеран Каховки, начинал здесь десятником, был бригадиром, мастером, старшим мастером. Сейчас он старший прораб участка и одновременно учится здесь же, в Новой Каховке, на 4-м курсе вечернего факультета Одесского гидротехнического института. Его брат, Алексей Степанович, строил Дворец культуры. Сестра Анна Степановна — счетовод жилотдела. Виктор Степанович — бригадир плотников на строительстве плотины.

В городе много плакатов. Они смотрят на вас отовсюду и напоминают:

«Мы сделаем все, чтобы в этом году досрочно пустить четыре агрегата Каховской ГЭС».

«Выполним годовой план автоперевозок — 36 миллионов тонно-километров».

вания постановления о строительстве Каховского гидроузла проделана работа, рассчитанная на шесть лет. В 1955, пусковом году достигнуты большие победы: 23 мая затоплен котлован шлюза, 31 мая затоплен котлован ГЭС и водосливной плотины, 30 июня открыто регулярное судоходство через шлюз, 7 июля за 48 часов перекрыт 230-метровый проран Днепра.

Василий Степанович Булатов рассказал нам о том, как опережаются сроки. Взять хотя бы бетонщиков. Они должны выложить из бетона сложную, многогранную призму здания. Ее лепят по частям, складывая как бы из кубиков, прямоугольников, пирамид.

— Если подойти к этой работе творчески,— говорит Василий Степанович, — то возможности экономии неисчерпаемы. Например, чем большего размера бетонные

На этом сберегается не только рабочее время, но и лес.

Здесь, на Каховке, строители освоили установку громоздких арматурных конструкций и бетонирование их без подсобных лесов. Это сохраняет дефицитные лесоматериалы, которыми не балует днепростроевцев Министерство лесной промышленности СССР.

Строительство близится к концу. Светящаяся красная звезда, которую устанавливают на высшей отметке строительства, поднялась до верхнего предела. В шести огромных кратерах, куда опускают турбины и гидрогенераторы, неутомимо трудятся монтажники. Портальные краны достают бадьи с бетоном с подошедших под самое сооружение барж и льют его в арматуру. Земснаряды днем и ночью качают пульпу на земляную плотину. Все полнее наливается днепровской

уровень верхнего бьефа превысит уровень нижнего на восемь метров, первый агрегат даст промышленный ток. До этого знаменательного события осталось не много времени.

Днепростроевцы уйдут отсюда через год. Их сменят эксплуатационники, которые будут обслуживать гидростанцию. А в большинстве светлых домов поселятся рабочие и инженеры новых заводов.

В Новой Каховке всегда много экскурсантов. Сюда приезжают пионеры Херсона и Воронежа, зарубежные журналисты, китайские практиканты. Каждый побывавший здесь хочет чем-то отметить дни своего знакомства с Каховкой. Быть может, поэтому обе стены шлюза сплошь исписаны экипажами проходивших через него судов. А на камнях приднепровского парка сотни имен и дат. Здесь можно прочесть:

Дворец культуры.

→

Они родились в Новой Каховке.

Советские школьники преподнесли Вылко Червенкову пионерский галстук.

ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

Двенадцатилетний «посланник» от швейцарских ребятишек вел себя несколько непонятно: он пришел в палату советских пионеров и, едва вымолвив несколько слов, начал петь. Сперва одну песню, потом другую, третью и все больше волновался, жестикулировал. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, но явился переводчик, и сразу все выяснилось: швейцарские ребята очень хотят разучить азербайджанскую песню «Мои цыплята», которую исполняли на лагерном фестивале советские пионеры.

И вот через час швейцарцы и юные советские граждане сидели вместе и так старательно пели, что чуть не «пропели» обед.

Этот эпизод произошел в международном детском «лагере мира» в Болгарии, расположенном на берегу Черного моря, недалеко от города Сталин. В лагере, кроме советских и швейцарских ребят, отдыхали дети из Албании, Венгрии, Польши, Чехословакии, Германии, Англии, Франции, Австрии, Дании, Израиля. И, конечно же, было много юных болгар.

Такие же «лагери мира» были открыты минувшим летом в живописных местах Польши и Чехословакии, куда тоже выезжали советские школьники. Месяц отдыха оставил неизгладимые впечатления на всю жизнь. Ребята участвовали в самодеятельности, спортивных соревнованиях, устраивали интересные карнавалы.

Советские пионеры, выезжавшие в Болгарию, побывали в гостях у Председателя Совета Министров Народной Республики Болгарии Вылко Червенкова, который как раз в это время отдыхал неподалеку от «лагеря мира».

В Польше наши ребята спали в одной комнате с англичанами, а в столовой сидели рядом с французами. Поэтому утром раздавалось на двух языках «доброе утро», а в столовой звучало то на ломаном русском, то на не очень точном французском пожелание «хорошего аппетита!».

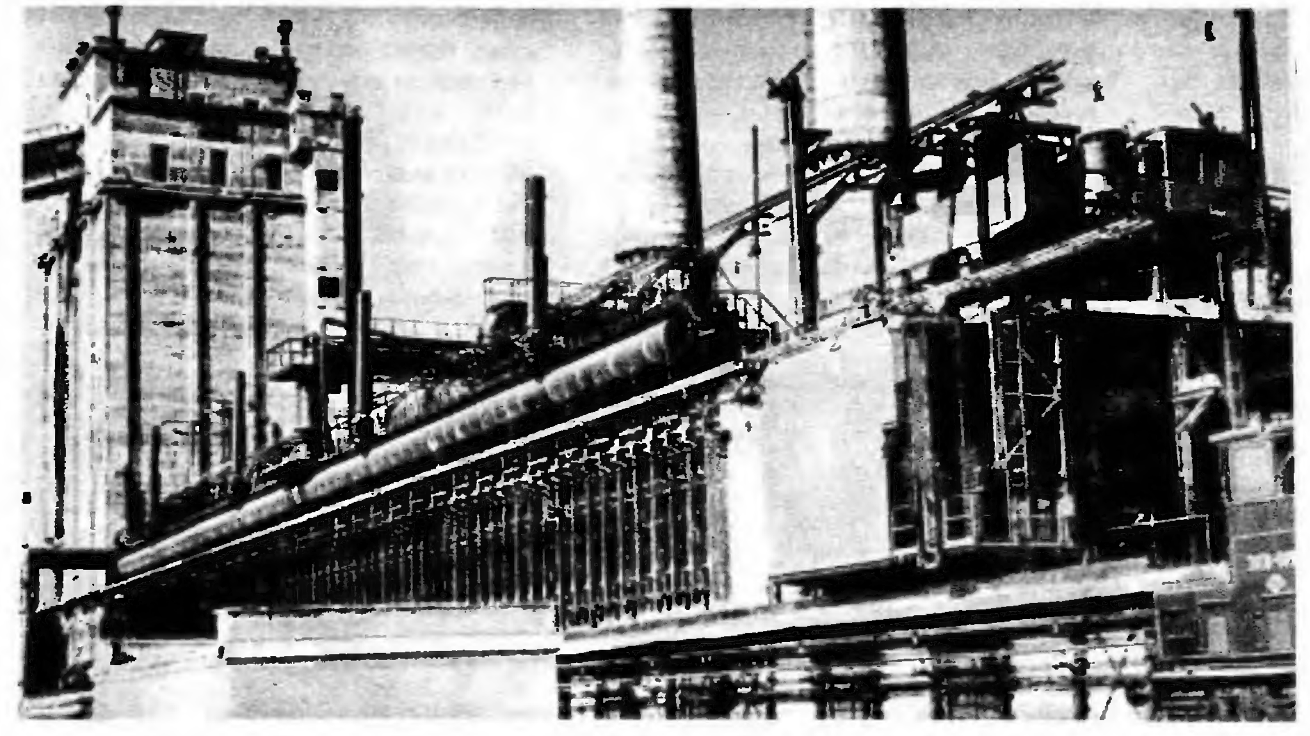
Ленинградец Игорь Буслаев возвратился на родину с подарком юного француза — почтовыми марками, Витя Городнов обменялся с бельгийцем Геманом поясами, хранят памятные подарки сельский школьник Федя Мошек из Киевщины, Вагиф Мамедов из Азербайджана, Флора Пирназарова из Узбекистана...

А зарубежные ребята увезли с собою пионерские значки, красные галстуки, автографы, адреса москвичей, ленинградцев, сталинградцев, ташкентцев и самое главное — горячие дружеские чувства к советским школьникам.

Уже на второй день после прибытия домой юные москвичи получили письма от новых друзей: Рита Фатеева и Владик Цымбалист — из Чехословакии, Юра Строганов — из Польши.

В. ВАСИЛЬЕВ

Мощная коксовая батарея

На Челябинском металлургическом заводе вступила в строй новая мощная коксовая батарея.

Коллектив строителей и монтажников выполнил большой объем работ, смонтировано много металлических конструкций.

Особенность новой батареи состоит в том, что многие ее конструкции, запроектированные в монолитном бетоне, заменены сборным железобетоном. На строительстве 55-метровой железобетонной угольной башни применялась подвижная опалубка вместо сплошной, что позволило сэкономить 400 кубометров лесоматериалов. Железобетонная труба высотой в 100 метров сооружалась в металлической передвижной опалубке, что также удешевило и ускорило строительство.

Новая батарея, представляя комплекс сложных сооружений, отличается от ранее построенных максимальной механизацией и автоматизацией.

Б. МОНАСТЫРСКИЙ

Фото В. Ислямова.

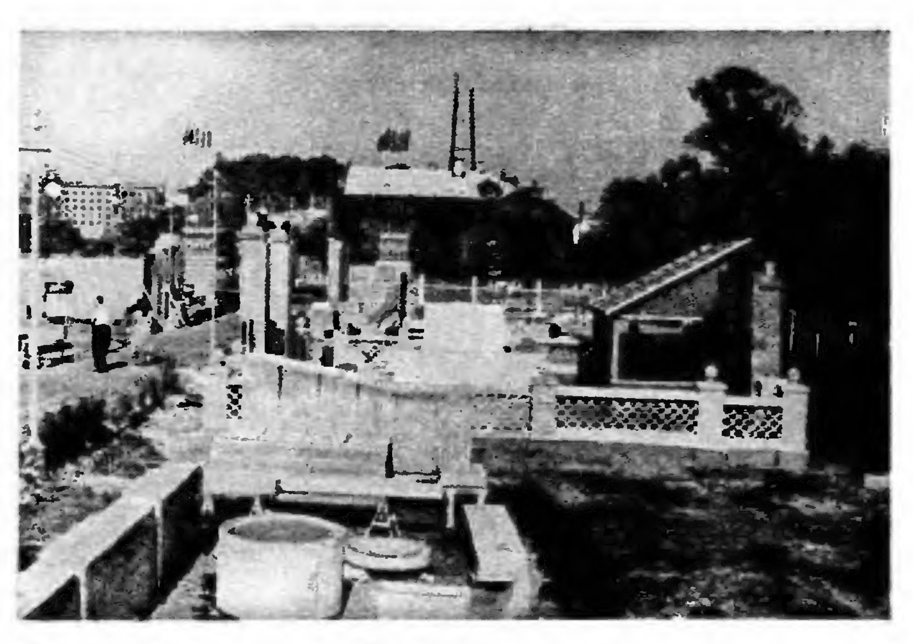

Строительная выставка в Минске

В одном из кварталов, прилегающих к центральному району Минска, открылась республиканская строительная выставка. На ней демонстрируется свыше тысячи экспонатов, иллюстрирующих передовой опыт, современную технику, новые материалы, применяемые в строительной индустрии Белоруссии.

Характерная черта выставки — широкое внедрение железобетона. Железобетонные блоки используются при укладке фундаментов. Из железобетона производятся лестничные марши. Бетонные плиты идут для облицовки силосных траншей. Из железобетона изготовляются шпалы, дождеприемные решетки, мачты для светильников, ограды.

Внимание посетителей привлекают также фрагменты кирпичных блоков, из которых строят здания, шлакоалебастровые перегородки, архитектурная керамика, передвижная малярная станция, масло-известково-пастовая покраска, которая отличается прочностью и дает красивую матовую поверхность.

На выставке.

Почти все, что показано на выставке, уже нашло место в строительстве. В этом легко убедиться, если побывать на примыкающих к выставке стройках. Да и весь обновленный Минск служит как бы самым выразительным экспонатом достижений белорусской строительной индустрии.

В. ПОНОМАРЕВ

Для новых электростанций

Среди Карпатских гор, у села Вельшаны, где сближаются реки Теребля и Рика, строится крупнейшая в Западной Украине высоконапорная Теребля-Рикская гидроэлектростанция.

Две реки разделены горным хребтом и протекают на различных уровнях. Русло Теребли выше уровня реки Рика. Скоро воды двух этих рек, соединенные в единый поток тоннелем, по специальным напорным трубопроводам с огромной силой устремятся вниз на лопасти гидротурбин.

Оригинальной конструкции быстроходные вертикальные гидрогенераторы для новой ГЭС построены в Свердловске, на заводе «Уралэлектроаппарат». Корпус статора имеет не круглую, как обычно, форму, а квадратную. В углах квадрата размещены воздухоохладители. Это позволило отказаться от специального вентиляционного кожуха, окружающего статор, и сократить размеры машинного зала гидростанции. Новые электрические машины обладают большой скоростью вращения.

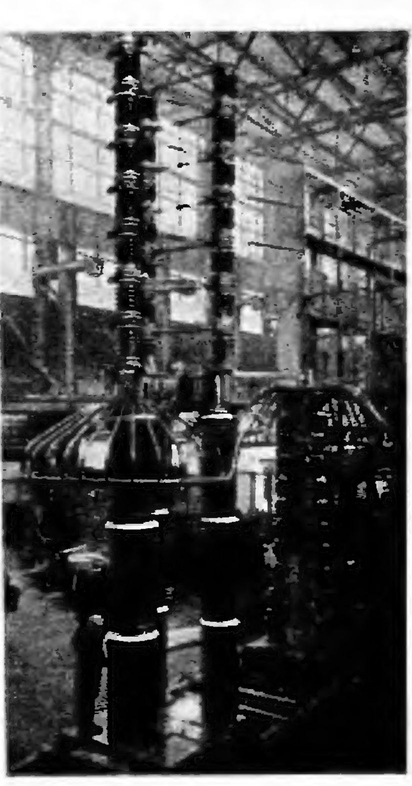
Гидрогенераторы подобного типа изготовлены в нашей стране впервые.

В последнее время уральские электромашиностроители освоили производство ряда новых машин. В цехах завода изготовлен первый синхронный компенсатор. Его мощность вдвое превышает мощность синхронных компенсаторов, которые производились до сих пор на заводах электропромышленности. Эти уникальные машины предназначены для электролинии Куйбышев — Москва. Они будут регулировать напряжение на линии, обеспечат нормальную передачу электроэнергии в столицу.

Завод «Уралэлектроаппарат» ведет испытание очередного воздушного выключателя, рассчитанного на напряжение в 400 тысяч вольт. Он собран из 32 тысяч деталей.

Первые два воздушных выключателя уже отправлены на линию электропередач Куйбышев — Москва.

А. ГРИГОРЬЕВ

На сборке воздушных выключателей для линии электропередач Куйбышев — Москва.

Фото И. Тюфякова.

АКТ ДРУЖБЫ

Беседа с главой экономической делегации Югославии С. ВУКМАНОВИЧЕМ-ТЕМПО

Дверь, ведущая в гостиную югославского посольства, отворилась, и навстречу нам быстрыми шагами прошел высокий человек лет сорока в светлом костюме. Это был Светозар Вукманович-Темпо — Заместитель Председателя Союзного исполнительного веча ФНРЮ. Мы встретились в тот день, когда советско-югославские экономические переговоры в Москве были закончены.

Генерал Темпо... Это имя напомнило нам о тех днях, когда советские и югославские воины плечом к плечу сражались против общего врага.

— Я был в то время на македонском фронте,— вспоминает Вукманович-Темпо.— Помню, как дошла до нас весть о совместном ударе Советской Армии и Народно-Освободительной армии Югославии, весть об освобождении родного Белграда. Это были счастливые, быть может, самые счастливые дни в моей жизни.

После победы генерал Темпо приезжал в Москву. И вот сейчас он снова наш гость.

Он не был в Москве семь лет. В советской столице за это время, по его мнению, многое переменилось к лучшему.

— Я хотел бы прежде всего сказать о людях — москвичах и ленинградцах,— говорит тов. Вукманович.— Везде наша югославская делегация ощущала теплое, товарищеское внимание.

Мы беседуем по-русски. Если попадается трудное слово, на помощь приходит посол Югославии Д. Видич.

— Я много ездил,— говорит С. Вукманович-Темпо,— и многое видел, но таких могучих агрегатов, какие мне привелось видеть на заводах Ленинграда, не встречал. Может быть, они и есть где-нибудь в мире, но я лично не встречал ничего подобного. Мы, конечно, не могли не посетить ленинский шалаш в Разливе. Каждого поражают условия, в которых Ленин создавал свое гениальное произведение «Держава и револуциjа» («Государство и революция»). С волнением вступили мы на борт крейсера «Аврора», ходили по коридорам и залам Смольного.

Повсюду, где бы мы ни были,— продолжал товарищ Вукманович,— на заводах, фабриках, просто на улице, мы встречали друзей, хороших друзей, с большим сердцем. Если говорить о встречах, которые мы имели в Москве и Ленинграде, то прежде всего следует сказать об искренности и непосредственности. Это, естественно, не могло не взволновать нас.

— Читателям «Огонька» интересно будет узнать мнение югославских гостей о той атмосфере, в которой проходили советско-югославские переговоры в Москве,— спрашиваем мы.

С. Вукманович-Темпо отвечает:

— Переговоры велись в духе взаимопонимания и обоюдного стремления помочь друг другу. Встречи с руководителями Коммунистической партии и Советского правительства были очень сердечными и искренними. Наши переговоры завершены, и завершены вполне успешно. Сегодня я был в Кремле, где состоялось подписание документов по экономическим вопросам. Экономическую делегацию Правительства СССР возглавлял товарищ А. И. Микоян.

— Каково значение этих переговоров, какие перспективы они открывают для советско-югославского сотрудничества?

— Для того, чтобы вам стало понятно все значение этих переговоров, надо немного углубиться в историю. Югославия, как вы знаете, была до второй мировой войны отсталой страной. Не было у нас ни крупных фабрик и заводов, ни крупных верфей. Добывали руду и уголь, но в основном — на экспорт, да и то немного. Еще тяжелее была картина в сельском хозяйстве.

В годы войны страна была разорена. Мы, партизаны, разрушали мосты и взрывали те немногие заводы, что были у нас. Фашисты жгли деревни и города.

Помнится, в начале 1943 года мне пришлось пешком около месяца идти по стране. Во время этого похода я не видел ни одного дома в сколько-нибудь хорошем состоянии. А после победы, когда власть взял в свои руки рабочий класс, когда народ стал хозяином страны, тогда начался период восстановления. С огромным энтузиазмом, с непреклонной волей построить новую жизнь взялись мы за строительство. Первые два послевоенных года принесли серьезный успех — был достигнут довоенный уровень в развитии промышленности, восстановлен железнодорожный транспорт. Затем мы принялись за индустриализацию страны. Сейчас мы, например, строим корабли; в «Огоньке» был недавно опубликован снимок наших новых верфей и десятитысячетонных кораблей. Есть у нас сейчас электропромышленность, есть машиностроение и новые электростанции. Мы строим также тракторы, грузовые машины и самолеты. Когда мы рассказывали об этом друзьям в Москве, они радовались нашим успехам так же, как мы, югославы, радуемся успехам Советского Союза.

В сельском хозяйстве,— продолжает Вукманович-Темпо,— мы испытываем некоторые трудности. Промышленность в своем развитии намного обогнала сельское хозяйство. Существуют «ножницы», и сейчас задача состоит в том, чтобы ликвидировать этот разрыв. Переговоры, которые закончились в Москве, окажут нам серьезную помощь в этом деле.

— Насколько увеличится товарооборот между нашими странами в результате нового соглашения? — задаем мы новый вопрос.

— В будущем году товарооборот между нашими странами вырастет по сравнению с 1955 годом почти в два раза. Причем Советский Союз и Югославия примут меры к увеличению торговли в последующие годы. Мы будем получать из СССР коксующийся уголь, нефть, хлопок и другие товары, а Советский Союз — бокситы, пеньку, свинец, табак и др. В соответствии с решением Советского правительства мы получим кредиты... На каких условиях? Я бы сказал, на товарищеских, на братских условиях. Эти кредиты, между прочим, дадут нам возможность в короткий срок построить заводы искусственных удобрений. Советский Союз помогает таким образом преодолеть самую главную трудность, которую переживает сегодня наше народное хозяйство.

Все знают, что Югославия — богатая страна; мы теперь имеем хорошую техническую базу и надеемся в течение ближайших двух — трех лет поднять сельскохозяйственное производство, ликвидировать диспропорцию между развитием промышленности и сельского хозяйства.

В заключение беседы тов. С. Вукманович-Темпо рассказал о впечатлении членов экономической делегации Югославии от посещения атомной электростанции Академии наук СССР.

— Да, мы посетили атомную электростанцию. Это — замечательное достижение человеческой мысли. В коммюнике, как известно, сказано, что наши делегации обменялись мнениями по вопросам советско-югославского сотрудничества в области использования ядерной энергии в мирных целях.

Возвращаясь снова к итогам советско-югославских переговоров, Светозар Вукманович-Темпо говорит, что они являются крупным шагом вперед в деле развития советско-югославских отношений и послужат укреплению дружбы между обоими народами.

Югославские суда в Измаиле

Когда советская Правительственная делегация находилась в Белграде, ряд наших судов посетил порты Федеративной Народной Республики Югославии. Экипаж теплохода «Онега» горячо приветствовали сотни людей. По нескольку часов они стояли на берегу, чтобы братским рукопожатием выразить свое уважение и любовь к нашей стране.

— Мы скоро будем у вас! — говорили югославские моряки.

И действительно, их желание вскоре осуществилось: недавно теплоход «Козара» с караваном барж из Белграда прибыл в Измаил. Наши моряки и работники порта радушно встретили дорогих гостей. На судах, на причале — всюду шли оживленные беседы. Члены экипажа теплохода «Козара» и других судов с интересом осматривали Измаильский порт, хвалили его механизацию.

Капитан «Козары» Миодраг Ненадич рассказал советским морякам, с каким огромным желанием его экипаж шел в Советский Союз. Он познакомил наших моряков с устройством и оборудованием новых судов, построенных на верфи «Ульяник» в городе Пуле, рассказал о радости югославского народа по поводу успешных советско-югославских переговоров в Белграде.

Во второй половине дня югославские моряки вместе с командой чехословацкого парохода «Житава» ознакомились с достопримечательностями Измаила, побывали в музее А. В. Суворова.

Капитан «Козары» Миодраг Ненадич, его старший помощник Родослав Бокович, шкиперы барж Стине Шошич, Жоржи Вермер и многие другие, как старые друзья, без переводчиков подолгу беседовали с измаильчанами. Миодрагу Ненадич было что вспомнить. Он старый моряк, участвовал в освобождении Белграда. В то время он переправлял через Дунай в районе Белграда медицинский персонал и медикаменты.

На другой день моряки Дунайского пароходства отдыхали. И вот на летней эстраде собрались советские, югославские, чехословацкие и румынские моряки. Гостям понравился концерт артистов Киевской эстрады.

После нескольких дней пребывания в Измаиле караван югославских судов, приняв груз, направился вверх по Дунаю, в Белград.

Г. СТРИГИН

ГОСТИ НАШЕЙ СТРАНЫ

Разговор с Уильямом Дугласом

Американские туристы на Московском автозаводе имени Сталина. Справа налево: член Верховного суда США Уильям Дуглас, заместитель директора завода И. И. Карзов, г-н Мелон и г-н Кеннеди с супругой.

Фото Е. Тиханова.

В нашей стране сейчас гостит немало американцев: конгрессменов, представителей научных и деловых кругов США. Вслед за сенатором Алленом Эллендером в Москву прибыли сенаторы Кефовер и Мелон, профессор Гарвардского университета Ричард Фрей. Около месяца по Советскому Союзу путешествовал и Уильям Дуглас, член Верховного суда США.

Встреча с мистером Дугласом, несомненно, представляла для нас большой интерес: ведь он известен своими трезвыми суждениями по важнейшим вопросам международных отношений. Уильям Дуглас высказывался за признание законных прав Китайской Народной Республики в ООН. Он выступал также как сторонник мирного сосуществования различных государств. И, наконец, он был в числе тех государственных деятелей США, которые решили пересечь океан, чтобы своими глазами увидеть нашу страну.

Незадолго до приезда господина Дугласа в СССР произошло событие, которое представило нашего гостя в несколько ином свете. Газета «Бангкок пост» опубликовала его заявление, в котором были по меньшей мере странные суждения о нашей стране. Еще не побывав в Советском Союзе, г-н Дуглас позволил себе квалифицировать республики, расположенные на юге нашей страны, как... «колонии России».

Это, естественно, не могло не вызвать удивления и недоумения у советских людей.

И вот г-н Дуглас только что вернулся из своей поездки по Сибири, по республикам Средней Азии и Кавказа. Застать нашего гостя в гостинице оказалось не так-то легко: то он с утра устремлялся на Красную площадь, чтобы лично заснять смену караулов, то встречался с министрами, то проводил долгие часы на московских заводах.

Наконец наша встреча состоялась.

— Я готов отвечать на ваши вопросы,— сказал мне Уильям Дуглас, усаживаясь в кресло в Бюро обслуживания «Интуриста».

— Как вы себя чувствуете в Москве, как вас здесь принимают?

— Очень хорошо. Везде в СССР: в колхозах, совхозах, на фабриках, в институтах — меня принимали очень тепло, очень дружески.

— Считаете ли вы свое путешествие в СССР полезным?

— Безусловно, полезное путешествие. Оно дало мне возможность узнать ваши обычаи, понять советскую действительность. Многое мне дали встречи с государственными деятелями вашей страны.

Дуглас отвечает короткими, энергичными фразами.

— Что вы думаете о развитии туризма между нашими странами?

— Я стою за расширение таких связей.

Мы снова возвращаемся к впечатлениям американского судьи об СССР. Что он думает о развитии наших национальных республик? Г-н Дуглас говорит о своих встречах с министрами, председателями колхозов, членами Верховных судов этих республик. Он говорит, что американцам в СССР предоставлена полная свобода передвижения. Самое хорошее впечатление на нашего гостя произвел город Алма-Ата, с прекрасным пейзажем и садами, который напомнил г-ну Дугласу его родину.

— Я ничего не знал о жизни этих республик до приезда в СССР,— замечает наш собеседник.

— Но как в таком случае могло появиться это нелепое утверждение? — Я показываю г-ну Дугласу газету, в которой цитируется его интервью. Как мог он заявить корреспонденту «Бангкок пост», что национальные Советские республики, освобожденные Октябрем от колониального гнета, до революции были... независимы, а теперь... являются колониями?

— Я никогда не говорил и не писал ничего подобного.

Это было сказано решительным тоном, и этому нельзя было не поверить. Теперь-то г-н Дуглас своими глазами видел эти республики, и он не мог не убедиться в том, что они являются равноправными членами Советского Союза.

Нам стало ясно, что, распространяя клевету об СССР, газета «Бангкок пост» попросту для этой цели использовала имя этого члена Верховного суда Соединенных Штатов Америки.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Делегация греческого города Волос на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Мэр города Волос г-н Г. Карталис делает запись в книге для почетных гостей.

Фото А. Гостева.

Из греческого города Волос

На прошлой неделе ростовчане сердечно принимали в своем городе делегацию греческого города *Волос*, возглавляемую видным общественным и политическим деятелем, бывшим министром и депутатом г-ном Георгиосом Карталисом.

— Как было воспринято в Греции приглашение исполкома Ростовского городского Совета?

Г-н Георгиос Карталис отвечает:

— Как только мы получили письмо из Ростова, наш муниципалитет был атакован населением. Все спрашивали: «Когда вы поедете и нельзя ли поехать с вами, чтобы увидеть Советский Союз?» Поехать с нами в Ростов были готовы представители всех политических направлений. Я уже говорил, что много путешествовал, однако никогда меня не провожало столько людей, сколько собралось на аэродроме в тот день, когда я улетал в Москву.

На вопрос о том, чего ожидают члены делегации города Волос от своей поездки, г-н Карталис ответил:

— Наш город в последнее время пережил несколько серьезных землетрясений, которые разрушили много домов. Мы хотим скорее восстановить их. Поэтому одна из главных задач, которая стоит перед нами в этой поездке, заключается в том, чтобы ознакомиться с работами, проведенными по восстановлению Ростова-на-Дону после минувшей войны.

Мы хотим также возможно *больше* узнать о советской жизни: как живут советские люди, как работают, учатся, отдыхают.

— Что, по вашему мнению, г-н мэр, следовало бы сделать для лучшего взаимопонимания между нашими странами?

— Прежде всего, мне кажется,— говорит г-н Карталис,— надо увеличить число путешественников из Греции в СССР и из СССР в Грецию. Нам надо увеличить не только число туристов, но и делегации самого различного рода. От этого дело мира только выиграет. Надо также больше переводить книг с греческого на русский и с русского на греческий.

Во время короткого пребывания в Москве делегаты города Волос успели осмотреть лишь метро и Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. В Павильоне механизации они долго осматривали различные сельскохозяйственные машины и автомобили. Особенно понравился гостям новый «Москвич», и трое из пяти членов делегации выразили желание купить его.

Г-н Георгиос Карталис выразил убеждение, что поездка делегации города Волос в СССР, несомненно, принесет пользу не только лично ему и другим членам делегации, но и Греции.

К. ЕФИМОВ

Делегация японского парламента

В начале сентября в Советский Союз прибыла по приглашению Верховного Совета СССР делегация японского парламента, возглавляемая Токутаро Китамура и Масару Номидзо.

На снимке: члены делегации направляются к Мавзолею В. И. Ленина и И. В. Сталина, чтобы возложить венок.

Фото Е. Тиханова.

Бельгийская парламентская делегация

5 сентября в Москву по приглашению Верховного Совета СССР прибыла Бельгийская парламентская делегация, возглавляемая председателем палаты депутатов К. Гюйсмансом.

На снимке: Бельгийская парламентская делегация на приеме у Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Волкова и Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. Т. Лациса в Большом Кремлевском дворце.

Фото В. Соболева (ТАСС).

12.000 километров по СССР

Прем Нанд ШАРМА,
индийский фотокорреспондент

В свои 38 лет я уже довольно много путешествовал: был в Европе, в арабских странах, на юге Африки и во многих районах Азии. Доводилось пролетать над Гималаями, над высочайшей вершиной мира — Эверестом.

Давно хотелось мне побывать в Советском Союзе — и вот я в Москве, и со мной неразлучный спутник — моя фотокамера.

Я совершил по СССР поездку протяженностью в 12.000 километров. Советские друзья любезно предложили мне осмотреть все, что я пожелаю. Развернув карту, я решил побывать в Горьком, Сочи, Тбилиси, Сталинграде и все остальное время посвятить Москве.

Москва... Одна из величайших столиц мира... Она влекла меня к себе долгие годы, и вот теперь я вижу прославленные сооружения Кремля, с волнением вступаю под своды Мавзолея В. И. Ленина и И. В. Сталина, разглядываю богатые коллекции индийских книг в Библиотеке имени Ленина... Огромный стадион на Ленинградском шоссе, футбольный матч, десятки тысяч оживленных зрителей. И, наконец, московское метро с его богатыми монументальными украшениями.

Обычно я бродил по улицам Москвы один, с моим фотоаппаратом через плечо. Незнание языка не создавало особых затруднений. Когда я чувствовал, что не знаю дороги в гостиницу, мне стоило только обратиться к милиционеру. Я произносил по-русски единственное знакомое мне слово — «Индия», — и приветливая улыбка появлялась на лице милиционера. Он вежливо брал под козырек, а потом старался найти среди прохожих кого-либо говорящего по-английски.

Я побывал в нескольких парках культуры и отдыха, видел изумительный кукольный театр для детей и побывал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

...Горький. В первый раз я мог запечатлеть на пленке моего фотоаппарата берега великой русской реки Волги... Старинный кремль... Памятник знаменитому русскому летчику Чкалову.

Автозавод имени Молотова в Горьком — одно из крупнейших в мире автомобильных предприятий. Я видел комфортабельную машину «ЗИМ», видел знакомую у нас в Индии «Победу», грузовики.

Заместитель директора завода принял меня гостеприимно. Я совершил поездку в автомашине «Волга», которая еще находится в стадии экспериментальных испытаний.

Мне очень хотелось побывать в доме у рабочего автозавода. Я сам выбрал одну из квартир. Хозяйка дома просто и искренне поведала мне свою заветную мечту: пусть не будет войны, пусть будет вечный мир.

Об этом же я говорил и в доме одной колхозницы. Я расспрашивал хозяйку о ее доходах, о детях, муже. На вопрос о муже она сначала не ответила, а потом тихо сказала, что он убит на фронте. Мне было понятно, почему с такой силой в голосе говорила эта женщина о том, что надо запретить войны, надо, чтобы люди спокойно растили и ласкали детей. Я пожелал ей всего лучшего, крепко пожал руку и сказал по-русски: «До свидания».

В пионерском лагере я сразу очутился в обстановке веселья, песен, беззаботного, лучезарного детства. Вокруг играли, бегали дети рабочих города Горького. Когда я уезжал, меня засыпали цветами, подарили пионерский галстук — это означало, что я становлюсь почетным пионером.

Сочи... Мы летели туда над безбрежными зелеными равнинами, потом над бело-голубыми в солнечном свете горами Кавказа. И вот мы на советской Ривьере, одном из самых лучших курортов в мире. В санатории, где отдыхают горняки, я увидел все, что может дать современное здравоохранение,— удобные комнаты для одиночек и семейных, большую поликлинику, парк, пляж, спортивные площадки.

В Тбилиси я провел самые волнующие часы путешествия. Здесь праздновался своеобразный юбилей—двадцатилетие Детской железной дороги Грузии. Этой железной дорогой управляют дети, на праздник их собралось огромное количество. Был торжественно поднят флаг, и потом все отправились в большой зал. Были прочитаны приветствия от Министерства путей сообщения и организаций Грузинской республики. Мне отвели место в ложе печати. Вдруг кто-то в президиуме назвал мое имя — и все дети встали и приветствовали меня дружными аплодисментами.

Меня попросили сказать несколько слов. Это застало меня врасплох. Я сказал:

— Дорогие друзья, я приношу вам приветствие от детей Индии...

Надо сказать, что я не приспособлен произносить речи, а скорее — выслушивать их, писать репортажи. Но я продолжал:

— Видя вас всех здесь, веселых и счастливых, я могу сказать только одно: индийские дети очень любят вас. Я надеюсь, что и вы любите их и хотели бы с ними встретиться. Пожелаем же, чтобы Детская дорога дружбы связала детей Индии и детей Советского Союза. Спасибо вам за теплые приветствия! Да здравствует дружба между нашими народами!

Потом меня торжественно прокатили в вагоне Детской железной дороги.

На следующий день я побывал на металлургическом заводе в Рустави. Завод этого же типа будет построен в Индии с помощью советских специалистов. Рустави — крупное предприятие, еще не завершенное полностью, но выполняющее ряд металлургических производственных процессов. Разговаривая с рабочими и инженерами Рустави, я выразил надежду, что индийско-советская дружба будет крепкой, как сталь.

...Много написано и сказано, много песен сложено о городе-герое Сталинграде. Здесь, на сталинградской земле, я склонил голову перед памятью тех, кто отдал жизнь в боях за свою Родину. Город, по сути дела, выстроен заново и стал лучше, чем был некогда. Правда, в окрестностях его видны следы войны и страшных разрушений, которые принесло Сталинграду вторжение нацистов, как и следы разгрома их армии. Возрождается не только город. Под Сталинградом идет строительство гигантской гидроэлектростанции. На Западе писали, что строители встретятся с неразрешимыми техническими задачами. Это предсказание не оправдалось: советские инженеры преодолели все трудности с большим мастерством. Электростанция принесет новую славу Сталинграду и древней Волге.

НА АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ. 6 сентября группа иностранных дипломатов совершила поездку на атомную электростанцию Академии наук СССР. В ней приняли участие Чрезвычайные и Полномочные Послы в СССР: Швеции — Р. Сульман, Бирманского Союза — Монг Он, Демократической Республики Вьетнам — Нгуэн Лонг Банг, Итальянской Республики М. Ди Стефано, Польской Народной Республики — В. Левиковский, Чехословацкой Республики — Я. Вошаглик, Аргентины — Л. Браво, Соединенных Штатов Америки — Ч. Э. Болен, Народной Республики Албании — М. Прифти, Великобритании — сэр У. Хэйтер, Мексики — А. де Розенцвейг Диас. Гости побывали в зале, где находится сердце станции — атомный котел-реактор, осмотрели парогенератор, паровые турбины, центральный пульт управления. Советские ученые А. К. Красин и Н. А. Николаев рассказали гостям о работе станции.

На снимке: гости в центральном зале осматривают верхнюю часть атомного котла-реактора.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

После недавно закончившейся в Женеве Международной научно-технической конференции по мирному использованию атомной энергии в Москву прибыл председательствовавший на ней г-н Хоми Баба в сопровождении видных индийских ученых. Хоми Баба посетил президиум Академии наук СССР. На снимке: г-н Хоми Баба на приеме в президиуме Академии. Справа — вице-президент Академии наук СССР И. П. Бардин.

Фото Н. Петрова.

Матч спортсменов двух стран

13 октября 1954 года на лондонском стадионе «Уайт-Сити» состоялась первая встреча легкоатлетов Лондона и Москвы. Борьба закончилась победой советских спортсменов, но главный успех этого выдающегося спортивного события был в другом: родилась крепкая дружба спортсменов двух стран, было решено встречи советских легкоатлетов с легкоатлетами Великобритании и Северной Ирландии сделать традиционными.

И вот в Москву с ответным визитом прибыла команда английских легкоатлетов. В программу состязаний включено 20 видов легкой атлетики для мужчин и 10 — для женщин, по существу, почти полная олимпийская программа.

Несколько часов подряд будет идти борьба на беговой дорожке и в секторах стадиона «Динамо». За первое место спортсмен получает пять очков, за второе — три очка, за третье — два очка и за четвертое — одно очко.

Сборная команда легкоатлетов Великобритании и Северной Ирландии — грозный противник. Рекордсмен мира в беге на 3 мили Кристофер Чатауэй, чемпионка Европы в прыжках в высоту Тельма Гопкинс, чемпионка Европы по прыжкам в длину Джин Деформ-Пикеринг, олимпийский призер в беге на 3 тысячи метров с препятствиями Джон Дизлей, Диана Лезер, занявшая второе место на первенстве Европы в беге на 800 метров, и многие другие известны далеко за пределами своей родины.

Особенно сильны бегуны команды Великобритании и Северной Ирландии, а ведь из 20 видов мужской легкой атлетики, включенных в программу матча, 12 являются беговыми. В каждом из них за команду Англии будут выступать спортсмены мирового класса.

В беге на 800 и 1 500 метров примут участие Дерек Джонсон и Брайан Хьюсон. Тот и другой имеют результаты, которых еще не достигли сильнейшие советские бегуны. Больших успехов добился на дистанции 5 тысяч метров Кристофер Чатауэй. А в беге на 10 тысяч метров Англия имеет сильнейших стайеров Гордона Пири и Кена Норриса.

В прошлом году одной из интереснейших страниц истории легкой атлетики стала борьба Э. Затопека, К. Чатауэя и В. Куца за рекорд мира в беге на 5 тысяч метров. Победа Куца в Берне, дуэль Чатауэй — Куц в Лондоне и, наконец, рекорд мира, установленный Куцем в Праге, были в центре внимания спортивной общественности мира.

Встретится ли Чатауэй в Москве с Куцем? Этот вопрос волнует сейчас многих болельщиков и в СССР и за рубежом.

Куц недавно установил выдающийся рекорд в беге на 10 тысяч метров — 29 минут 6,2 секунды, и поэтому интересы команды могут потребовать, чтобы он выступил на этой дистанции.

11 сентября 1955 года станет большим спортивным днем и важной вехой на пути советских и английских спортсменов к XVI олимпийским играм в Мельбурне.

К. ГАВРИЛОВ

Бежит Чатауэй.

ГОСТИ НАШЕЙ СТРАНЫ

Египетские журналисты

В столице Украины несколько дней гостила делегация египетских журналистов, прибывшая в Советский Союз из Каира. В составе этой делегации — редакторы и сотрудники известных египетских газет и журналов.

Возглавляет делегацию председатель Египетского профсоюза журналистов Хусейн Фахми. Выражая киевлянам благодарность за дружескую встречу, он сказал:

— Мы полны самых больших надежд, ибо в последнее время значительно участился приезд иностранных делегаций в вашу страну, что заметно способствует международной дружбе и взаимопониманию.

Гости знакомились с Киевом, были в музеях, театрах, выезжали в один из колхозов Киевской области. Али Амин, совладелец и главный редактор издательства «Ахбар Эль-Яум» поделился с корреспондентом «Огонька» первыми впечатлениями:

— Раньше у нас складывалось впечатление, что люди Советского Союза стремятся жить изолированно. Но, приехав сюда, я увидел, что это не так, что советский народ стремится к дружбе. Я убежден, что если бы я знал русский язык, то мог бы разговаривать с каждым встречным на улице и нашел бы немало друзей.

5 сентября египетские журналисты прибыли в Москву.

В. ШУМОВ

На снимке: египетские журналисты в Киеве, у здания Театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко.

Фото Б. Сычева.

Артисты из Бразилии

Наше знакомство с искусством Бразилии началось еще в предыдущие годы выступлениями в Москве молодой одаренной певицы и киноактрисы Ванжи Орико, талантливой пианистки Анны Стеллы Шик и выдающегося музыкального деятеля — композитора Клаудио Санторо.

Нынешней осенью это знакомство расширилось. Москвичи тепло и сердечно принимали на различных концертных площадках выступления новой группы бразильских мастеров. Известный композитор и дирижер Жозе Сикейра наряду с исполнением произведений западной классики и советской музыки познакомил слушателей со своей сюитой, пронизанной яркими и красочными народными мелодиями. Легко, просто, задушевно пел бразильские песни молодой артист Роберто Сатурнино Брага. Особенным успехом пользовались выступления Стеллинии Эгг и Алис Рибейру, исполнявших народные бразильские и негритянские песни, полные очарования, которое еще усиливала своеобразная манера выступления, говорящая о большой артистичности певиц.

На снимке: концерт бразильских артистов в летнем саду имени Н. Э. Баумана в Москве. Выступает Стеллиния Эгг.

Фото А. Трошина.

Мастера чехословацкой эстрады

В московском театре «Эрмитаж» идут выступления артистов чехословацкой эстрады (художественный руководитель — Ян Бартош, режиссер — Ольдржих Липский). Среди многочисленных участников концертов — эстрадный оркестр радиостанции Брно — «Беро», небольшой джаз-ансамбль, старинная деревенская капелла, заводской оркестр народных инструментов. Солисты тоже представляют собой самые разнообразные жанры: кукольный театр, музыкальную эксцентрику, эквилибристику, танцы, пение...

Все привлекает в этом коллективе: и умело составленная программа и высокое мастерство исполнения. Недаром каждый раз до отказа переполнен здесь зрительный зал и так долго провожают аплодисментами зрители полюбившихся им артистов.

Пролог представления чехословацких артистов эстрады.

Фото Е. Умнова.

Высокогорную обсерваторию Астрофизического института Академии наук Казахской ССР часто посещают экскурсанты. На снимке: алма-атинские школьники направляются в планетарий.

ОБСЕРВАТОРИЯ В ГОРАХ

Мы поднимались в горную обсерваторию ночью. Усыпанное крупными звездами небо казалось совсем близким к нам. В поднебесье голубели вечные снега вершин Ала-Тау, и словно в их голубоватом свете рождался легкий туман Млечного Пути.

В дни войны в этих местах была разбита белая палатка первой астрономической экспедиции. А теперь здесь, в пятнадцати километрах от Алма-Аты, на высоте почти полутора тысяч метров, раскинулся астрономический городок. Днем, под солнцем, на фоне темной зелени тянь-шаньских елей серебрится купол главного корпуса Горной обсерватории Астрофизического института Академии наук Казахской ССР, а выше в горы уходят астрономические наблюдательные башни. Руководит обсерваторией ее основатель — академик Василий Григорьевич Фесенков. Здесь установлен один из самых современных советских телескопов — менисковый — системы Д. Д. Максутова.

Когда мы попали в обсерваторию, стрелки хронометра у телескопа показывали полночь. Купол наблюдательной башни был широко раздвинут.

Наблюдения у менискового телескопа вел кандидат физико-математических наук Д. А. Рожковский. В кассетную часть телескопа была заложена фотографическая пластинка, а огромный объектив обращен к повисшему над заснеженным хребтом Тянь-Шаня созвездию Скорпиона. Там, невидимая простым глазом, находится газово-пылевая туманность. В ее центре обнаружен источник мощного радиокосмического излучения. Рожковский уже сделал десятки снимков туманности сквозь красные, синие и зеленые фильтры, определяя причину излучения. Прекрасные оптические свойства менискового телескопа позволили астрономам получить фотографии туманностей, слабо светящихся в Галактике.

Бледнеют звезды. Тает густая синева гор, и кажется, приподнимается купол неба. Открывается бескрайняя ширь мира. В эти часы раздвигается крыша павильона атмосферной оптики, и приборы наводятся на голубое небо. Здесь изучают все, что связано со светом, с яркостью неба, прозрачностью воздуха. Пользуясь таблицами, составленными Е. В. Пясковской-Фесенковой, легко определить яркость неба в любой точке земного шара.

Утром оживает главный корпус обсерватории. В фотолаборатории проявляются снимки, сделанные ночью, щелкают арифмометры и ложатся на бумагу астрономические числа. На универсальном измерительном микроскопе Любовь Николаевна Туленкова определяет расстояние между звездами с максимальной точностью. Молодой астроном Татьяна Макарьевна Мулярчик рассматривает снимок внегалактической туманности, не имеющей даже названия и обозначенной лишь номером.

Лаборатория электроники возникла в обсерватории с появлением Василия Ивановича Мороза, 23-летнего астрофизика, только в прошлом году окончившего МГУ. Мы застали Василия Ивановича за прибором, в котором сплелось множество различных проводов.

Этот прибор, который по собственной схеме готовит Мороз, будет переводить световой эффект в электрический ток. Пользуясь им, можно будет в течение десяти секунд определить силу света, излучаемого любой звездой, туманностью или планетой. Это, пожалуй, уже элементы автоматики в астрономических наблюдениях.

→ Младшие научные сотрудники Г. Лившиц и Т. Торопова определяют коэффициент прозрачности и измеряют околосолнечные ореолы.

←
Сотрудники высокогорной станции (слева направо) младший научный сотрудник С. А. Обашев, кандидат физико-математических наук М. Г. Каримов и младший научный сотрудник А. Б. Делоне готовят коронограф к наблюдению за солнечной короной.

Высокогорная станция Астрофизического института Академии наук Казахской ССР.

Выше обсерватории, у берега Большого алма-атинского озера, находится станция, где установлен коронограф — особый телескоп для наблюдения солнечной короны, деятельность которой связана с магнитными бурями и северными сияниями на земле. Там живут и работают астрономы-солнечники Сакен Обашев и Анна Делоне. Их называют зимовщиками. Даже в разгар лета, когда в пригородах Алма-Аты наливается апорт, а в скверах цветут огненные канны, почти у самого крыльца станции лежит снег, и Анна Делоне набирает букеты подснежников.

В пятиметровой трубе коронографа солнечное затмение создается искусственно. В ней есть «луна», и хотя диаметр ее не превышает трех сантиметров, она способна закрыть диск огромного солнца. В объективе коронографа так же, как и в редкие минуты солнечных затмений, сквозь закопченное стекло можно наблюдать сияние солнечной короны, и не только наблюдать, но фотографировать ее через фильтры.

Мы попали на станцию в знаменательный для нее день. Руководитель сектора физики солнца кандидат физико-математических наук Митхат Ганиевич Каримов составлял первую телеграмму о «поведении» солнечной короны. Станция в горах Заилийского Ала-Тау начала нести службу солнца.

В. ЛАВРОВА
Фото Б. КУЗЬМИНА.

→
Дети сотрудников обсерватории тоже «ведут наблюдения» за небесными светилами.

БУДНИ ТАНКОДРОМА

За соснами рос и рос беспокойный смерч пыли при полном безветрии. Он поднимался над танкодромом, где шли занятия по вождению танков.

Через несколько минут наша «Победа», с трудом преодолевая песчаную дорогу, вырвалась наконец из лесу и остановилась у края огромного танкодрома.

Глазам сразу стало больно от знойных красок: вверху — слепящее, цвета кипящей стали солнце, от сияния которого небо сделалось пепельно-желтым, внизу — всхолмленные просторы горячего песка, в котором пекутся разомлевшие от жары сосновые шишки.

Сегодня здесь показывают свое мастерство опытные воины и солдаты, сдающие экзамен на механика-водителя.

На правой стороне поля вытянулись, точно по нитке, тринадцать пестрых красно-синих столбов с флажками. Это исходная линия для движения. Меж столбов — танки, пока еще безмолвные, недвижимые, кажущиеся совсем неуклюжими. Неподалеку — две легкие крашеные деревянные беседки: в одной находится учетчик, фиксирующий все действия экипажей, в другой — офицеры, руководящие занятиями. Перед каждым лежит на столе секундомер.

Раздается очередная команда — вызывается механик-водитель гвардии ефрейтор Александр Иванов. Он осматривает машину и спускается через люк внутрь, где его уже ожидают командир танка и поверяющий офицер. Заведен мотор, регулировщик взмахнул флажком: вперед! Танк рванулся, и вокруг него закипели песчаные вихри. Вдруг он исчез, словно провалился сквозь землю: опустился в воронку от авиабомбы (ее вырыли накануне саперы). Через секунду — другую танк уже снова наверху и опять ныряет вниз, во вторую воронку. А за нею через несколько десятков метров — эскарп. Танк на мгновение замедляет ход, будто готовится к прыжку, и, взревев во всю мощь своего двигателя, лезет на препятствие, становится «на дыбы».

Но вот центр тяжести переместился, и стальная махина валится на нос, плюхается, спрессовав все под собою, и опять — вперед. А там еще другие препятствия. Наконец все пройдено, и танк замирает у столбов на исходном положении. За это время учетчик записал, когда был начат и закончен осмотр, когда заведен и выключен мотор, пройденное расстояние и время, затраченное на дорогу. Из люка показывается Александр Иванов, его лицо покрыто крупными каплями пота. Поверяющий офицер сообщает: пять плюсов. Это значит, что Иванов выполнил все пять условий учебных занятий. А времени на преодоление препятствий он затратил почти вдвое меньше, чем полагается по норме. Великолепный результат!

«Туалет» танка.

На старте — машина, на пушке которой семь красных звездочек. Сейчас они обозначают совсем не то, что в военную пору: не количество уничтоженных огневых точек врага, а состояние «здоровья» танка: каждая звездочка свидетельствует, что механик-водитель продлил межремонтную «жизнь» боевой машины на 25 часов. Семь звездочек — 175 часов.

Этот танк поведет механик-водитель гвардии младший сержант Михаил Катаев — в недавнем прошлом тракторист Верхосунской МТС, Кировской области. И то, что мы увидели, было своеобразным «высшим пилотажем» среди танкистов — с таким мастерством водил машину Катаев. Танк мчался среди бурлящих «водоворотов» песка, «одним духом» преодолевал препятствия, а когда полез на эскарп, то машина, весящая не один десяток тонн, замерла на ребре эскарпа и забалансировала, точно это были качели. Нужно исключительное умение, чтоб так «чувствовать» машину. Потом танк прошел через узкие габаритные ворота, и висящие по бокам на проволоках деревянные рейки — ограничители — не шелохнулись, машина их не задела.

Рев моторов на танкодроме становится все сильнее. По трассе рванулось сразу несколько машин. В небо взметнулось столько пыли, что казалось, в этот момент можно было бы зафиксировать, насколько потеряла в весе наша планета. Когда танк уходит, машина скрывается в клубах песка, а когда возвращается, вырываясь из грязножелтого облака, гусеницы танка похожи на два стремительных ручья, ослепительно «играющих» под солнцем.

Занятия закончены. Михаил Катаев ведет свою машину в сторону, под тень сосен. Гвардии младший сержант Федор Стоев, командир танка, вчерашний тракторист из Запорожской области, с земли помогает Катаеву знаками, и танк осторожно лавирует между молодыми березками, которые обметают запыленную горячую сталь машины. Вдруг из-под нее шумно выпархивает большая коричневая птица, и Стоев дает знак: «Стоп!»

— Может, тут ее гнездо, не раздавить бы, — говорит он, раздвигая куст.

Хорошо лечь в тени на траву, выкурить папиросу.

— Миша! — обращается Стоев к водителю. — Тебе ведь мало осталось служить, куда поедешь после армии?

— Пока еще не решил: и домой, на старое место, тянет и на целине хочется поработать. Наверное, туда и подамся.

После короткого отдыха — в парк. Сжатый воздух заканчивает работу, начатую березками: сдута пыль — и танк вползает на эстакаду для мойки. Он стоит высоко, и теперь видно его «брюхо», до блеска начищенное травами и песком. Из брандспойтов хлынули хрустальные струи, и кажется, что танк, словно живое существо, наслаждается под холодным душем, с удовольствием глотает широко раскрытой «пастью» — люком механика — водяные брызги.

Когда закончили «туалет» машины, довольно трудоемкий и очень тщательный, танкисты сбросили комбинезоны и занялись собою. Конечно, прежде всего идут к реке. До чего же это замечательно — вдосталь наплаваться после многочасовой жары! Теперь пора и на ужин — солдатскому аппетиту позавидует кто угодно. А после ужина можно заняться и другими делами: почитать книгу, затянуть песню под гармонь, написать письмо землякам в колхоз, полить клумбу с хризантемами или, получив разрешение командира, отправиться к реке с удочками. Большинство же сегодня вечером с особенным интересом пойдет в летний кинотеатр, где будет демонстрироваться фильм «Солдат Иван Бровкин». Воины участвовали в съемках этой картины и поэтому смотрят ее самыми первыми, до выпуска на экраны страны.

После занятий — на рыбалку! Слева направо: гвардии младший сержант Ф. Стоев, гвардии ефрейторы Г. Кряков и Г. Никуленков.

Вл. РУДИМ

Фото Е. Тиханова.

Мокрый снег

Рассказ

Вера **УСТИНОВА**

Рисунки О. Верейского.

Туманное, сырое утро. За окном тусклый ноябрьский рассвет. Но Ольга Николаевна уже встала. До ухода на работу нужно приготовить завтрак, отправить ребят в школу, убрать квартиру.

Набросив ситцевый халатик, Ольга Николаевна стояла у окна. Мокрый, редкий снег лениво падал на мостовую. По подоконнику, нахохлившись и поджав крылья, бродили, сердито воркуя, голуби.

Сыновья спали, сладко посапывая и прижавшись друг к другу. Ольга Николаевна подошла к кровати и сдернула одеяло:

— Студенты, пора вставать!

Обычно она будила их не сразу, чтобы дать время поворочаться, потянуться в постели. Но сегодня Ольга Николаевна была в плохом настроении: ночью болела голова, ломило ногу.

Первым проснулся «студент» первого класса, Павел, среди друзей-мальчишек просто «Павка-пиявка». Рыжий, худенький и быстрый, он разом спрыгнул с постели и, подтягивая на ходу трусики, бросился к окну.

— Гули-гуленьки,— позвал Павка,— замерзли? Сейчас я вас накормлю.

Схватив со стола кусок хлеба и разминая его в ладони, он открыл окно. Холодный, сырой воздух ворвался в комнату.

«Студент» третьего класса, Петька, щекастый и курносый, все еще лежал в постели, искоса поглядывая на брата. Ему тоже очень хотелось покормить голубей, но Павка занял место первым и без боя его не уступит. Петька внимательно посмотрел на мать: нет, потасовка сегодня не пройдет. Тогда он соскочил на пол и крикнул:

— Ага! Сегодня твоя очередь убирать кровать! А я буду умываться. Чур, первый!

Приплясывая на одной ноге, он поскакал в кухню, словно не заметив, что Павка кормит голубей. И хотя сегодня была именно его очередь убирать постель, хитрость удалась. Павка бросил голубей и помчался за ним в кухню. Убирая постель, Ольга Николаевна слышала препирательства мальчишек.

За завтраком Ольга Николаевна проверяла тетрадку по арифметике старшего сына. Вчера она поздно вернулась с работы и не успела проверить все уроки сыновей.

— Мама,— зашептал ей в самое ухо сидевший рядом Павка,— он вчера опять примеры делал на одной ноге. И в ответы заглядывал.

— Ябеда-беда, тараканья еда! — Петька потянулся через стол и шлепнул брата, но тут же получил сдачу.

— Перестаньте! — строго, но не повышая голоса, сказала мать. — У меня голова болит.

Как и всегда в таких случаях, ребята затихли. Быстро позавтракав и уложив ранцы, они надели галоши и направились к двери. Но не успела дверь захлопнуться, как они с гиканьем и свистом помчались наперегонки вниз по лестнице.

Ольга Николаевна, улыбнувшись, долго прислушивалась к топоту их ног, пока не хлопнула входная дверь. Потом она разогрела приготовленный накануне вечером обед, закутала кастрюли в старую вязаную кофту и накрыла их подушкой. Если она опаздывает, ребята хозяйничают сами.

Сегодня у нее утренний прием в поликлинике. День был сырой и серый. Безрадостное осеннее небо совсем низко висело над городом. Все прохожие казались Ольге Николаевне мрачными и озабоченными.

Ольга Николаевна два часа осматривала малышей, давала советы матерям. Она любила эти часы консультаций, материнских тревог, спокойных советов. Любила, положив пеленку на чашеобразные весы, взвешивать крепких, задумчивых малышей. Но сегодня она делала это все механически.

К концу приема в кабинет вошла старушка-регистраторша и подала ей исписанный лист бумаги.

— Вот вызовы на сегодня, — сказала она.

— Так много? — удивилась Ольга Николаевна.

— Непогода, слякоть, ребята простужаются, — как бы извиняясь, сказала регистраторша.

Просмотрев адреса, Ольга Николаевна решила начать обход с мальчика, получившего удар в область солнечного сплетения. Выйдя на улицу, она поежилась от сырости. Снег пошел сильнее. Мокрые хлопья падали на лицо, лезли за воротник.

В старинном парке стояли черные деревья. Кое-где на голых ветвях сохранились пожухлые, бурые листья. Отрываясь под тяжестью снега, они бесшумно падали на землю. Ноги все время попадали в жижу из мокрого снега. Ольге Николаевне казалось, что даже через ботики она ощущает сырость.

«Десять лет я живу с Георгием, — раздраженно думала Ольга Николаевна, — и десять лет он меня уговаривает мягко, но настойчиво: «Оленька, не бросай работу. Ты же пятнадцать лет училась. Ты детский врач. Ну что может быть лучше и нужнее?»

А понимает ли он, как все это трудно — иметь двух детей, мужа, полгода проводящего в командировках, принимать в поликлинике, обходить больных на дому в любую погоду, читать лекции молодым матерям... А магазины, дом? А дома два сорванца. Понимает ли он все это?»

Когда дети ходили в детский сад, было легче. А сейчас они сами себя воспитывают. Сколько раз она пыталась нанять домработницу! Сначала брала молодых. Но, прожив два — три месяца, получив прописку, заведя знакомства, девушка уходила. И когда Ольга Николаевна спрашивала ее, почему она уходит, та, передернув плечами, отвечала:

— Сколько я у вас ни проживу, а все буду домработницей. А на заводе специальность получу. Хочу жить самостоятельно. Вы уж извините.

А старухи, увидев, что хозяйка всегда занята, да и не умеет спросить как следует, начинали хитрить, находили у себя всевозможные болезни, и вместо помощи приходилось за ними ухаживать.

Но вот и новенькое шестиэтажное здание, в котором жил ребенок, получивший ушиб.

Дверь открыла пожилая женщина в полосатом переднике, с угрюмым лицом.

— Вам кого? — сердито спросила она.

— Я врач, — ответила Ольга Николаевна.

— Тады раздевайтесь, — проговорила женщина, включила свет в прихожей и показала на вешалку. Там висело меховое дамское пальто и офицерская шинель с полковничьими погонами.

— Докторша пришедши, — объявила женщина, открыв дверь в комнаты.

Ольга Николаевна вошла. Ноги сразу утонули в пушистом розовом ковре. «Не текут ли у меня ботики», — подумала Ольга Николаевна и хотела сойти с ковра, но он покрывал весь пол до самой стены. В комнате было много красивой полированной мебели, люстра, тяжелые шторы, много цветов, безделушки на полках вдоль стен.

За столом сидела женщина лет тридцати в цветастом китайском халате, с красивым, но злым лицом и, читая книгу, прихлебывала ко-

фе из китайской чашечки. По обложке Ольга Николаевна узнала один из переводных романов, издававшихся еще в конце тридцатых годов. Женщина нехотя оторвалась от книги, поправила волосы, уложенные в сетку, и сказала лениво, растягивая слова:

— А... наконец пришли. Я вас все утро жду.

— Где больной ребенок? — сухо спросила Ольга Николаевна.

— Валерик, — позвала женщина, — оставь игрушки. Иди сюда.

Вошел мальчик лет пяти. Чистенький, упитанный, в нарядной пижаме. В руках он держал коробку и крутил в ней винтик. От коробки шел шнур к маленькой машине «ЗИМ». Машина бесшумно катилась по ковру. Ольга Николаевна вспомнила, что видела эту игрушку в «Детском мире», куда ходила на днях с сыновьями. «На чьих детей рассчитана игрушка, которая стоит около ста рублей?» — удивилась тогда она.

— Что у тебя болит? — спросила Ольга Николаевна, когда мальчик поздоровался.

— У меня не болит, — ответил мальчик, — это, наверно, у мамы.

— Вы знаете, доктор, — быстро заговорила женщина, — вчера у нас были гости, и сын приятельницы ударил Валерика прямо сюда.

— Ребенок терял сознание? Были рвоты?

— Этого еще не хватало! — недовольно сказала мать. — Просто были боли, он плакал.

— Покажи, детка, где у тебя болит,— наклонилась к мальчику Ольга Николаевна.

— Нигде у меня не болит! — сердито сказал мальчик.

— Но ведь ты же жаловался, — удивилась мать.

— Надоели вы мне, я и сказал, что болит...

Ольга Николаевна все же тщательно осмотрела ребенка.

В комнату вошел полковник с добрым, чуть грустным лицом. Несмотря на седые виски, лицо у него было моложавым. Он приветливо поздоровался с Ольгой Николаевной и сказал:

— Простите, пожалуйста, за беспокойство, доктор. Но жена думала, что с мальчиком что-то серьезное.

— Не мешает лишний раз убедиться, что ребенок здоров, — перебила его жена. — Теперь мы можем спокойно уйти. Надеюсь, ты вызвал машину?

— Да, да, вызвал, — поспешно ответил муж. И в голосе, которым он это сказал, в мгновенном взгляде, брошенном на жену, было раздражение.

Сказав, что ребенок здоров, Ольга Николаевна простилась и ушла.

Погода совсем испортилась. Холодный ветер бил в лицо дождем и снегом.

«Мальчишки, наверное, уже возвратились из школы. Нет, еще рано. Сколько уроков сегодня у Пети? Хоть бы поели как следует. А то, как в прошлый раз, сначала выпьют компот, потом съедят мясо, а к супу и не притронутся. Убегут во двор, вымокнут...»

Сидя у постели маленькой девочки, заболевшей ангиной, она продолжала думать о сыновьях. Хорошо, что они такие крепыши и редко болеют.

Сколько раз она думала бросить работу! В первый раз это случилось, когда ходила беременная старшим сыном. Но муж просил:

— Оленька, подумай. Тебе ведь нелегко досталось образование. Пройдет год — два, все забудешь. А ведь ты, говорят, уже хороший диагност. Зачем же твой труд, молодость, проведенная за учебником?

— А ребенок? — с раздражением отвечала она. — Кто им будет заниматься?

— Будем растить вместе, — говорил муж.

Признаться, она тогда плохо в это верила. Георгий — единственный и поздний сын старого профессора — вряд ли мог быть ей хорошим помощником. Но она ошиблась. Он охотно гулял с ребенком, ходил до работы по магазинам и даже пытался готовить обед. Им, конечно, мог помочь отец мужа, но у старика-профессора были на этот счет свои твердые взгляды.

— Трудности только укрепляют семью, если она настоящая, — говорил он жене, когда та предлагала забрать к себе внука или отпускать к ним свою домработницу, давно уже ставшую членом семьи. — Если любят друг друга, выдержат.

Но спустя два года, когда родился второй мальчик, Ольга, хотя и очень уже любила свое дело, решила бросить работу. С двумя детьми на руках работать, казалось, было совсем невозможно.

— Я не могу видеть, как ты чистишь картошку, бегаешь по магазинам, встаешь ночью к ребятам, — говорила Ольга мужу, — я лучше брошу пока работу.

— Ни за что! — опять упирался Георгий. — Мне легче сейчас чистить картошку, чем потом, когда сыновья вырастут, видеть твое всегда печальное, как у мамы, лицо и слышать примерно то, что она говорит постоянно папе: «Ради твоей кафедры я пожертвовала своим дипломом».

Ольга Николаевна стояла сейчас у подъезда пятиэтажного дома. Где-то на последнем этаже жил больной мальчик. Лифт не работал. Задохнувшись на крутой лестнице, Ольга Николаевна нашла нужную квартиру и позвонила.

— Кто там? — спросил тонкий детский голос.

— Врач пришел, открой, детка.

— Она не открывается. Меня замкнули.

— А где мама?

— Куда-то ушла. Сказала, на минуточку. Знаю я ее минуточку!

— Это ты Олег Воеводин?

— Да, это я, Олешка-три,— весело ответил мальчик.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, это у нас в саду дети заболели яичницей.

— Какой яичницей?

— У нас мальчишки заболели яичницей, — повторил мальчик, рассерженный непонятливостью взрослого человека. — Клавдия Михайловна говорит, мы несчастные. Во всех группах дети как дети, а к нам привязывается корь, ангина, а теперь яичница. А потом она еще говорит, что у всех есть Миши, Коли, Вани, а у нас пять Олегов, семь Игорей да еще...

— Это к делу не относится, — усмехнувшись, перебила его Ольга Николаевна. — Ты лучше расскажи, что у вас за яичница?

— Они стали желтые-желтые.

— Желтуха, — засмеялась Ольга Николаевна. — В каком же это саду?

— Я не знаю. Надо идти прямо, прямо, где милиционер, а потом...

— Сколько тебе лет?

— Недавно праздновали рождение. Были Юрка, Таня и много, много ребят. Мне было пять лет. И был торт и пять ма-аленьких свечечек. Их прямо в торт и воткнули. А они накапали на торт. А мы его все равно съели.

— Понятно. Ну, а теперь расскажи, что у тебя болит.

— А у меня ничего не болит. Это мамку бог до ума не довел.

— Что, что? — изумилась Ольга Николаевна.

— Так папа сказал. Зачем она мне дала кашу редисовую и птицу жареную, общипанную? Я объелся, и меня порвало. Мама говорит: «Это яичница начинается». А папа сказал: «Ничего не начинается. И не смей ребенка в поликлинику таскать, там еще заразится чем-нибудь. Ты от безделья скоро с ума сойдешь. Тебя бог до ума не довел, чтоб за ребенком смотреть и не обкармливать».

— А температуру тебе мерили?

— Папа ставил. Сказал, врача не беспокоить, он другим нужен.

— А сегодня тебя рвало?

— Нет. Мне только скучно.

— Ну, я пойду, меня больные дети ждут. А маме скажи, что если тебе будет хуже, чтобы в поликлинику позвонила.

— Ладно, до свидания,— с сожалением сказал мальчик.

Спускаясь по лестнице, Ольга Николаевна опять думала о сыновьях. Теперь они уже пришли из школы, поели и отправились в парк. Хорошо, что он рядом. Не нужно улицу переходить. Зажигал ли Петя керогаз? А вдруг забыл погасить? А неделю тому назад они, возвращаясь из школы, толкнули друг друга и вместе влетели в витрину закусочной. Стекло разбили вдребезги, хорошо, что не поранились. Георгий был на работе, ему позвонили, и он выкупил их, заплатив за стекло. И скрыл от нее. А ребята весь вечер сидели непривычно тихие, присмиревшие. Соседка потом проговорилась. А когда она стала выговаривать Георгию, за него заступились ребята. Папа ведь хотел сказать, а они его просили не говорить. И при этом вся троица обменивалась сочувственными взглядами.

Очередную дверь открыла старушка в опрятном шерстяном платье, с гладко зачесанными седыми волосами и в очках. У нее было строгое лицо старой учительницы.

— Простите, доктор, за беспокойство, — говорила она, помогая снимать пальто. — Моя бы воля — не стала вас вызывать. Да еще в такую погоду. Ноги у вас не промокли? — покосилась она на забрызганные грязью ботики Ольги Николаевны.

Комната была уютная, чистая до блеска. В постели лежал мальчик лет восьми.

— Видите, доктор, — говорила старушка, пока Ольга Николаевна доставала из чемоданчика стетоскоп, — отец и мать мальчика уехали на целинные земли, а внука мне поручили Простыл, наверное. Температурка небольшая Одной все-таки... знаете, без родителей. Так что уж извините.

У мальчика был легкий грипп. Ольга Николаевна выписала лекарства и собралась уходить.

— Могу я вам предложить стакан чая, доктор? — смущенно спросила старушка. — Слякоть, непогода. Продрогли, поди? Ног, наверно, под собой не чувствуете?

И как Ольга Николаевна ни отказывалась, старушка все-таки усадила ее пить чай с горячими булками. То ли от чая, то ли от хорошей, человеческой доброты Ольга Николаевна почувствовала себя лучше.

А вызовы все еще не кончались. Отправила в больницу девочку, была у мальчика с воспалением легких. Наконец, остался последний адрес.

Снова стало ломить виски, правый туфель почему-то стал жать ногу, отсыревшее пальто

тянуло вниз, устали плечи. А главное, хотелось домой. Что делают сейчас ребята, сели ли за уроки? Завтра ведь вернется из командировки Георгий. Нужно вымыть полы, приготовить что-нибудь вкусное.

Она с нетерпением позвонила в последнюю дверь. Дверь распахнулась сразу. Видимо, ее звонка ждали.

— Доктор? Наконец-то, — произнес женский голос, и послышался облегченный вздох. В передней было темно. — Сюда, доктор, сюда.

В комнате было мало мебели, и от этого она казалась высокой и просторной. На большой кровати под ватным одеялом лежала девочка лет шести. Уставившись воспаленными глазами на обои, девочка шептала: «Травка, травочка...» И все время вздрагивала и вытягивалась на постели.

С первого взгляда Ольга Николаевна поняла, что здесь случай серьезный. Женщина тревожно следила за лицом Ольги Николаевны и молчала. Потом неожиданно вскрикнула:

— Доктор, она умирает!.. — Она охватила голову девочки и прижала ее к себе.

— Не пугайте ребенка, отойдите, — строго сказала Ольга Николаевна. — Когда заболела?

— Ночью. Вечером привела из сада, была веселая, играла, а потом проснулась, вся горит, бредит. У меня термометр накануне разбился. — Женщина потерла пальцем висок. — В поликлинику позвонила, а температуру не могла сказать.

— А сейчас какая температура? — спросила Ольга Николаевна.

— Тридцать девять, — шепотом сказала женщина. Она брала в руки то полотенце, то мыльницу, то зачем-то протирала термометр и все говорила, говорила: — Ушла на работу, а доченька осталась с соседкой. Отпрашивалась, а с меня бюллетень спрашивают. Потом соседка, спасибо, позвонила — отпустили.

У Ольги Николаевны сразу прошло ощущение усталости, мучившее ее весь день. Она понимала, что мать боится молчать, но это мешало ей сосредоточиться.

Ольга Николаевна внимательно смотрела на больную. Девочка продолжала шептать: «Травка, травочка...» — и вздрагивала. Достав шпатель, Ольга Николаевна пыталась осмотреть горло, но у кровати было недостаточно светло, попросила мать перенести ребенка к окну. Только сейчас заметила, что девочка удивительно красива: синие огромные глаза с густыми, длинными ресницами, узкие брови красивой дужкой, иссиня-черные волосы и строгое, как у взрослой, чистое лицо. Ольга Николаевна взглянула на мать. Да, она тоже была красива, но, видно, горе и заботы наложили свои следы. Несмотря на чистоту линий, лицо было увядшее, неподвижное.

«Дифтерия?» — мучительно думала Ольга Николаевна. Она вспоминала все случаи, похожие на этот, за все десять лет своей практики.

— Что с ней? — с трудом удерживая слезы, спрашивала мать. — Она выживет?

— Да. Но у нее тяжелая форма дифтерии, — тихо сказала Ольга Николаевна. Голос, поставивший диагноз, показался ей чужим.

— Вы не ошиблись? — Мать смотрела на нее отчаянными, умоляющими глазами. Она не могла уже стоять и как-то неудобно, боком опустилась на стул. — Кроме девочки, у меня никого нет, — сказала мать неожиданно сухим и спокойным голосом.

И это спокойствие было хуже отчаяния. Она сидела, окаменев, только дрожали руки, опущенные на колени. Ольга Николаевна почувствовала вдруг резкую боль в сердце.

— Есть в доме телефон? — спросила она.

Чтобы убедиться в диагнозе, надо бы взять мазок и отправить в лабораторию. Надо ввести немедленно сыворотку... Теперь дорого каждое мгновение.

Вскоре приехала медицинская сестра, срочно вызванная из поликлиники. Ольга Николаевна держала пульс. Сестра ввела сыворотку, потом сделала укол камфары.

Пришла машина из больницы. Укутав девочку, Ольга Николаевна передала ее шоферу. А мать стояла неподвижно и безучастно. Сестра взяла ее под руку и повела к двери.

Ольга Николаевна сама отвезла девочку в больницу. Врач дифтерийного отделения был занят, и пришлось немного подождать. Потом он вместе с ней осмотрел ребенка и вышел к матери, ожидавшей в приемной. Та попрежнему сидела, не шелохнувшись, точно в столбняке.

— Успокойтесь, — сказал врач, — диагноз правильный, меры приняты своевременно. Уверен в благополучном исходе.

И ушел...

«Вот и все», — подумала Ольга Николаевна. А чего же она, собственно, ждала? Случай один из тысячи. И она сделала свое дело. В эту минуту она почувствовала, как рука женщины, сидевшей рядом в кресле, до боли сжимает ее руку. Впервые в глазах женщины появился какой-то проблеск сознания. Она уткнулась в живот Ольги Николаевны и плакала, пытаясь поцеловать ее руку.

Больница находилась далеко за городом, и Ольга Николаевна долго ждала трамвая на остановке. Пришла вдруг огромная нежность к Георгию, захотелось его увидеть.

...Потом она шла тем же старинным парком. Не было ни усталости, ни головной боли. Заснеженный парк показался удивительно красивым. Да еще фонари подсвечивали покрытые снегом ветви деревьев. Было тихо, как на сцене перед поднятием занавеса.

Вот она и дома. Она взбежала по лестнице и нетерпеливо, несколько раз подряд, позвонила. Павка и Петька встретили ее красные и возбужденные. Глаза их сияли. Они были в одних майках и трусиках. Перебивая друг друга, рассказывали:

— Мамочка, мы пол помыли. У тебя голова болит? Только тряпку мы не нашли и помыли посуденным полотенцем.

И действительно, пол был кое-где покрыт лужицами, а все вещи сдвинуты со своих мест. На столе стоял горячий электрический чайник и расставлены чашки.

— Мы еще и чайник вскипятили, только...— начал было Павка, но Петька дернул его сзади за майку, и тот смущенно умолк.

— Ну, ну, докладывайте, — усмехнулась Ольга Николаевна.

— Только он долго, долго не кипел, — затараторил Павка, — а потом вдруг сразу закипел и как фукнет...

— Дядя Саша потом электричество чинил. Ты не думай, он не очень ругался, — успокоительно добавил Петька.

Ночью, когда ребята уже спали, перед глазами Ольги Николаевны проходили в полудреме обрывки прошедшего дня. Почему-то вспомнились морщинистые, сухие руки старушки, резавшей булку, потом колеблющиеся тени деревьев в парке, потом каменное лицо женщины, когда они выносили закутанную девочку.

«А завтра приезжает Георгий, — подумала Ольга Николаевна. — Милый мой, хороший! Это ты сделал меня врачом...»

Потом почему-то она сидела в цветастом халате, а полковник говорил ей сухим, раздраженным голосом: «Да, да, вызвал!»

И что-то самое главное в сегодняшнем дне ускользало из сознания засыпавшей Ольги Николаевны.

«Да, я счастлива», — подумала вдруг Ольга Николаевна и тут же уснула. Наверное, это и было самое главное.

За окном в желтоватом свете уличного фонаря все так же падал мокрый, редкий снег. И никто не видел, какое красивое и спокойное лицо было у спящей Ольги Николаевны.

Интервью «Огонька»

ПОСЛЕ ЗАГРАНИЧНОЙ КОМАНДИРОВКИ

Советский специалист побывал за границей. Что дало ему знакомство с передовым зарубежным опытом? Чем обогатилась его техническая мысль? Какие новшества стали применяться после поездки? С такими вопросами редакция «Огонька» обратилась к представителям некоторых отраслей промышленности. Публикуем их ответы.

Мы узнали немало нового

Н. М. КУРЕК,
кандидат технических наук

Когда советская делегация строителей сошла на перрон в Варшаве, первое, что привлекло наше внимание, был... забор вокруг вокзального здания. Хотя забор этот не столь красив, как, скажем, знаменитая решетка ленинградского Летнего сада, но он нас заинтересовал, словно это был воспетый поэтом «оград узор чугунный». Узоры легких, изящных заборов новой Варшавы сделаны не из чугуна, не из дерева, не из кирпича, а из значительно более дешевого, экономичного материала — сборного железобетона. Мы видели повсюду в Польше мачты для уличных фонарей из такого же железобетона, в Чехословакии — упругие и легкие железнодорожные шпалы из этого же материала, в Венгрии, в Германской Демократической Республике — железобетонные трубы. А когда мы познакомились со строительством жилых домов, заводских зданий, то увидели, что сборный железобетон применяется в странах народной демократии шире, чем у нас, в СССР.

Наша страна — родина массового применения сборного железобетона. Из него возводились сооружения первой пятилетки. Но появилось в стране больше чугуна, стали, и железобетоном перестали заниматься, вместо него стали расходовать дорогой металл. Этого «увлечения» избежали наши друзья. В Венгрии, например, где древесина вчетверо дороже бетона, при сооружении огромных индустриальных зданий обходятся не только без стальных конструкций, но и без деревянных перекрытий.

Два месяца знакомилась наша делегация с передовым опытом строителей Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Чехословакии. Мы увидели здесь на стройках советскую технику, встретили многое из того, что впервые было применено на наших строительных площадках. Но мы узнали и немало нового, оригинального, самобытного.

Очень успешно поработали наши друзья над тем, чтобы увеличить прочность и уменьшить вес железобетонных конструкций. Здания из железобетона поражали нас своим изяществом, легкостью. Как это достигнуто? Прежде всего улучшено качество самого строительного материала. Строителям известно: чем меньше воды идет на приготовление бетонной смеси, тем она жестче, а бетон прочнее. Мы в Советском Союзе дошли до известных пределов жесткости, перешагнуть которые не сумели. Пытались еще уменьшить количество воды, но тогда смесь теряла вязкость, не формовалась, как ни уплотняли ее с помощью специальных машин — вибраторов. Чешские инженеры решили эту проблему легко и остроумно: к нашим обычным вибраторам они добавили «пригрузочную» плиту, и под небольшим давлением стали формоваться значительно более жесткие смеси.

Прочность и легкость железобетона чехи увеличивают и другим способом. Стальные стержни, которые укладываются в бетон, они предварительно вытягивают, «напрягают». Для такого железобетона (он называется «предварительно напряженным») нужно в 3—6 раз меньше металла, вдвое меньше других материалов. Между тем растянуть, разрушить его значительно труднее, чем обычный. Вот почему мы почти не видели трещин в чешских зданиях из железобетона.

Строители Венгрии, Чехословакии, Польши правильно решили: зачем делать фермы, арки из тяжелого сплошного железобетона, когда можно применять конструкции «ажурные», решетчатые — с пустотами, вырезами? Такой железобетон применялся у нас на Украине еще в тридцатых годах. Но потом у нас о нем почти «забыли».

До поездки в Венгрию у нас считалось, что рискованно перекрывать железобетонными плитами пролеты более 6 метров. Венгры смело перекрывают вдвое большие пролеты. Они сооружают металлургические цехи, мощные ТЭЦ, применяя огромные железобетонные конструкции весом до 60 тонн.

Кроме специалистов, в нашей делегации был и кинооператор. Все, что мы узнали нового за время поездки, запечатлено на пленке. Получился большой, содержательный фильм. Его просмотрели тысячи советских строителей. Свои впечатления мы широко осветили в специальной печати.

За время, которое прошло после нашей поездки, советские специалисты сумели внести усовершенствования в те методы, с которыми нас познакомили друзья, и они теперь широко применяются на стройках в Советском Союзе.

На французских заводах

Я. З. КОЗИЧЕВ,
директор Московского станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе

«Это выгодно, мсье...», «Это невыгодно, мсье...» — как часто повторялись эти слова в беседах, которые вели французские промышленники с нами, тремя советскими инженерами, приехавшими во Францию. И почти столь же часто слова эти заставляли нас о многом задуматься.

Вместе с директором завода «Красный пролетарий» Г. А. Сургучевым и главным инженером завода «Калибр» Н. М. Дагаевым я ездил нынешним летом во Францию на промышленную выставку в Бордо. После осмотра выставки нам была любезно предоставлена возможность ознакомиться с некоторыми машиностроительными и станкостроительными заводами. Мы побывали на автомобильном заводе Рено в Париже, на заводе Сомуа в парижском пригороде, на заводах городов Санс, Фюмель, Невер.

Франции приходится конкурировать с другими высокоразвитыми капиталистическими странами, и ее станкостроение стремится быть на уровне мировой техники. На заводе Рено нам рассказывали, что их предприятие работает производительней фордовского: конвейер Рено дает на 100 тысяч автомобилей в год больше, чем конвейер у Форда.

Но вот над чем особенно приходилось задумываться при посещении французских заводов — это над той предельной экономностью, расчетливостью, с какими здесь ведется дело.

Один из примеров. Базовые, основные детали всех агрегатных уникальных станков во Франции — сварной конструкции, а не из чугуна, как это принято у нас.

— Сварные конструкции деталей при производстве уникальных станков выгоднее,— говорили нам французские инженеры, — не нужно делать модели, которая в 3—4 раза удорожает стоимость детали и увеличивает затраты времени. Другое дело при серийном выпуске. Здесь выгоднее литье: одна и та же модель используется для многих отливок.

Конечно, это было известно мне и до поездки во Францию. Но соображения выгоды и экономии не всегда выдвигались у нас на заводе на первое место. Сейчас, после того как я поделился своими зарубежными впечатлениями с руководящим составом завода, мы намерены применить сварные конструкции базовых деталей индивидуальных, уникальных станков, для чего расширяем наш сварочный цех.

На французских предприятиях очень немногочислен контролирующий персонал. На нашем заводе имеется регулировщик станка, наладчик, контролер ОТК, контрольный мастер. На заводах во Франции все функции окончательной наладки и проверки станка выполняет одно лицо: инженер цеха, по-нашему, контрольный мастер.

— У нас нет специальных контролеров: это дорого, невыгодно и снижает ответственность администрации цеха за качество. — объяснили французы.

Может быть, полностью с этим нельзя согласиться, но задумать-

Эта пловучая база для жилья и отдыха сооружена в Народной Республике Болгарии из железобетона. Две такие базы изготовлены по заказу Советского Союза и обслуживают строителей черноморских портов. Здесь размещаются 200 человек, имеются кинозал на 100 человек, столовая, баня, прачечная.

ся над сокращением контрольного аппарата французские наблюдения меня заставили.

На заводах Франции на каждых сто основных рабочих приходится меньше вспомогательных рабочих, кладовщиков, уборщиц, чем у нас. Еще до поездки во Францию на нашем заводе мы уменьшили количество людей во вспомогательной группе на 4 процента. Теперь для меня ясно, что можно дополнительно сократить число вспомогательных рабочих еще на 5—10 процентов.

На французских заводах производственный процесс так налажен, что он идет бесперебойно, без простоев рабочих по вине администрации. На нашем же заводе мы допускаем вынужденные простои станочников. К более упорной борьбе за непрерывность производства, против простоев, неравномерной загрузки рабочего склоняют меня французские впечатления.

Конечно, знакомство с инженерной, с организаторской мыслью Франции принесло мне как инженеру и руководителю завода много пользы.

Встреча с друзьями

Б. А. БЕРЕЗИН,
мастер Московского опытного стекольного завода

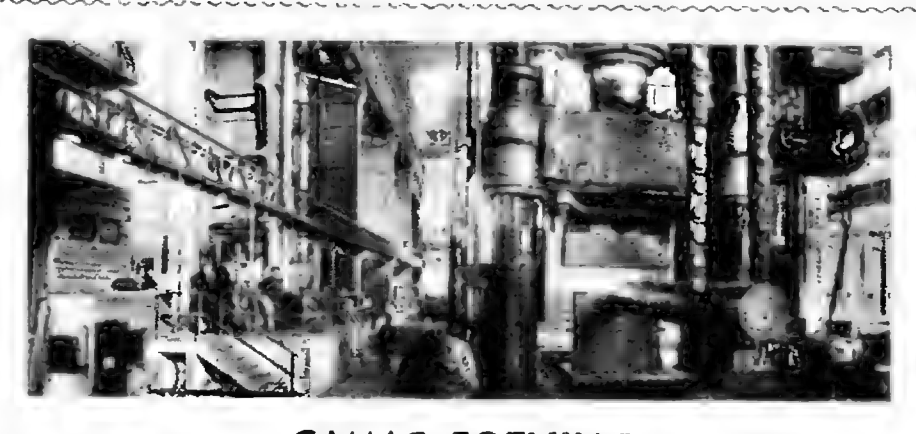
Город Иену (Германская Демократическая Республика) называют «столицей мировой оптики». Здесь находится знаменитый на весь мир завод оптических приборов — народное предприятие «К. Цейс». Здесь же расположен не менее известный специалистам завод — народное предприятие «Шотт», где готовится оптическое стекло. Еще от своего деда и отца — стеклодувов — слышал я об этих заводах. Знал, что в Иене тщательно охраняются десятки разных технологических тайн, связанных с обработкой стекла. Прошли годы, и вот теперь мне вместе с начальником цеха нашего завода И. С. Шатохиным довелось побывать в Иене.

Сравнительно недавно на нашем заводе освоен выпуск стеклянных термостойких труб. Такие трубы начинают широко применяться в винодельческой, молочной, химической промышленности, заменяя металлические трубопроводы.

Выработка этих труб, прессовка и выдувка фасонных частей к ним — кранов, фланцев, соединительных муфт — проводились на нашем заводе вручную. Удачно автоматизировать эти процессы нам не удавалось.

Два месяца я провел в цехах немецкого завода, стоял на рабочем месте рядом с немецкими стеклодувами. Они по-дружески делились всеми «секретами» своего мастерства, особенно когда убедились, что и я не новичок в нашей общей профессии.

Большую помощь нам оказали мастер Штернкопф и начальник керамического цеха доктор Винклер. Мы очень подружились с немецкими коллегами. Бывали у них дома, вместе отпраздновали день рождения Шатохина. Сейчас мы организуем автоматическое производство и обработку термостойких труб у себя на заводе и с благодарностью вспоминаем бескорыстную помощь наших иенских друзей.

САМАЯ БОЛЬШАЯ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАШИНА

Не много известно в мировой практике металлообрабатывающих машин, которые имеют в высоту 30 метров и для которых строят специальные цехи высотою с 10-этажный дом. Совсем недавно одна из таких крупных машин начала работать на металлургическом комбинате имени Клемента Готвальда в Кунчице — гигантский гидравлический пресс чехословацкой конструкции. Это самый большой и самый мощный кузнечный пресс в Центральной Европе.

Некоторые части этого уникального пресса-великана весят десятки тонн. Например, две его основные детали — так называемые «очки» — весят по 73 тонны каждая. Между «очками» помещается деталь весом в 57 тонн.

Рабочее давление этой колоссальной металлообрабатывающей машины равно 12 тысячам тонн.

Пресс предназначен для обработки крупногабаритных деталей мощных гидротурбин, прокатных станов. Машина может обрабатывать в горячем и холодном виде стальные отливки весом от 100 до 300 тонн, то есть может изготовлять детали для еще более мощных механизмов, чем она сама.

Кузнечный пресс-гигант выпущен заводом имени В. И. Ленина в городе Пльзене. Этот завод славится на весь мир своей продукцией: крупными, мощными экскаваторами, оборудованием для доменных и прокатных цехов, подъемными механизмами.

Г. МАЛИНИЧЕВ

ПОДВИГ

Г. РАДОВ

В Краснодаре в дни совещания работников маслобойной промышленности мы со знакомым агрономом слушали инженера-маслобойщика. Инженер хвалился.

— На двадцать тонн сокращены у нас потери масла. На двадцать! — повторил он, подчеркивая, как это много — двадцать тонн.

И вдруг агроном жестом оборвал рассказчика, отстранился, пропуская подтянутого бритоголового мужчину в защитном пиджаке, сказал ему вслед:

— Пустовойт Василий Степаныч... Знаешь, сколько масла подарил народу в прошлом году? Два миллиона пудов...

Сказано это было так обычно и уверенно, что мы в первый миг не приметили значительности цифры. И лишь минуту спустя сконфуженный инженер сказал:

— Погоди... Два миллиона?! Миллиона? Ты шутишь?

— Два миллиона! — повторил агроном. — По скромному подсчету. Может, и больше...

— А что он сделал?

— Переделал подсолнечник...

...И вот мы идем по полю, видим знакомую с детства картину и, ей же ей, не примечаем никаких следов переделки. Подсолнушки как подсолнушки, чуть пониже обычных, с нормальными золотыми шляпками. Крепконогие, веселые... Что в них нового? Урожай? Да, урожай этих подсолнухов достигает полутораста пудов с гектара, но это не диковина. Такое встречалось и раньше. Где же перемена?

Агроном, наш спутник, молча наклоняет корзинку, вылущивает мягкое, неокрепшее семя, осторожно раскрывает его, обнажает белое скользкое ядрышко.

— Тут перемена, — показывает он.

Припоминается, что лет тридцать назад кубанский хлебороб засыпал в маслобойку пять пудов сухих подсолнухов, и маслобойщик без всяких анализов объявлял: «Пуд масла!» И никто с ним не спорил. Пятая, от силы четвертая, часть подсолнухов — масло, с этим свыклись люди. Полистайте старые учебники, справочники, энциклопедии — все они согласно твердят: подсолнечник — растение с масличностью семян 25—28 процентов. Казалось, природа однажды и строго распорядилась жирами: клещевине на каждый центнер семян отпустила пятьдесят килограммов масла, льну-кудряшу — сорок, а подсолнуху — двадцать семь — тридцать, не больше...

И вот осенью прошлого года удалось мельком увидеть поле колхоза имени Микояна, Курганинского района, Краснодарского края. Это было не опытное, а обычное «хозяйственное» поле — сотни гектаров. Уборка была закончена, грузовики везли подсолнух на элеватор. Мы спросили у лаборантки, сколько масла получится из центнера этих подсолнухов. Она заглянула в бумагу, ответила: «В переводе на абсолютно сухие семена сорок семь килограммов». «Сорок семь?!» «Да, сорок семь!» — повторила девушка и для наглядности швырнула костяшки на счетах. Позже завод выдал официальную справку: все подсолнухи колхоза имени Микояна дали из каждого центнера в переводе на абсолютно сухие семена по 46,9 килограмма масла вместо извечных 25—27 килограммов. А если сравнить выход масла из-под заводского пресса, то получится лишних десять килограммов масла из каждого центнера! И, что называется, даром: без дополнительного труда, без особой агротехники, без диковинных удобрений. Семян с гектара собрано столько же, сколько собирали и прежде, а масла почти вдвое больше! Что же это за дивные подсолнухи?

«Дивные? — удивилась лаборантка. — Да нет, у нас их все сеют. Пустовойтовские. Сорт «ВНИИМК 8931»...

...К сожалению, об этой победе еще не сказано во весь голос. Может, потому не сказано, что она пришла не внезапно, не вдруг, а добыта шаг за шагом и люди вжились в нее. А может, и потому не сказано, что затейщики и кузнецы этой победы — заведующий отделом селекции Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур Василий Степанович Пустовойт, его помощники и коллеги — скромны, деловиты и вовсе не пекутся о собственной популярности.

А победа такая, что ее без натяжек можно отнести к научным подвигам большой величины. Речь-то идет не о третьестепенном растении. Подсолнечник! Страна засевает им миллионы гектаров, и почти девять десятых всего добываемого в стране растительного масла — подсолнечное масло! Аргентина — виднейший после нас производитель подсолнуха — и по сей день сеет сорта с масличностью 25 процентов, а на делянках у Пустовойта — вот они! — размножаются сорта, в которых сухое семя наполовину состоит из масла. Наполовину! Пятьдесят процентов масличности! Больше, чем у льна, почти столько, сколько у клещевины! Вот он куда шагнул, подсолнечник! Но это на делянках. А на просторе? В колхозах? В совхозах?

Еще справка: четыре года назад страна засевала высокомасличными сортами Института масличных культур миллион гектаров, а нынче засеяла около двух миллионов! И все эти сорта с масличностью, перевалившей за сорок процентов...

Затейщику этого дела в нынешнем году исполнится семьдесят лет. Он сухощав, строен, подтянут, начисто бреет голову. Загорелый,

бодрый, отличный ходок, он и по внешности и по повадкам человек полевой, не кабинетный: ездит не на «ЗИМе», не на «Победе», а на обшарпанном «газике» военных времен, вертком и приспособленном к тяжелым кубанским грязям. Впрочем, «газик» чаще отдыхает, а Пустовойт ходит пешком. Спросишь: «Где Василий Степаныч?» «Ушел в поле». А до поля пять — семь, а то и все двенадцать километров...

Официальные справочники твердят, что именно Пустовойт положил первый камень в отечественную селекцию по подсолнуху. В общем, они не ошибаются, эти справочники. Официально русская селекция по подсолнуху была начата в 1912 году в учебном хозяйстве «Круглик» под Краснодаром, и начал ее агроном школы В. С. Пустовойт. Но не он положил первый камень. Может, потому-то и посвятил он всю жизнь подсолнечнику, что приметил, понял, как цепко взялся за это растение народ, народная селекция... Подсолнечник появился в России полтораста лет назад, но что это был за подсолнечник! Очевидцы описали его: ветвистое декоративное растение, с вегетационным периодом 20 недель, с мелкими цветками-корзинками. Дикарь! И за этого-то заморского дикаря и принялся русский крестьянин. Да как принялся! Даже в строчках статистического отчета об анкете, проведенной среди воронежских крестьян, угадываешь волнение огорошенного статистика. Массовое научное творчество — вот что приметил земский статистик в деревнях под Воронежем. Он опросил жителей села Малый Ржавец — восемь из десяти занимались отбором подсолнечника. Статистик не поверил, перекочевал в деревню Засосну — и там больше половины крестьян селекционировали.

Позже, в 1913 году, со всей России было собрано 590 образцов крестьянского подсолнуха, и саратовские ученые долго в задумчивости стояли над этими образцами, пораженные мудростью народной, терпением и тем согласием, с которым действовали тысячи разобщенных крестьян. Почти все образцы оказались на одно лицо. В сотнях деревень народные селекционеры, не сговариваясь, отобрали сероподосные семянки и отбросили черные и белые... Именно они, безымянные народные селекционеры, превратили ветвистый подсолнечник в однокорзиночный... Именно они, не ведая ни о биотипах, ни об иных тонкостях селекции, начали отбор на племя по окраске семянки, скороспелости, крупности, выбирая на посев семена из наружных рядов корзинки. Нужда заставляла!

С этого и начинал Пустовойт: принял эстафету из крестьянских рук, собрал по России полторы тысячи образцов крестьянского подсолнечника и высеял их в учебном хозяйстве «Круглик», высеял вопреки запрету департамента земледелия. Департамент этот, не признавший Мичурина, и Пустовойту запретил опытничать, объявив, что у хозяйства «Круглик» иные цели... Но запрет не обескуражил ученого. Он радовался полученному наследству. Полторы тысячи образцов — богатейший исходный материал для селекции! Правда, радость эта не помешала двадцатисемилетнему агроному заметить и главную слабинку народной селекции. Крестьяне — честь и хвала им за это! — окультурили подсолнечник, выровняли его, но не смогли, не сумели «довести его до ума». Масличность русского крестьянского подсолнечника была так же низка, как и у его заморских братьев.

«Масличность! — рассуждал Пустовойт. — Да что же это за закон, по которому три четверти урожая, с превеликим трудом добытого земледельцем, уходит в жмых и лузгу?! Так положено? Кем? И что значит для России хотя бы на один процент поднять масличность? Сколько масла?» Он взял карандаш, прикинул: один процент масличности — сто тысяч пудов масла для России! Так определилась позиция ученого, наметилась цель жизни. Почти в одно время с ним принялись за подсолнух в Харькове, Саратове, Ростове. Там воевали за урожай, скороспелость, крупность семян, устойчивость. Пустовойт прицелился к ядру: изменить его состав, поддать масла, потеснить лузгу...

Он начал двадцати семи лет. Наступала самая деятельная пора. Но прошли годы, подошла зрелость, а сорокалетний Пустовойт был так же далек от цели, как и в первый день. Минули боевые, хлопотливые годы, когда особенно хотелось одарить народ. Это были первые годы советской жизни. Все появилось у Пустовойта — и деньги, и помощники, и внимание старших товарищей. Только он не мог подарить людям ни пуда масла! Правда, он вывел неплохие сорта, но масличность, масличность, к которой он стремился, за тринадцать лет не поднялась ни на одно деление. Сотни вариантов, скрещиваний, комбинаций проб — и ни малейшего результата! Ученый огляделся. Он один среди селекционеров воевал за масличность. Один! Да не потому ли он был один, что задача неразрешима и все умные люди отошли от нее? Не потому ли все опытные станции согласно не планируют селекцию на масличность, что замок этот крепок и не подберешь к нему ключа? И не потому ли сорта ценятся лишь по урожаю, а масличность их не принимается в расчет, что дело это не подвластно человеку?! Состав ядра! Природа растения!

Трудно сказать сейчас, на сколько бы лет запоздала победа, если бы и Пустовойт тогда отступил. Но он не отступил. Почему? Сорокалетний человек, отдавший лучшие годы неразрешенной задаче, почему он не отошел от нее?

Мы сидим в комнате Пустовойта, и он, прикрыв глаза, уставший от дневных разговоров, вспоминает... Над столом хлопочет дочь и помощница ученого — Галина Васильевна Пустовойт. Другой, первой помощницы, Марии Николаевны Пустовойт, нет в живых. Сорок лет она шла рука об руку с мужем, всю жизнь, как и он, посвятила подсолнечнику и умерла вскоре после его победы. Неслышно, чтобы не помешать дедушке, проходит по комнате внучка.

— Почему я не махнул рукой на масличность? — вспоминает Пустовойт.— А вот почему: не верилось...

— Чему не верилось, Василий Степаныч? Тому, что задача не разрешима?

— Отчасти, — кивает Пустовойт, — отчасти и этому не верилось, хотя фактов я не имел. Не имел фактов! — сжимает он кулак. — И другому не верилось: как это крестьянам не попался подсолнух, богатый маслом... Если он есть, должны были напасть на след. Глазастый же народ! — живо говорит он. — Мудрецы! Весь урожай пропускали через руки. Неужели не приметили ни одно семечко, богатое маслом?

Это была догадка: если барьер масличности одолим, то природа и люди где-то хоть на шаг потеснили его. Но где? Вновь Пустовойт поклонился народной селекции. Гонцы разъехались по селам, и всю осень ученый провел над образцами. Анализы, анализы. Двадцать пять, двадцать восемь процентов масла... Та же картина. И вдруг в какое-то счастливое утро лаборант вывел новую цифру: «30»! Пустовойт трепетно повернул пакетик, прочел адрес: «Село Андреевка, под Мариуполем...»

Запомним и мы это село. Все высокомасличные сорта, выведенные институтом, — внуки, правнуки или иные дальние, но родственники тому, андреевскому подсолнуху. А он был вовсе не наряден. Грубый, подверженный заразихе, он лишь одним взял: был богаче маслом, чем все подсолнухи, побывавшие в руках Пустовойта.

Теперь, когда Василий Степанович и его помощники вывели в свет десятки сортов, удивляешься, как споро, уверенно зашагал тогда селекционер по найденной им дороге. После полосы неудач удача за удачей. Масличность росла так стремительно, словно на самом деле существовал какой-то заслон, прорвав который можно двигаться без трудов. Что ни год, что ни сорт, то еще один, два, три, а то и все пять процентов масла! Настораживает эта кажущаяся легкость поступи.

Мы листаем книги, брошюры, статьи, сочиненные селекционером. У него скуповатый, деловой стиль. Без полемики. Без задора. Факты, факты, таблицы... И выводы чеканные, краткие: первое... второе... третье... И один вывод кочует из работы в работу, упрямо повторяется слово в слово: «Селекционер не должен быть в роли пассивного наблюдателя. Он может и должен влиять на формообразовательный процесс в желательном для него направлении». Кажется, что спорного в этой фразе? Мичуринская позиция: активно влиять! Между тем эта позиция и рассорила Пустовойта с некоторыми учеными. Его коллеги ратовали за свободную избирательность и толкали к ней Пустовойта. Козыряя в запальчивости именами знаменитейшими, они объявили метод Пустовойта несостоятельным. Смысл речей его противников был прост: положись на природу! Высевай побольше образцов разных, давай им свободу опыления, выбирай лучшее потомство и размножай. Пустовойт сказал: не нужно свободы!

Если б он имел дело только с масличностью! Но речь шла не только о ней. Высокая масличность — это Пустовойт считал своей главной целью, но сколько еще было целей сопутствующих! Сколько свойств, «черт характера» нужно было придать новому сорту! Масличность, устойчивость к заразихе, обильный урожай, рост, доступный комбайну, наклон корзинки, неосыпаемость, срок созревания, удобный для людей, устойчивость к засухе, ржавчине, склеротинии, моли, гнили, вертициллезу... Множество свойств! И еще больше вариантов при скрещивании. Одно растение отменное, высокомасличное, но... подвержено заразихе. Другое и маслом богато и заразихи не боится, но беда: осыпается. Попробуй переопыли их свободно, когда рядом еще десяток растений со своими плюсами и минусами, — какое получишь потомство? Проникнут в потомство минусы разных родителей — корчуй их потом, эти минусы, мучайся, теряй годы. Опасная свобода! И Пустовойт деспотичнейше прикрыл ее, объявил: направленное опыление при свободном цветении. Направленное! Так, как мне нужно, а не так, как получится у природы. Он устраивал тщательные прополки в своих питомниках. Даже близкие помощники ахали, глядя, как безжалостно ученый выбраковывает, отбрасывает, искореняет растения за, казалось бы, пустяковейшие недостатки. А он положил себе: соединять воедино только лучшее с лучшим, не допускать к родительству особ с пороками.

В. С. Пустовойт.
Фото Б. Кузьмина.

Яванская легенда

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Это было в давние века.
Зародилась в кратере река.
Со скалы, бесплодной, как
стена,
Парус, окрыляющий корму,
Океан увидела она.
И отважно бросилась к нему.
Только задержалась на пути:
На земле, оранжевой, как медь,
Помогла бананам подрасти,
Рису помогла зазеленеть.
Повстречав неопытную мать,
Помогла ей дочку искупать...
Чтоб от зноя не было беды,
В мелкий пруд добавила воды.
Потрудилась, не жалея сил,
Но — и в этом нет ее вины! —
У нее убавилось красы,
У нее убавилось волны.
И, поскольку множество она
Совершала чистых, добрых дел,
Ей давал в дороге имена
Каждый как умел и как хотел.
Звал ребенок «Ласковой
струей»,
Окрестил «Рекой прохлады»
пруд.
И река не знала, как ее
По-географически зовут.
К океану добралась она
В поздний час, в полуночный
туман.
Но — и в этом не его вина! —
Не заметил речки океан:
Ведь была не очень велика
Эта работящая река!
Океан ее не разглядел.
А над ней раскрылись паруса.
У нее опять хватало дел...
Понимаешь, в чем ее краса?!

Ему говорили: вы обедняете природу, мешаете ей проявиться во всех возможных вариантах. А он твердил: к черту все возможные варианты, допускаю лишь варианты желательные... И он победил противников не с кафедры, а с поля. Уверенно, безошибочно, на редкость быстро—в два года—он выводил сорт за сортом. И обогнал, обошел всех поборников «свободной избирательности». Погрузившиеся во «все возможные» варианты с плюсами и минусами, они потеряли темп. Пустовойт дал высокомасличные сорта раньше всех других селекционеров страны.

Но нелегка была его поступь. Первый, богатый маслом сорт «Круглик А/41», внук андреевского крестьянского подсолнуха, мгновенно разошелся по стране, но так же скоро и сошел с арены, уступил ее сортам с меньшей масличностью. Что случилось с сортом? Селекционер недооценил силы противника... Есть у подсолнечника страшный враг — заразиха, растение-паразит; она манит взор фиолетовыми цветочками, но под ними скрывается подлейшая личина. Заразиха присосалась к корням подсолнуха и жадно сосет его соки.

Пустовойт знал заразиху много лет и свой «Круглик» вывел устойчивым к ней. Но оказалось, что враг хитрей, чем предполагал ученый. Заразиха расы «А», или, как ее после назвали в народе, «саратовская добрая», не тронула высокомасличного подсолнуха. Но в жарких степях жила еще не изученная тогда заразиха расы «Б», «донская злая», и она-то напала на «Круглик» и начисто истребила его.

Л. А. Жданов, большой ученый, виднейший боец с заразихами всех мастей, с тревогой сообщал тогда, что «донская злая» грозит всем селекционным сортам подсолнуха. Вся подсолнечная наука оживилась, ринулась на обнаруженного противника. И Пустовойт затеял свой новый сорт, казалось бы, в невыносимых, немыслимых условиях. Он намеренно заразил землю: бросил в нее по пуду семян заразихи на гектар. По пуду! Миллионы врагов были поставлены ученым перед новым сортом.

На что надеялся Пустовойт? Верил в силы сорта? Нет, он знал: почти все растения погибнут, но что-то останется, и это что-то, уцелевшее в неравной схватке, закалится и передаст закалку потомству. Не впервые прибегал Пустовойт к «воспитанию трудностями». В свою пору в высохшем солончаковом болотце он приметил редкие кустики проса. Ученый с волнением остановился у болотца, угадывая, какая битва разыгралась на солонцах. Соль истребила, испепелила просо, но нашлись растения-герои, не поддавшиеся губительной силе. Пустовойт бережно собрал семена от этих закаленных бойцов и из них вывел солеустойчивое просо, немало лет служившее Казахстану. И так же, наткнувшись на кулиги ржи в открытых ветрам степях, он вывел рожь, устойчивую к морозам... Так вышло и с подсолнухом. Растения, уцелевшие вопреки заразихе, дали начало новому сорту, и вскоре он был создан, этот сорт, «ВНИИМК 3519» — довоенный чемпион мира по содержанию масла, бодрый, устойчивый, жизнеспособный...

Мы листаем «личные дела» сортов, вдумываемся в их биографии, и одна мелочь режет глаз: названия. Почему они так скучны, неприметны, названия сортов-рекордистов? «3519», «1646», «6540». Сорт-чемпион — как же он называется? «8931». Не запомнишь, пожалуй... Есть же на свете рожь Лисицина, картофель «Лорх», подсолнух Ждановский... Почему нет подсолнуха Пустовойтовского?

Ученый хмурится, когда мы спрашиваем об этом, оборачивается к дочери:

— В самом деле, подумай над названиями, Галина! Запутаем колхозников цифирью — не разберут, что хорошо, что плохо... Можно так: Краснодарский, Кубанец...

— Пустовойтовский! — подсказываем мы.

— Ни в коем случае! — поднимается хозяин. — Э, нет, суть не в скромности... Принцип! Это же неверно — Пустовойтовский сорт! Хорош бы я был, Робинзон-сеятель... Не знаю, не знаю, как там с картофелем, но селекция — коллективнейшее занятие! Эстафета! Нельзя друг без друга... Не знаю, не знаю, как там другие, а я бы лично не называл сорта фамилиями ученых...

Дочь не перечит: она, видно, согласна с отцом, — лишь легкая усмешка трогает ее губы.

— Имя! — отмахивается Пустовойт. — Да шут с ним, с именем, — масло-то в общий котел... А селекция коллективная! Трудненько бы мне было, не случись рядом Жданова...

Он оживляется, вспоминая коллег.

— Жданов! — говорит он нежно. — Мы, правда, не всегда шли согласно... А ученый большо-ой! А Рушковский! Нет, представьте себе, что бы мы делали без Рушковского! Анализы! — прихлопывает он ладонью. — Анализы семян на масло — я же без них рыба на песке. А как мы их делали, анализы? Сложнейшим методом, по тридцать в день. Мучались, работа стояла! А Рушковский выдумал метод сухого остатка и в двадцать раз ускорил дело. Шестьсот анализов в день! А Щербина! — называет он старого помощника. — Василий Иванович Щербина — это же он ездил в Андреевку за семенами... А армавирские его сорта...

Пустовойт не говорит о покойной жене, но дочь напоминает:

— А мама...

— И Мария! — Пустовойт наклоняет голову.— А Романюк? А Мелащенко Анастасия Ивановна? Тридцать три года с подсолнухами... А Чуйко Марфа Максимовна — тридцать лет... Что? Не ученые? Работницы? А обойдись-ка без них, не ученых...

Он умолкает, и нам кажется, что весь строй бойцов за масло проходит перед его глазами. Дружный строй...

Потом мы шагаем по институтскому двору. Пустовойт идет легко, быстро, за ним трудно поспеть. Он сердит, озабочен. Чем? Недоволен результатами? Но победа полная, признанная. По свидетельству знатоков, советская селекция, по существу, создала новое растение, новый подсолнечник! Что же заботит затейщика этого мирового дела? Новые планы?

— Семеноводство!—говорит он строго. — В этом резерв! Вывести сорт — это не все. И внедрить его — далеко не все. Размножил семена, разослал, получай погектарно денежки... А что там сеют?! — указывает он на восток. — А там? — поворачивается он к северу. — По сводкам, везде наши сорта. А на деле? А на деле Ставрополье пробавляется семенами четвертой репродукции! Считайте! — командует он. — Я даю элиту на семенные участки райсемхозов... С семенных участков она через год идет на общее поле райсемхоза. Вторая репродукция! На семенной участок колхоза попадает третья... А на общий посев? Четвертая? Но за эти четыре года Пустовойт улучшил сорта. А в колхозах-то не обновляют семян. Сеют и сеют одним и тем же, а в сводках пишут: сортовой посев. Очковтирательство! На Кубани мы внедрили новую схему, скоростную. Даем элиту из института на семенные участки колхозов, минуя райсемхоз! Выигрыш? А ставропольцы упрямятся и теряют знаешь сколько? В прошлом году потеряли три тысячи тонн масла! Сорта те же, что и на Кубани, а выход масла ниже. Почему? Забросили семеноводство... утешаются сводками. По сводкам, мол, сеем высокомасличные сорта...

На другой день он держал речь на совещании. Сосредоточенный, нетерпеливый, он отчитывал ставропольцев и, ей же ей, в эту минуту никак не походил на человека, исполнившего цель жизни. А вечером, сидя над ворохом бумаг, жаловался:

— Удивительно мало времени... Надо же записать все, обобщить. А когда?! К ставропольцам надо, в свои колхозы надо...

Прощаясь, мы спросили о двух миллионах пудов. Верен ли счет?

— Два миллиона? — улыбнулся Пустовойт. — А кто считал? Агроном? Из района? Ишь, арифметик... Так нельзя считать! Я вывел сорт с масличностью сорок семь процентов, но это еще не масло! И разболтаться может сорт, потерять качества, и семеноводством могут его унизить... По выходу с завода надо считать! Что в цистерне, то наше!

— А сколько в цистерне?

Пустовойт задумался, потянулся к бумагам, нашел справку маслобойного треста. За счет селекции, значилось в справке, масличность подсолнуха, поступающего в переработку, повысилась на восемь процентов по сравнению с довоенной. Страна получила дополнительно с заводов края за год двадцать пять тысяч тонн масла только за счет успешной селекции... Двадцать пять тысяч тонн — полтора миллиона пудов. Только по Кубани. Но сорта института и под Воронежем, и под Белгородом, и на Украине...

— Миллионы! — закусил губу Пустовойт. — Миллионы-то миллионами — их не отнимешь, а вот для Сибири и Поволжья пока не сделали хороших сортов... Не сделали!

Он повертел в руках справку, заметил:

— Вот еще хранить не умеем высокомасличные подсолнухи. Выращивать научились, а хранить не умеем. Теряем масло! Ишь, на восемь процентов поднялась масличность против довоенной, а можно больше! С заводов пока получили по краю тридцать три килограмма масла из центнера, а на полях — сорта с сорока — сорока пятью процентами масла. Солидный разрыв? Вот-вот, семеноводство, хранение, агротехника...

Он еще задумался и, привычный чеканить выводы, сказал внятно, раздельно:

— Теперь так... Получить пятьдесят килограммов масла из центнера семян на заводе — такая задача. Сорта, можно считать, есть... Размножим, а потом все: и селекцию, и семеноводство, и агротехнику, и хранение, — все, — он сильно взмахнул руками, словно обнимая что-то огромное, молодо блеснули глаза, — все подчинить этому, поднять... Пятьдесят килограммов из центнера!

Тут же, на Кубани, встретил я знакомую звеньевую из Ново-Титаровского района; она хорошо знала Пустовойта. Женщина эта получила Золотую Звезду за отличные подсолнухи и все, помнится, беспокоилась, все волновалась, почему же не был отмечен наградой ее учитель Василий Степанович Пустовойт.

Я ей сказал, что Василий Степанович удостоен Сталинской премии, и добавил, что он кандидат наук.

— Василий Степанович — кандидат?! А вы точно знаете? Ишь, как поскупились! — качнула она головой. — Кандидат... А положька на весы всю его работу, все его масло — не переважит оно академика? Не переважит?

И долго не могла успокоиться.

К. И. Финогенов. Из серии этюдов «По дружественной Индии». СТАРЫЙ ДЕЛИ. УЛИЦА В РАЙОНЕ КРАСНОГО ФОРТА.

Всесоюзная художественная выставка.

К. И. Финогенов. Из серии этюдов «По дружественной Индии». ИНДИЙСКАЯ ДЕВУШКА.

Всесоюзная художественная выставка.

В. П. Ефанов. ЗАЧАРОВАННЫЕ.

Выставка «Культура и искусство Индии»

Д. А. Налбандян.

ГОСПОЖА МЕНОН.

Всесоюзная художественная выставка.

НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ

Заметки о западногерманской литературе

Эдуард КЛАУДИУС

После разгрома гитлеризма в немецкой литературе возникло общее стремление критически пересмотреть прошлое и разобраться в нем. Те из литераторов, которые в период фашизма жили в Германии на положении «внутренних эмигрантов», находили ясные указания для своего творчества в литературе, которая была создана за границей прогрессивными немецкими писателями-эмигрантами и приобрела мировое значение. После войны, где бы ни встречались писатели — в Восточной или Западной Германии,— они вели оживленные дискуссии и хотя выражали зачастую противоположные мнения, но сохраняли в этих спорах взаимное уважение и даже известную дружескую теплоту. В отрицании фашизма и осуждении его литературных прислужников писатели были едины.

На первом послевоенном съезде немецких писателей выступил некий Ласки, выдававший себя за немецкого литератора, хотя он не умел даже правильно говорить по-немецки. Это была первая попытка внести раскол в немецкую литературу, оклеветать те литературные силы, которые активно боролись против фашизма и группировались в основном вокруг партии рабочего класса. На западе Германии принимались меры к тому, чтобы искусственно ограничить воздействие произведений антифашистов-литераторов на читателя: им не давали бумаги, бойкотировали распространение их книг. Поощрялась литература, полная пессимизма, ханжества, безысходности, литература, разрушавшая все человеческие радости и надежды.

Тогда же к этой литературе присоединилась антикоммунистическая стряпня. По мере того, как в Западной Германии возрождалось влияние фашистских элементов, все более росла рабская зависимость писателей. В то время, как в Восточной Германии для литераторов создавались необходимые условия творческой работы, а сами писатели все теснее сближались со своим народом, западногерманскую литературу старались превратить в визгливого цепного пса подымавшейся реакции.

В 1953 году в западногерманской литературе, и прежде всего в прозе, наметилось новое течение. Вышла из печати первая книга трилогии Кирста «08-15». Фашиствующая реакция полагала, что ей удастся учинить расправу над книгой и ее автором, затравить его с помощью своры своих борзописцев, заставить его замолчать; но случилось то, чего реакционеры не ожидали. Во всех газетах появились письма читателей; они протестовали против этой травли и брали Кирста под свою защиту. Реакция и ее литературные наемники вынуждены были отступить. И, может быть, самая большая заслуга Кирста состоит в том, что он показал другим писателям, как можно отстаивать свои позиции. Писатель не одинок. Народ оказывает литературе поддержку, защищает ее, если она того стоит. И вот одна за другой стали появляться в Западной Германии книги, авторы которых стремились сказать свое слово о войне, развязанной фашизмом. Эти книги—«Солдатчина» и «Генерал» Ганс Людвига Опитца и роман Ганса Ледига о крушении немецкой армии под Ленинградом. В «Солдатчине» Опитца еще сильны пережитки навязанного нацистами мышления, особенно в изображении борцов французского Сопротивления. В романе Ледига описывается один день в расположении фашистских войск под Ленинградом.

Автор показывает, как гитлеровская война превратила человека в животное, отняла у него какие бы то ни было человеческие черты, способность думать и чувствовать. Ледиг пытается изобразить также и советских бойцов, но он их не знает. Ему не удалось показать героизм и патриотизм Советской Армии, не удалось отобразить высокую человечность советского солдата. Но Ледиг — писатель большого и своеобразного таланта. Его попытка глубоко и по-настоящему разоблачить фашизм позволяет ждать от него новых произведений.

Обращают на себя внимание две книги Вольфганга Кёппена: «Теплица» — о деятельности бундестага в Бонне, и «Смерть в Риме» — о ремилитаризации Западной Германии.

Таким образом, часть западногерманских писателей создала произведения, которые ясно показывают реакционным силам, что заковать литературу в цепи не так-то легко. Западногерманские писатели предпринимают все новые шаги для установления более тесного общения с литературой Германской Демократической Республики. В этом году писатели обеих частей Германии провели две встречи в Вартбурге, близ Эйзенаха. С западногерманской стороны в этих встречах участвовали преимущественно писатели христианского направления. Во время дискуссий и бесед выявилось общее желание найти то, что может объединить всех немецких писателей. Несмотря на многие неправильные представления западногерманских писателей о положении в Германской Демократической Республике, на этих встречах крупнейшие писатели Западной Германии показали, что они понимают роль и задачи литературы ГДР. Один из них, Вернер Варзинский, получивший за свою книгу «Поездка в Киммерию» европейскую премию, перед отъездом попросил дать ему наиболее значительные произведения литературы ГДР, Советского Союза и стран народной демократии. Он хотел ознакомиться с книгами не только сам лично, но познакомить с ними читателей библиотеки в Люнене, одном из городов Рурской области. Этой зимой он собирается организовать в библиотеке совместные выступления писателей Западной Германии и ГДР.

В Гамбурге существует так называемая Авторская коллегия, которой руководит Гюнтер Вайзенборн. Весною этого года там впервые выступал наш товарищ Бертольд Брехт с докладом о проблемах драматургии. В тот же вечер члены Авторской коллегии пригласили двух писателей ГДР, Бодо Узе и меня, выступить у них по вопросам современной прозы. Эти выступления состоялись и вызвали содержательный обмен мнениями. Позднее там намечались выступления Стефана Хермлина и Кубы с докладом о поэзии Германской Демократической Республики.

В Мюнхене, Штутгарте и Кельне существуют небольшие объединения писателей, которые смелее, чем прежде, встречаются с писателями ГДР, а также сами выступают по вопросам общегерманской литературы. Все чаще ставятся в Западной Германии пьесы Бертольда Брехта. Все настойчивее раздаются требования западногерманских читателей ознакомить их с произведениями художественной литературы ГДР.

Примечательной была встреча Бодо Узе, Стефана Хермлина и автора этой статьи с писательской группой «47» в Западном Берлине. Возглавляется группа Гансом Вернером Рихтером, автором антикоммунистической книги «И они выпали из десницы божьей». В группу входят люди самых различных политических взглядов. Наиболее значительными из этих писателей являются Вольфганг Вейраух, Ганс Бреннер, Ильза Эйх, Хейнрих Бёль, Хильдесхеймер, Кёппен, Айхингер. В группу входят также молодые, малоизвестные писатели. Дважды в год они собираются в каком-нибудь из западногерманских городов, читают свои произведения и обсуждают их. Лучшему из прочитанных произведений присуждается премия в размере тысячи марок. Эта сумма предоставляется в распоряжение группы «47» различными западногерманскими издательствами. Встреча трех писателей ГДР с членами группы прошла в дружественном духе, хотя и там нашлись свои «Ласки», пытавшиеся спровоцировать нас.

В американском еженедельнике «Форум», издающемся в Вене, австрийский писатель Холенна в связи с проходившим недавно международным конгрессом пен-клубов опубликовал статью под заглавием «Сила и бессилие писателя». Сущность жалобы, содержащейся в этой статье, сводилась примерно к следующему: все большее и большее число политических деятелей отправляется на Восток, промышленники стремятся во все больших масштабах вести торговлю с Востоком, но если какой-нибудь писатель попытается вступить в разговор со своим коллегой с Востока, то это считается... предательством родины!

Все сильнее нарастает недовольство западногерманских писателей тем, что им чинят препятствия в расширении культурных связей. Поездка западногерманских журналистов в Москву не могла не произвести впечатления и на западногерманских писателей. Надо полагать, что самые значительные, самые талантливые из них не будут больше ограничиваться только жалобами на так называемый «шелковый занавес», за которым их стараются удержать, а решительно потребуют, чтобы и им дана была возможность самим познакомиться с социалистическим миром и его литературой.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В 1926 году во Владивостоке, в географическом обществе, я увидел человека с энергичным, волевым лицом и офицерской выправкой. Это был В. К. Арсеньев — исследователь Дальнего Востока.

Потом я познакомился с Владимиром Клавдиевичем. Его личность и в особенности деятельность сыграли в моей творческой работе немаловажную роль. Я с упоением читал его книги, экспедиционные отчеты, написанные на уровне литературного произведения. Все это зажигало меня, и я прежде всего тоже написал отчет о деятельности Чукотской культбазы в литературной форме.

В. К. Арсеньев.

Сейчас, спустя 25 лет после смерти Владимира Клавдиевича Арсеньева — известного русского путешественника-исследователя, — хочется вспомнить о его блестящей литературной деятельности.

Перу В. К. Арсеньева принадлежит несколько книг, посвященных описанию его интереснейших путешествий по Дальнему Востоку: «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», очерки и рассказы под общим названием «В дебрях Приморья» и «В горах Сихотэ-Алиня».

Книги В. К. Арсеньева широко известны и пользуются заслуженной любовью читателей не только в Советском Союзе, но и за границей. Огромную пользу принесли его увлекательно написанные книги, содержащие богатый фактический материал, многим и многим поколениям юных читателей. Книги В. К. Арсеньева, исходившего вдоль и поперек Уссурийский край, до сих пор не утратили своей познавательной ценности. Получив книгу В. К. Арсеньева, Алексей Максимович Горький горячо поздравил его с большим успехом:

«Уважаемый Владимир Клавдиевич! Книгу вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брэма и Фенимора Купера,— это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная». Искренно поздравляю вас».

Знаменитый путешественник Фритьоф Нансен в предисловии к немецкому переводу книги В. К. Арсеньева писал: «Исследователь открывает мир, о котором мы до сих пор имели очень мало сведений.

Вследствие умелого описания В. К. Арсеньева получается живое представление как о природных условиях, так и об обитателях этой отдаленной лесной страны».

Арсеньев родился в 1872 году в Петербурге в семье железнодорожного кассира. С детства проявился в нем интерес к дальним странам. Жюль Верн, Майн-Рид, Луи Буссенар были его любимыми писателями. Позднее он приступил к серьезному изучению географии. В юношеские годы В. К. Арсеньев тщательно изучает описание путешествия Дарвина на корабле «Бигль», записи русских путешественников Пржевальского, Потанина, Роборовского и Певцова.

В 1896 году Арсеньев оканчивает пехотное юнкерское училище. Прослужив три года в Польше, он получает назначение в 8-й Восточно-Сибирский линейный батальон, квартировавший во Владивостоке. В первые годы своего пребывания на Дальнем Востоке Арсеньев совершает длительные экскурсии и занимается изучением края. В 1902 году, во время одного из своих путешествий в истоках реки Лефу, он встретил следопыта-гольда (нанайца) Дерсу Узала, с которым сдружился на всю жизнь. В 1906—1910 годах были совершены первые три большие экспедиции В. К. Арсеньева в районы малоисследованного хребта Сихотэ-Алинь. Свои экспедиции В. К. Арсеньев ярко, интересно и поучительно описал в книге «По Уссурийскому краю», впервые опубликованной в 1921 году. Два года спустя вышла в свет вторая книга Арсеньева, «Дерсу Узала», посвященная охотнику-гольду Дерсу, ставшему другом отважного путешественника и оказавшему ему неоценимые услуги в его странствованиях. Дерсу Узала, с любовью и мастерством описанный в этих двух книгах Арсеньева, на всю жизнь полюбился и запомнился советскому читателю.

Книги В. К. Арсеньева воспитывают в нашей молодежи исследовательский дух, смелость, решительность, любовь к родной природе.

Тихон СЕМУШКИН

РАССКАЗЫ СТАРОГО ЗАНДРА

Николай РОЖКОВ

Рисунки П. Пинкисевича.

Мы сидим на склоне сопки Чингиль-ту, поднявшейся у северной окраины города, который начали строить всего три десятилетия назад, но о котором нельзя сказать просто: молодой город. Справа от нас расползлись здания монастыря, воздвигнутого еще в восемнадцатом веке маньчжурским императором.

От монастыря к нам идет мертвый звон. Это ветер раскачивает маленькие колокольчики, развешанные под изогнутыми, подобно крыльям ласточки, карнизами крыш. Монахи и их ламистские боги, до отказа заселившие красные, похожие на буфеты алтари, упрямо считают, что городу тысячи лет. Для них давно остановилось время. Но звон колокольчиков едва слышен: его заглушают шумы новостройки.

Мы — это я, недавно приехавший в эту страну журналист, и научный сотрудник Государственного архива Зандра. В тот день, когда я познакомился с ним, директор архива отвел меня в сторону и сказал:

— Многое из того, что знает этот наш ученый, вы не прочитаете в бумагах архива. Постарайтесь поладить со стариком, и он, возможно, расскажет вам несколько историй, которые не назовешь сказками, но и трудно назвать былью.

И вот которую неделю бродим мы с Зандром по замшелым дворам монастырей, отдыхаем в шумных столовых, слушаем лекции в университете, провожаем железнодорожные составы в Пекин и Москву, смотрим спектакли музыкально-драматического театра. Но старик на редкость молчалив, и больше рассказываю я, а он слушает.

Сейчас он тоже молчит. И я решаюсь нарушить обычай.

— Ты много видел? — спрашиваю я, хотя знаю, что нельзя спрашивать старшего о том, о чем старший не начал говорить первым.

Но Зандра даже не поворачивает ко мне головы. Или он не хочет отвечать, или мой вопрос застал его мысли где-то очень далеко отсюда.

— Ты много знаешь! Доверь мне из своей сокровищницы хоть малую толику,— вторично нарушаю я обычай. Нельзя ничего просить у старшего: старший сам знает, когда и что отдать тебе.

— Моя память стала, как пергаментные свитки,— наконец произносит Зандра.— Они со временем утрачивают доверенные им слова. Я стар для воспоминаний.

И снова мы молчим. Закатное солнце зажигает в окнах корпусов промкомбината праздничные огни. С ними в долину приходит вечер. Возникает заводской гудок. Это город, которому тридцать лет, говорит всем: рабочий день окончился.

Сразу площадь, улицы заполняются сотнями велосипедистов. С главных магистралей они проникают в переулки, во дворы, обнесенные заборами из врытых стоякам в землю бревен. На велосипедах едут по двое, а то и по трое. Ребенок — на раме, жена — на багажнике.

Так длится недолго. Улицы пустеют.

Зандра достает трубку с длиннейшим мундштуком из яшмы, набивает ее табаком и раскуривает от зажигалки.

Курит он долго. Становится холодно. Я собираюсь уходить.

— Подожди,— говорит он.— Я вспомнил...

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

ЗАБЫВШИЕ УМЕРЕТЬ

...Ты живешь в нашем городе больше месяца. Ты даже завел себе привычку вынимать из кармана клеенчатую тетрадь и записывать в нее рассказы о моем народе. Ты ходишь, ездишь и смотришь нашу жизнь глазами друга, и, возможно, поэтому ты не заметил двух «забывших умереть».

Ты пожимаешь плечами? Да! Так назвали их мы, жители города, которому только тридцать лет.

Возьми свою тетрадку и записывай, хотя уже вечер и ветер пустыни продувает насквозь не только твое суконное пальто, но и мой овчинный тулуп. Слушай!

...Если ты попробуешь встать до рассвета, выйдешь на улицу и пройдешь в сторону черного рынка, то обязательно встретишь их.

Старик одет в странную и очень рваную куртку. Он катит кресло-коляску. В коляске сидит человек. Женщина это или мужчина — разобрать нельзя: так много лет этому человеку.

Старик останавливает коляску на краю тротуара около храма оракула, где теперь размещены коллекции музея ламизма. Старик заботливо поправляет тряпье на человеке в коляске и уходит.

Человека в кресле знают все. Ему подают охотно. Он благодарно кланяется. Или, может быть, это от старости мелко трясется его голова?

К этому человеку привыкли. Привыкли, что в любую погоду ровно в шесть часов утра его коляска появляется на углу бывшего храма — теперь музея. Привыкли так, что, когда он однажды не появился на своем месте, все жители соседнего дома опоздали на работу.

В шесть часов дня заводские гудки говорят горожанам, что еще один день труда на исходе.

За человеком в кресле возвращается старик в драной куртке.

Он прячет подаяния в кожаную верблюжью сумку. Повернув коляску в сторону старого города, он катит ее. Катит долго. Улицы становятся все уже, а заборы все выше.

За весь этот долгий путь двое не говорят друг другу ни слова.

На самом краю нашего города стоит открытая всем ветрам

юрта. Вход в юрту охраняет огромная овчарка. Простуженно лает она, встречая своих хозяев.

Старик вкатывает коляску в юрту. Разжигает в лампе огонь и тяжело опускается на кошму.

Тогда оживает человек в кресле. Он спрашивает неожиданно высоким голосом:

— Какой сегодня день?

— Последний день месяца, моя госпожа, — почтительно поднимается с кошмы старик.

Голос старухи становится чрезвычайно важным. Она пробует даже привстать в кресле.

— Сегодня я уплачу тебе твое жалованье!

Последняя дочь последнего нашего хана, которого мы, к большой нашей радости, похоронили тридцать лет назад, по сей день платит своему слуге Найчуну два рубля в месяц, если считать на ваши деньги.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

...На твоем столе в номере гостиницы стоит фотография женщины с равнодушными глазами. Ты подолгу смотришь на нее, а после сутками молчишь. И тебе становится даже неинтересно бродить по улицам со стариком Зандром.

Вот почему я решил сегодня рассказать тебе историю, которая случилась за два моря отсюда, в стране, где люди говорят так быстро, что мне, привыкшему к нашей медленной речи, становится трудно понимать их...

Было это в маленьком городке Адау, где нет ни зимы, ни осени. Там после лета сразу наступает весна. И получается в году две весны и два лета.

В этом-то городе бедный студент-ботаник полюбил девушку. И целый год говорил ей о том, как он ее любит. А девушке хотелось просто любить. И чтобы отвязаться от студента, она сказала ему:

— Следующий раз я приду к тебе, когда ты наполнишь свою комнату цветами.

Сказала и ушла, рассмеявшись. Она знала: нищий студент никогда не сможет выполнить ее желание. В городе Адау цветы очень дороги. Самая маленькая чайная роза там стоит пять тиу, а за обед с вином я платил только три.

Ботаник ничего не ответил своей любимой.

После этого дня он стал пропадать в оранжереях, в садах, на заливных лугах, что лежали на том берегу реки.

По ночам окна его комнаты освещал вздрагивающий голубоватый свет. А соседи по дому за вечерней кружкой пива говорили: студент плохо кончит.

И вот, когда на улицах стали продавать отрывные календари нового года и когда у девушки был уже любовник — усатый булочник с главной улицы, — студент-ботаник пришел к ней и сказал:

— Мои цветы ждут тебя!

Девушка шла к студенту и смеялась. А студент упрямо молчал. Девушка смеялась потому, что не верила студенту. Он был беден. А чудес на свете не бывает. Ведь самая маленькая чайная роза стоила пять тиу.

Когда они пришли к дому, где жил студент, настала ночь.

В Адау сразу за днем следует ночь. В этом городе не знают радостной красоты утра и грустной прелести вечера. В этом городе никогда не бывает сумерек...

В комнату, где жил студент, вела кривая, скрипучая деревянная лестница.

Девушка поднялась первой.

На ощупь она нашла дверь и открыла ее.

Воздух в комнате был так плотно насыщен ароматом цветов, что девушка с трудом переступила порог.

И случилось чудо.

Девушке показалось, что она всегда любила студента, и только студента, а усатый булочник с главной улицы ей лишь приснился однажды ночью.

Им вдвоем было так хорошо, что они решили не зажигать свет.

Когда студент заснул, девушка стала думать: откуда же все-таки ботаник нашел столько денег, что смог заставить цветами комнату? И она всю ночь пролежала с открытыми глазами.

Настал день. Комнату залило светом. Девушка увидела окружающие ее цветы и закрыла глаза.

Нет, ей просто показалось! Этого не могло быть!

Она открыла глаза не сразу, а медленно, очень медленно.

Где же цветы, которые купил для нее студент?

Лопухи раскинули свои банановые листья, от них пряно пахнет левкоями. Крапива, высаженная в длинные узкие деревянные ящики, манит ароматом роз. А многочисленные веники горькой полыни, развешанные по стенам, благоухают прохладой лесного ландыша.

Девушка встала, быстро оделась и ушла, не разбудив студента. Ушла, оставив записку: «Ты обманщик и лгун. Твои цветы не имеют права на запах!»

Студент проснулся только в полдень. Он не сразу догадался о постигшем его несчастье. Он ждал, что любимая сейчас войдет, засмеется, обнимет, поцелует.

Но никто не вошел и не поцеловал студента. Прочитав записку, юноша заплакал.

Студент не мог понять, почему рожденные им цветы не имеют права на аромат, которым он их так щедро наградил.

Три дня и три ночи ботаник думал, что́ лучше: жить ему или умереть? Он решил умереть, но перед смертью доказать девушке свою правоту.

Жители Адау дивились, глядя на студента, который, подобно ребенку, гонялся с сачком за бабочками. Своих пленниц ботаник приносил домой, а через несколько часов выпускал из окна на волю.

Бабочки разлетались по городу. Кружась над черепичными крышами, минуя кроны деревьев, они пропадали в цветочных клумбах, обильно разбитых на площадях, в скверах. Бабочки залетали даже под стеклянные колпаки оранжерей.

Никто не запомнил, в какой именно день цветы утратили свой аромат. Роза стала пахнуть полынью, душистый левкой чертополохом, а ландыш — любимый цветок женщин этого города — плесенью.

Но жители Адау не заметили перемены в цветах. Они попрежнему поклонялись их красоте.

В мире так бывает, мой друг, за внешней красотой люди не видят уродства. И это во всем, будь то человек или вещь.

Жители Адау не были исключением, и они не заметили перемены, происшедшей с цветами. Забыв про аромат, попрежнему поклонялись красоте лепестков.

В ясный день студент увидел из окна своей комнаты свадьбу. В открытом белом автомобиле ехали молодые. Рядом с усатым булочником сидела девушка. В руках у нее был большой букет алых роз, от которых несло болотной гнилью.

С тех пор прошло много лет. На улицах Адау можно встретить сумасшедшего старика. За ним с криком гоняются ребятишки. Они потехи ради травят его собаками.

Сумасшедший все время куда-то торопится. Обеими руками, как бесценный дар, он прижимает к груди высохшую веточку полыни, сохранившей нежный аромат ландыша.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

...Если ты сможешь подняться на вершину вон той горы, то непременно увидишь на востоке от нее каменистые красные такыры, мертвые сыпучие барханы, редкие кустарники саксаула — единственного на земле дерева, не дающего тени.

«Как можно здесь жить? — удивишься ты. — Живут ли в этой пустыне люди?» А здесь живут! И она, наша пустыня, совсем не такая, какой она тебе покажется, взберись ты и взаправду на ту гору. Тридцать лет назад нищий пастух-арат пришел в пустыню как хозяин: нашел воду, посадил дерево и на древнем караванном пути поставил бензиновую колонку.

Возможно, там ты встретишь цирика Батора Седкельту. И если тебе приведется его спросить, почему он, наш храбрый солдат, по сей день ходит в холостяках, заставляя девушек не спать по ночам, а старух плевать ему вслед, он промолчит. Но старость болтлива, и я открою тебе тайну его сердца.

...Пришлось цирику Седкельту ехать в город, которого еще нет на карте, но он есть на земле, и сам Седкельту в нем родился. Для того, чтобы попасть в этот город, надо было пересечь всю пустыню с востока на запад. Вначале Седкельту ехал один. Но от колодца к колодцу, от самона к самону стали набираться попутчики. Были это люди различные, ехали они по своим неотложным делам, спешили. И Седкельту был для них вожаком, лучше которого они и желать не могли.

В какой-то день догнал этот отряд женщину. Ехала она без провожатого.

Только один раз взглянул на женщину солдат Седкельту. И вдруг, что это? Придорожный камень запел. Дерево саксаула запело. Молочай — роза пустыни — поет. Суслик возле норы поет. Орел в небе поет.

Удивился очень Седкельту. Решил: померещилось.

И только через много дней он понял, что в тот день повстречался со своей любовью. И песня, им тогда услышанная, родилась в нем самом.

Женщину звали Дулма. Ехала она учительницей в самый крайний самон пустыни; и даже для этих мест, где нет некрасивых, каждый смело назвал бы ее настоящей красавицей.

Последним прибился к отряду Седкельту мужчина малого роста по прозвищу Кайдан, по профессии судебный работник. Ехал Кайдан кого-то защищать от законного наказания, о чем сам же всем рассказал. Запомнились Седкельту в этом человеке только его редкие зубы, которые росли веером во все стороны.

Вместе с Кайданом пристала к людям беда. Оказалось, на пути колодец засыпан: то ли от старости, то ли от злого умысла обвалились стены.

Нет большего несчастья в пустыне, чем лишиться воды. Собрали люди весь свой запас, отдали Седкельту. Решил солдат давать человеку полстакана на день, лошади — по стакану.

Так и ехали. Только песни петь перестали, говорили меньше: старались сберечь силы.

Прошло три дня. Вода кончилась. А колодца все не было. Но люди терпели. Знали, нельзя им поддаться слабости. Пустыня ждет не дождется свести счеты со слабым.

Отряд шел день и еще день. Воды не было.

Настала ночь. Но людям каза-

лось, это полдень и солнце палит нещадно. Они бредили. Кто смеялся, кто пел, а кто плакал.

Под утро, когда все забылись, к Седкельту подошла Дулма.

— Солдат,— сказала она,— дай воды.

Губы Дулмы были очень близко от губ Седкельту, а глаза, углубленные мукой, казались еще прекрасней.

— Нет у меня воды! — прошептал Седкельту.

— Смотри, какое у меня тело, — сказала Дулма. — Его никогда не касалась рука мужчины, и я не хочу, чтобы оно умерло. А ты хочешь этого? Солдат, дай мне воды! Я хочу жить, солдат!

Седкельту целовал руки Дулмы и клялся в своем бессилии утолить ее жажду. Чтобы не видеть глаз девушки, храбрый солдат Седкельту, как трус, убежал в пустыню.

Утром люди и лошади едва передвигались. Они шли, потому что верили в солдата: солдат приведет к воде.

Так оно и случилось.

А когда отряд добрался до городка, откуда нужно было им разъезжаться в разные стороны, каждый говорил хорошие слова Седкельту. Последней прощалась с ним Дулма. Она ничего не сказала ему, просто крепко обняла и поцеловала в губы.

Солдатское дело какое? Получил приказ — выполни.

И снова Седкельту шел по трудной дороге. Только теперь пролегла она не в пустыне, а через горный перевал, по леднику Шибату. На последней дневке перед ледником напросился идти вместе с солдатом человек, лицо которого показалось знакомым Седкельту: очень приметны были редкие зубы, которые росли веером.

На леднике обвязался Седкельту с попутчиком веревками. Солдат помогал чужому, как брату. Чем выше поднимались они, тем становилось труднее. Ветер — а он на Шибату всегда — что есть силы дул им в лицо.

Двое делали частые остановки. И в одну из них человек с редкими зубами спросил:

— Вы меня не помните?

— Нет! Хотя лицо ваше мне очень знакомо, — признался Седкельту.

— Значит, забыли, как через пустыню без воды шли? Еще ехала с нами учительница Дулма...

Тут Седкельту вспомнил Кайдана — человека, помогающего обходить законы.

— Как же! — сказал солдат. — Забыть тот переход нельзя. Для меня Дулму забыть — себя потерять.

— И напрасно,— засмеялся Кайдан. — Поверьте, эта Дулма — самая обыкновенная женщина, как все другие.

— Нет, — сказал Седкельту. — Она единственная, как у человека жизнь!

— Чудак вы! — еще больше распалялся Кайдан, все ближе примащиваясь к солдату. — Чудак вы! Да я от нее получил тогда все, что хотел...

— Как? — переспросил Седкельту.

И если бы Кайдан в ту минуту увидел глаза солдата, он не стал бы дальше рассказывать и, может, превратил бы все в шутку. Но он смотрел в другую сторону.

— Обыкновенно! Я слышу, она воду просит. У вас-то не было, а я в хуржуме резиновую камеру с водой припрятал. Не сдал я тогда, как все, воду, обманул. Когда вы от Дулмы в пески убежали, я ее в сторону отвел, камеру с водой показал. Она мне сразу деньги, серьги предлагать стала. Я не взял. Другое от нее потребовал. Сначала она отказалась: страшен ей был. Тогда я воду на землю стал выливать, она и согласилась. А после этого воды выпила меньше стакана.

Только теперь посмотрел Кайдан в глаза Седкельту. И такое он в них увидел, что закричал. Но подлый этот крик не приняли горы, не ответили эхом.

— Ты не человек! — еле выговорил Седкельту. — И убить такого просто, как убить бешеную собаку. Но я не буду получать с тебя за стакан воды, выпитый Дулмой, а именем моей первой любви приговариваю тебя к казни страхом.

Седкельту вынул нож и перерезал веревку, которой он был связан с Кайданом.

— Дальше ты пойдешь один,— сказал Седкельту и, свернув с тропы, полез напрямик через страшную в это время года седловину ледника, предоставив Кайдану право идти по тропе.

Спустившись с гор, Седкельту спросил у живущих по ту сторону Шибату:

— Не проходил ли через ваше селение судейский работник с редкими зубами?

И узнав, что нет, стал ждать. Много людей спускалось с ледника, но Кайдана среди них не было.

...Я бывал там, и горцы показали мне место на Шибату, где во льду лежит череп нечеловека с гнилыми зубами.

Как видишь, приезжий друг, в пустыне случаются истории, которые не могут случиться в твоем родном городе, как бы велик он ни был.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

...Ты все больше и больше посылаешь писем в Россию, и я не ошибусь, если скажу: очень ждешь ответа на них. Тебе все чаще и чаще короткие сутки кажутся длиннее недели, и я вторично не ошибусь, если скажу: пока ожидания твои тщетны.

Вчера ты вдруг спросил у меня: что такое счастье? Я промолчал, а сегодня решил ответить тебе сказкой о несчастье. Ведь если бы человек не знал ночи, он не знал бы и дня.

...Это случилось на озере. Оно было такое же, как все другие озера на земле. Низкий берег его порос тростником и осокой, а на высоком раскинули ветви деревья. В озере водились красавцы-карпы, ленивые лини, бархатные налимы и «рыбья смерть» — щуки; ближе к тростнику жил Черный Трясогузка, а на островке под корягой пряталась Жаба. Ей было двести лет. И она знала все.

Каждую весну на деревьях высокого берега вили гнезда журавли.

В одну из таких весен Журавль полюбил Журавлиху. Все обитатели озера радовались: ведь это была очень красивая пара.

Они были счастливы всю весну, начало лета. Но как-то в июне Журавлиха заполночь вернулась к гнезду.

Она сама рассказала Журавлю, что познакомилась с Черным Трясогузкой. И какой он смешной, этот Трясогузка!

Когда же Журавлиха и второй раз поздно вернулась к гнезду, она в свое оправдание прокурлыкала уже иное:

— Ты, Журавль, во всем видишь плохое. У тебя скверный характер. Мне скучно с тобой. Я люблю веселых птиц!

Так и пошло.

Журавлиха все свое время проводила с Трясогузкой, и, мне думается, именно от этого появилась у Журавля боль под левым крылом.

Тогда Журавль обратился за помощью к Жабе: ведь Жаба знала и умела все.

Жаба вылезла из-под коряги и долго сидела, жмурясь под ярким солнцем.

Журавль впервые видел ее так близко. Какая же она была страшная! Сколько на ней торчало бородавок!

Насмотревшись на солнце, Жаба уставилась своими выпученными глазами на Журавля. Она рассматривала его даже с какой-то долей любопытства.

Потом хрипло проквакала:

— Ты, Журавль, заболел человечьей болезнью. Если хочешь снова быть птицей, вынь сердце. Твоя боль в нем.

— Я вряд ли смогу это сделать сам, — смущенно развел крыльями Журавль.

— Ладно, выручу тебя! — решила Жаба.

И она вынула сердце из груди Журавля.

— Носи его под крылом, — посоветовала Жаба и уползла опять под корягу.

С тех пор Журавль перестал чувствовать боль в груди. Он даже ничего не сказал Журавлихе, когда она совсем перешла жить в гнездо к Черному Трясогузке...

На этом озере, как и на всех озерах земли, был свой закон жизни, свой календарь.

По календарю наступила осень. По закону жизни осенью журавли улетали на юг.

Как-то Журавль, придерживая крылом свое сердце, спросил Журавлиху, готовится ли она к отлету.

— Я решила зимовать на озере, — не задумываясь, ответила Журавлиха. — Трясогузка говорит, глупо каждую осень улетать на юг, чтобы весной возвращаться на то же самое место.

Осенним серым и сырым утром на высоком берегу собрались все журавли этого озера.

Вожак протрубил сигнал «в путь»!

Стая поднялась. У самых облаков выстроилась клином.

Сверху Журавль в последний раз увидел свою Журавлиху. Поджав одну ногу, она стояла у гнезда и смотрела не в небо, где все выше и выше поднималась стая, а на землю, по которой расхаживал Черный Трясогузка.

Журавль взмахнул крыльями и... не заметил, как упало вниз его сердце.

Маленький мешочек закачался на крутой волне озера.

Журавль не знал, что без сердца нельзя жить даже птице. Сердце можно не держать в груди, но оно должно быть рядом, если ты хочешь жить.

Журавль не знал этого и, крикнув, камнем полетел вниз.

Он упал неподалеку от коряги, под которую пряталась от солнца Жаба.

Жаба подползла к нему, посмотрела, зевнула и сказала:

— Эх, Журавль, Журавль! Сентиментальная птица!..

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

...Ты спрашиваешь меня, знаю ли я, что такое любовь? И встречал ли я ее за свою долгую жизнь? Я тебе отвечу: да! И скажу даже больше. Я знал любовь, которая бессмертна, как бессмертна истина. Но люди очень часто называют любовью торг старыми вещами, где одна сторона хочет обмануть другую, к большей своей выгоде.

Мой пятый рассказ будет и самым коротким, в нем нет конца. Да разве может быть конец у настоящей любви?

...Когда наш борец, титан Дагва — а это звание он завоевал, побеждая самых сильных бор-

цов, — привез с гор свою невесту Зомбак, к нему на свадьбу пришли брошенные им на землю «соколы», «слоны», «львы»...

Войдя в юрту Дагвы, борцы по обычаю одаривали молодоженов, восхваляли силу мужа и красоту жены.

Все были веселы, кроме Гунга — лучшего друга Дагвы и его главного соперника по борьбе.

Гунга горевал, как ребенок; он ненавидел Зомбак, обвиняя ее в краже сердца друга. Только он, Гунга, ничего не подарил Дагве и на свадебном пиру сидел мрачный у самого входа, хотя ему, имеющему тоже звание «титана», полагалось сидеть по правую сторону от Дагвы.

Свадьбу праздновали пять дней. И еще пять дней гости мерялись силой. И снова победил всех Дагва. Правда, Гунга отказался от поединка с другом, сославшись на больную руку.

Десять дней Дагва и Зомбак были счастливы. Они встречали и первый предрассветный луч и первую вечернюю звезду, целуя друг друга.

Но какое же это было короткое и недоброе счастье!

Беда идет, как хозяйка, для нее всегда двери открыты. На одиннадцатый день черной птицей прилетела весть: напал на нашу страну враг. Затихли города, степи, караванные дороги. Каждая семья стала семьей воина.

Первыми из первых отозвались на зов родины борцы-титаны Гунга и Дагва. Но перед тем, как ступить на тропу войны, испросил Дагва согласие у друга попрощаться с женой.

Сутки прощались они. И сутки стоял у входа в юрту, охраняя их любовь, Гунга. Но попрежнему не было у него добра в сердце к Зомбак.

Как маленького ребенка, носил на руках свою жену гигант Дагва. А Зомбак в отчаянии ласкала его, шептала, обжигая горячим дыханием:

— Возьми меня с собой! Видишь, я маленькая, и я не помешаю тебе в трудный час похода. Но я сильна моей любовью к тебе! Возьми меня с собой, и я облегчу тебе трудный час боя.

Дагва ничего не ответил ей. Только так стиснул зубы, что из десен пошла кровь.

А когда настало утро, борец Дагва осторожно положил на кошму жену и пошел к выходу, боясь оглянуться.

— Подожди! — сказала Зомбак.

Дагва вдруг почувствовал, какими слабыми стали его ноги.

Зомбак подошла к часам, которые до сегодняшнего утра отмечали минуты их счастья, и остановила маятник.

— Иди спокойно, — приказала Зомбак. — Знай, одному тебе я разрешу пустить в дорогу этот маятник. Теперь только удары моего сердца будут считать долгие часы нашей разлуки. А если ты не вернешься, я остановлю свое сердце так же, как остановила маятник. Иди!

Сказала Зомбак и отвернулась лицом к стене, чтобы не видеть, как уходит из юрты муж.

Ты, наверно, помнишь, наш враг был жесток и упорен. И мы вряд ли победили бы его в одиночку, не приди к нам на помощь солдаты твоей страны.

Но и мертвый волк может укусить. Так говорят наши старики.

В последний день войны на сопке Нур-Гол приняли бой разведчики Дагва и Гунга. Это была воистину битва титанов. Трупы врагов устлали сопку от вершины до подножия. Черной тучей повис над ней пороховой дым, от грохота взрывов раскалывались камни.

Когда последний вражеский солдат подавился своею смертью и когда ветер развеял дым, с сопки сошел вниз Гунга. Лицо его блестело от слез. В своих могучих руках он нес тело титана Дагвы.

...Рожденная в час победы, песня стоголосой птицей взвилась над горами, над пустыней, над степью; она счастьем врывалась в каждый дом, в каждую юрту.

Это недавние воины возвращались к своим очагам.

Только над одной юртой не вился дым. Одетая во все лучшее, Зомбак ждала мужа. Был накрыт праздничный стол, горой уложены шелковые одеяла и подушки.

Зомбак ждала Дагву.

Наконец она услышала тяжелые шаги. Так ходят только борцы. Так ходит ее муж.

Огромная тень легла на светлый квадрат двери — такая тень могла быть только у ее мужа.

Зомбак закрыла глаза и, почти теряя сознание, протянула руки навстречу пришедшему.

Она слышала, как вошел человек. Вот он остановился.

И вдруг в юрте очень громко раздалось первое за много месяцев «тик-так».

Зомбак открыла глаза.

Маятник часов, весело раскачиваясь, пел неизменное «тик-так», «тик-так».

И тут же стоял огромный, как Дагва, такой же могучий титан Гунга.

— Там, на сопке Нур-Гол, Дагва взял с меня клятву вернуть жизнь твоему времени, — сказал он.

Гунга подошел к столу и занял место, предназначенное Дагве.

— Так поступить мне приказал твой муж!

...Теперь ты спросишь меня: любила ли Зомбак своего Дагву? Я отвечу тебе: да! Больше жизни!

Ты спросишь: счастливы ли Зомбак и Гунга? Я скажу тебе: да, счастливы. И, подтверждая это, сообщу, что своего первенца они назвали Дагвой. Назвали так потому, что настоящая любовь бессмертна...

Зандра снова раскурил свою трубку с длинным мундштуком из яшмы.

Внизу под нами, в городе, которому только тридцать лет, зажглись огни. Они загорались не сразу, вдруг, а постепенно, улица за улицей, квартал за кварталом.

Мы спускаемся вниз.

Мы — это я, недавно приехавший в эту страну журналист, и научный сотрудник Государственного архива Зандра.

Из чешских поэтов

Вилем ЗАВАДА

Без имени

Меня не ищи на афише:
на сцене играть непривычно...
В обычной одежде я вышел
и занят работой обычной,

как предки, что в трудные
годы,
исполнясь великой отваги,
построили водопроводы,
соборы, дворцы, саркофаги...

Оружье своими руками
ковали и, стоя скалою,
с несметными бились врагами,
земля ж содрогалась от боя!

Хоть раны еще нестерпимы,
но снова каменотесы,
чтоб город отстроить родимый,
киркою крушили утесы.

В их честь на литом пьедестале
не стал монумент величавый.
О славе своей не мечтали,
а создали памятник славы!

Впитала их кровь баррикада...
Им памятник —
рощи по склонам,
земля плодоносного сада,
усадьба на поле зеленом.

Меня не ищи на афише:
на сцене играть непривычно...
В обычной одежде я вышел
и занят работой обычной.

Но смотрят глазами моими
мильоны работавших честно,
их слава и сила; а имя
любого из них неизвестно.

Панорама Остравы

Небо здесь даже в копоти,
в саже.
Леса, словно дым, чернеют
все резче.
Высятся башни, вклинясь
в пейзажи.
Гул у плотины. Зияние трещин.

Каменный уголь рубят шахтеры.
Пенье сирены над плавкой
металла.
Лавой клокочут эти просторы:
Острава железным молотом
стала.

Ярослав СЕЙФЕРТ

Зеркальце моей матери

Рамка тускла золотая,
и серебро, отлетая,
стеклу принесло слепоту...
А раньше мама, бывало,
косы пред ним расплетала —
сверкало оно на свету.

Зеркальце это в покое
висит у окна слепое —
улыбкой ему бы сиять!
Долго морщин не видало,
были — а все-таки мало! —
веселой запомнило мать:

кофейную мельницу крутит,
вальс напевает и шутит,
а как танцевала с отцом!
Молодость вспомнив, печально
мама по глади зеркальной
лишь взглядом скользила
потом...

С гребня из прядки колечко
бросит в поющую печку —
огонь этой жертве не рад.
Глянешь на маму украдкой:
тронув виски словно лапкой,
морщинки все больше
пестрят.

Рамку сводило сначала,
плесень стекло размечала,
и трещина стала видна.
Зеркальце дорого маме,
всё перед ним же годами
причесывалась она.

Время пришло — поседела,
в зеркальце мать не глядела...
Одной доживать суждено.
Кто постучится — не видит,
в черном переднике выйдет,
он сшит из сатина давно.

Страшно мне в долгой дороге:
мать не стоит на пороге,
никто не обнимет, где рос...
Снова в родимом жилище...
Зеркальце разве отыщешь?
Не вижу его из-за слез.

Перевел с чешского
Анатолий КУДРЕЙКО.

НА „МОСФИЛЬМЕ"

И. ВЕРШИНИНА

Фото И. Тункеля.

Рабочий день на кинофабрике начинается очень рано. Собственно, о начале его можно говорить только условно: и ночью по коридорам «Мосфильма» снуют люди, из дверей студии слышен оркестр. И телефонистки работают без отдыха: «Соединяю с «Отелло», «Вызываю «Первый снег», «Каменное сердце» не отвечает», «Комбайнеры» заняты», «Даю «Урок жизни». На стенах и в пролетах лестниц вспыхивают светящиеся треугольники с надписью: «Тише! Идет запись». Стучат молотки в костюмерных: там упаковывают для экспедиций ящики с костюмами. Далеко с шоссе видно кинофабрику; как маяк, светится она в темноте квадратами окон.

четыре павильона, десятки обслуживающих цехов, обширный подсобный парк — все это огромное хозяйство не справляется за день с нуждами киногрупп, снимающих сейчас на студии фильмы. И работа частично идет ночью.

Нынче в производстве находится двадцать шесть фильмов — столько же, сколько было выпущено в 1952—1954 годах. Семнадцать из них должны быть выпущены в этом году. Правда, этот сдвиг в нашем кинопроизводстве зрители пока еще ощущают слабо.

После длительного затишья — простоя павильонов и цехов, затянувшихся «каникул» у режиссеров и актеров — в студии наступила горячая пора. В вестибюле со стендов, информирующих о фильмах, находящихся в производстве, опять смотрят на нас знакомые лица известных киноактеров. После двенадцатилетнего перерыва снимается Игорь Ильинский — в короткометражной современной комедии В. Катаева «Безумный день». Здесь же заняты Р. Плятт, С. Мартинсон, И. Зарубина, Ф. Раневская, В. Володин. Рядом на фото затянутый в кольчугу могучий торс Ильи Муромца (Б. Андреев), неподалеку из-под широких полей сомбреро блестят глаза героя повести Джека Лондона — мексиканца Фернандеса, которого играет молодой актер Олег Стриженов, недавний исполнитель заглавной роли в фильме «Овод».

На другом стенде, разрезая снег и пургу, мчатся две машины. На первой у киноаппарата съемочная группа, на второй за рулем артист В. Доронин. Это в экспедиции идет съемка фильма «Дорога». Вновь встретится зритель с М. Астанговым, А. Борисовым, А. Абрикосовым, Л. Свердлиным, Л. Сухаревской, Н. Крючковым, С. Столяровым, А. Хвылей, а вместе с ними и с целой армией дебютантов — молодыми актерами, режиссерами, операторами, сценаристами.

В производственном отделе то и дело вспыхивают горячие дебаты. Одна за другой группы сообщают о своей готовности к съемкам. Представители их кричат, требуют, доказывают, а в павильонах размером, пожалуй, с большую городскую площадь не хватает места, тут тесно от декораций.

Чудеса подстерегают вас здесь на каждом шагу. Мексика находится тут в нескольких метрах от Памира, ремесленники Урала в перерыв забегают в гости к соседям — французским патриотам из «Шестой колонны», а рядом с бескрайней снежной пустыней, расстилающейся за отодвинутой дверью вагона, плещутся, правда, в аквариуме, волны океана.

«Целина» — этот ярлык на больших круглых дисках, потоком поступающих на кинофабрику, — говорит и о месте отправления (посылка идет из Кокчетавской области) и о содержимом. Большой коллектив актеров под руководством режиссера М. К. Калатозова создает по сценарию Н. Ф. Погодина первый художественный фильм об энтузиастах освоения целины. Актеры в большинстве молодые, для многих это не только первая роль в кино, но и первый шаг в профессиональном искусстве: позади либо самодеятельность, либо не законченный еще курс театральной школы. Привлекали не только роль, сценарий, но и необычность предстоящей экспедиции — жить в палатках в степи, рядом с собой видеть своих героев, быть свидетелями их трудовых подвигов. Какого актера не захватит это? В сценарии немало персонажей но желающих сниматься в фильме было много больше, чем требовалось. Днем, а зачастую и ночью шли пробы, репетиции.

Долго и много отбирал и просматривал актеров и С. И. Юткевич на роль Отелло в одноименном фильме, пока не остановился на С. Ф. Бондарчуке. И не беда, что исполнитель заглавной роли ежедневно по два часа сидит за гримом. Отснятые сцены убеждают в правильности выбора.

Шекспир впервые ставится на советском экране — это ко многому обязывает.

Сцены снимаются в той же последовательности, что и в сценарии. Дездемоне не приходится раньше умирать, а потом уж выходить замуж за Отелло, как это зачастую бывает в практике съе-

На съемке фильма «Безумный день». И. Ильинский и В. Володин.

Молодые строители новых павильонов «Мосфильма» Раиса Трубникова и Таисия Балдина.

мок. Надо сказать, что актерам здесь вообще во многом посчастливилось: они не выжидают часами, пока поставят свет, не ведут диалогов с отсутствующим партнером. Вот снимается крупным планом лицо Отелло, разговаривающего с дожем, а дож, аккуратно подобрав полы величественного одеяния, сидит тут же у киноаппарата и подает свои реплики.

Во дворе «Мосфильма» построена «Венеция»: маленькие балкончики, черепичные крыши с множеством труб самой неожиданной формы, горбатые мостики, узкие улицы, каналы, наполненные водой, плывущие по ним гондолы...

Выходя из церкви после бракосочетания, Дездемона и Отелло садятся в гондолу. Правда, Кассио — артист В. Сошальский — не такой уж ловкий гондольер и чтобы свадебный кортеж мог беспрепятственно двигаться по узким каналам Венеции, двое мужчин (конечно, вне кадра) старательно тянут тросом гондолу.

Переступив порог помещения киногруппы, которая снимает фильм об Илье Муромце, вы почувствуете себя в мире сказки. Вот Лихо Одноглазое, вот огромный Змей Горыныч, да не один, а целых три, с множеством изрыгающих пламя голов. Невиданные птицы, богатырские железные лошади — все движется, летает, скачет. Специальные механизмы позволяют здесь выполнять любую задачу. Это будет один из первых советских художественных полнометражных фильмов для широкого экрана. Понятно нетерпение, с которым ожидается выпуск этой новой работы А. Птушко.

Впрочем, нетерпение в кино неуместно. При тех темпах, какими идет съемка большинства картин, постороннему человеку, побывавшему на киностудии, покажется невероятным, что некоторые фильмы все же снимаются меньше чем за год, два. Зачастую за один день фиксируют на пленке всего два — три кадра, которые пройдут на экране в несколько секунд. Причем процесс съемки занимает 20—30 минут, а остальное время уходит на... установку света и аппаратуры. Актеры сидят в ожидании, изнывая от жары, от бессмысленной траты времени. Грим подтаивает, костюмы мнутся, но, говорят, такова незыблемая специфика производства.

В павильоне выросли декорации цирка из фильма «Мексиканец».

Дездемона и Отелло — И. Скобцева и С. Бондарчук.

Полно, так ли уж она незыблема?

Невольно вспоминается, что фильм «Ленин в Октябре» был отснят за три месяца, да и не он один. Нашумевший на одном из последних международных кинофестивалей французский фильм «Красное и черное» по Стендалю был сделан в двух сериях за четыре месяца. Примеры можно продолжить...

На территории студии, несмотря на съемки, не прекращается строительство. Интерес к этому строительству актеров, режиссеров, всех работников студии огромен. Это новые павильоны «Мосфильма», которые должны в ближайшее время вступить в строй. Тогда актеры,— конечно, при наличии сценариев — будут сниматься чаще и в самых благоприятных творческих условиях. А зрители увидят наконец на экранах множество советских кинофильмов с знакомой эмблемой: «Мосфильм».

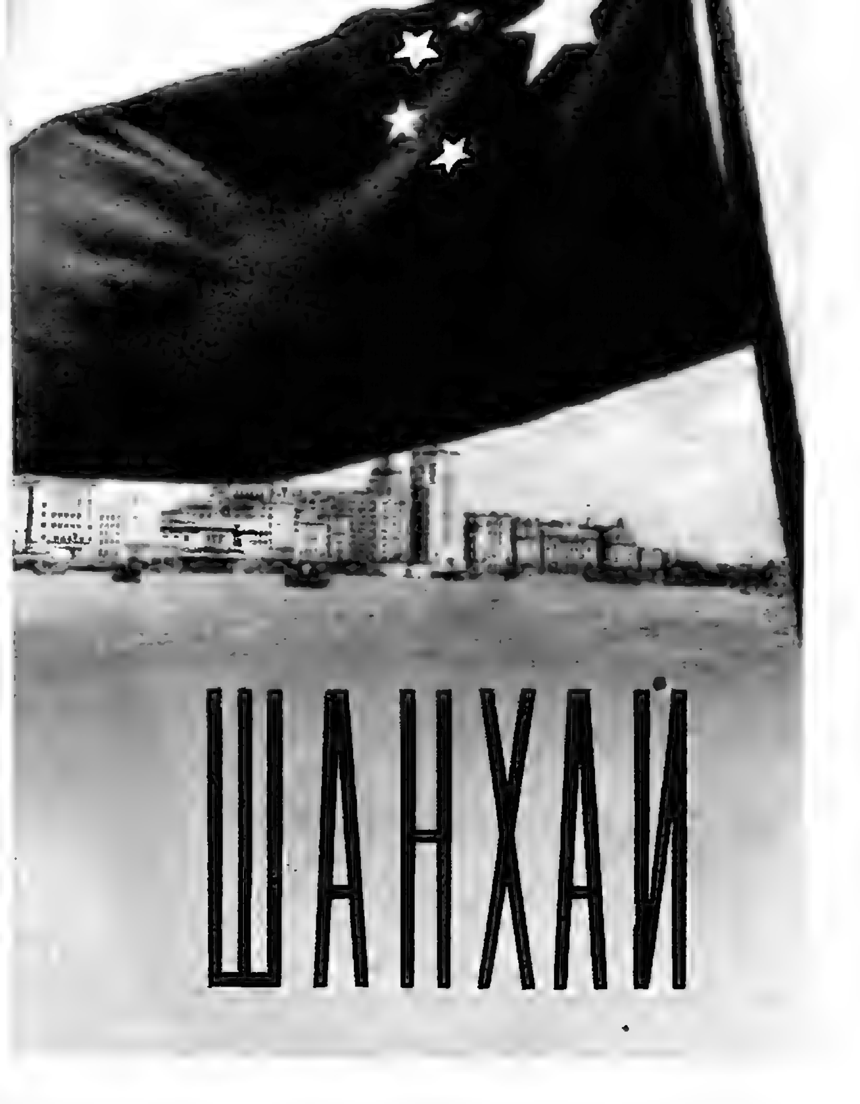

→ Пробы актеров в фильме «Целина». Особенно долго выбирали исполнительницу роли Зои. На пробах — Т. Доронина, М. Кузнецова, Т. Носова.

Фото А. Петренко.

ШАНХАЙ

Мы плывем по реке Вампу — от устья, где ее волны мешаются с волнами Янцзы, к Шанхаю. Навстречу нам мутная вода несет мириады частиц ила. Пароход идет сквозь строй пристаней, причалов, складов, нефтебаков, мимо штабелей грузов, прикрытых соломенными матами. Шанхай вырос как порт и стал одним из крупнейших портов мира. Иностранные дельцы в свое время называли его «воротами Китая», а река Янцзы была для них столбовой дорогой, по которой уплывали за границу тысячи тонн ценнейшего сырья, собранного со всего бассейна Янцзы. В удобном шанхайском порту толпились торговые пароходы под флагами всех стран мира. И тут же, невдалеке от причалов, стояли на якорях английские, французские, итальянские крейсеры в семейном окружении миноносцев и канонерских лодок. Только китайских военных кораблей не было тогда на рейде Шанхая.

Но сегодня не тридцатые годы. На стапелях ремонтируются отвоеванные у гоминдановцев военные вспомогательные суда. Зеленой краской замазано прежнее «U. S. Army» и белой выведено: «Строительный». Эти суда теперь будут служить мирным целям. Но мы знаем: омывающие народный Китай моря надежно охраняет китайский отечественный морской флот.

На берегу Вампу — здание электростанции. В фарватере работает землечерпалка. Она углубляет русло, засоренное илом. Гигантскими тушами проплывают иностранные торговые пароходы — финские, французские, английские. Эти страны ведут торговлю с новым Китаем.

После освобождения страны сильно изменились внешнеторговые связи Шанхая. Раньше огромный город ввозил из-за моря продовольствие, сырье, муку, хлопок — все то, что имелось в изобилии рядом, в нижнем течении Янцзы. Жизнь Шанхая целиком зависела от заграницы. Теперь город снабжается продовольствием из местных ресурсов. Перестройка и развитие промышленности освобождают его от ввоза многих видов машин и сырья.

В одном из заводских клубов Шанхая мы разглядывали грубо сколоченный деревянный вал с металлическими скобами, посаженный на деревянную станину и соединенный с педалью. Оказывается, это допотопный станок, служивший для обмолота риса и пшеницы. По соседству со станком лежали пропашник, маленькая молотковая мельница и несколько тяпок.

Это были образцы продукции, которую выпускала в Шанхае до освобождения «Компания сельскохозяйственного инвентаря». Тут же, блестя зеленой краской, внушительно высились шлифовальные станки. Их построили на Шанхайском станкостроительном заводе, созданном ныне на базе бывшей Компании. Поучительное сопоставление!

Плакаты на стенах клуба наглядно рассказывают о новой технологии. В одиннадцати черных кружках показаны операции, которые раньше выполнял рабочий литейного цеха. Рядом — улыбающийся рабочий, действующий по новому методу; его операции умещаются в шести красных кружках.

Из клуба мы прошли в цеха. Там были и старые американские станки и новые — с маркой народно-демократической Чехословакии. В особых кабинках стояли большие советские станки: координатно-расточный и резьбо-шлифовальный. В соседнем цехе работали станки, сделанные на этом же заводе.

В клубе висит схема. Веером расходятся стрелки от Шанхая ко многим городам страны; стрелки указывают предприятия, которые снабжают своей продукцией новый завод. Тут же алеют три шелковых вымпела. Это знаки благодарности от Шанхайского завода горного оборудования, от аньшаньских сталеваров, от строителей первого китайского автозавода. Нам с гордостью рассказывают, что продукция завода экспонировалась в ГДР, Пакистане, Индии и других странах.

Сегодня рабочие Шанхая плавят отечественную инструментальную и легированную сталь, изготовляют цельнотянутые трубы, паровые и газовые турбины, большие электромоторы, двигатели внутреннего сгорания, трансформаторы. Шанхайский станкостроительный завод прибавил к этому списку шлифовальные станки.

...Шанхаец наших дней — необыкновенно деятельный человек. Он работает, скажем, на электроламповом заводе или за прилавком нового большого государственного универмага — и всюду он вносит рационализаторские предложения, изучает спрос покупателей, придумывает более дешевые и эффективные методы производства. Он учится на вечерних курсах, в школе, дома. Он ходит слушать шаосинскую оперу и не пропускает новой картины в кино.

Когда идешь по шанхайским улицам, невольно приходит на ум слово «просвещение». Транспаранты со стен домов сообщают о последних международных событиях. Лоточники выставили для всеобщего обозрения газеты, журналы, книжки-картинки, повествующие об истории борьбы китайского народа и сообщающие множество практически полезных вещей для неграмотных. То и дело попадаются «хуалан» — картинные ряды.

Самый длинный «хуалан» на улице Хуайхайлу. Он посвящен китайско-советской дружбе. Здесь выставлены многочисленные фотографии, диаграммы, рисующие жизнь Советского Союза, макеты московского метро, здания МГУ, строящихся гидроэлектростанций. Неподалеку афиши китайского фильма «Разведка за рекой Янцзы», советской картины «Честь товарища», чехословацкого — «Похищение».

Массы овладевают новой культурой, чтобы строить новую жизнь. В клубе Шанхайского промышленного техникума хор учащихся, заполнивший небольшую сцену, поет стремительную, темпераментную песню «Ширится трудовое соревнование...» Потом зрители смотрят коротенькую пьесу, историю бракодела, испортившего из-за невнимательности заготовку. Каждый выразительный жест играющих сопровождается голосом из-за сцены в ритме народных частушек-скороговорок «куайбань».

Сидящий рядом с нами юноша увлеченно следит за действием и, когда сценка кончается, громко аплодирует вместе со всеми и говорит нам, что этот номер придумали они сами, студенты техникума.

После перерыва задняя стена осветилась изнутри, на ней появилось сказочное пурпуровое солнце с разноцветными лучами и поплыли нежнейшие тени — облачка. На этом фоне разыгралась старинная драма — инсценировка одного из эпизодов классического романа «Речные заводи», послужившего сюжетом для национальной пекинской оперы.

Надо сказать, что народ очень любит классическую оперу. И здесь, на любительском спектакле, ее, как было видно, и смотрели и исполняли с не меньшей любовью и охотой, чем только что сыгранную сценку из собственной жизни.

...Старые фоторепортеры любили снимать шанхайские небоскребы — и крупным планом, и панорамы. «Шанхай — город камня»,— подписывали они свои снимки. Шанхай казался им огромным камнем, который иностранцы положили у моря, чтобы удобнее было встать на зыбкую почву старого Китая. Шанхай стал каменной твердыней китайского народа, который распрямил свою могучую спину, освободился от тяжелого груза иностранной кабалы, стал хозяином своей страны.

А. ЛАРИН

Улица Нанкинлу, бывший центр международного сеттльмента.
Фото автора.

Олень-цветок

С. ФРИДЛЯНД

Хороша тихая дальневосточная бухта Седими, врезанная в материк двумя полукружиями. На склонах прибрежных сопок и в распадках между ними раскинулись обширные лесопарки звероводческого совхоза «Седими». На его просторах ходят стада оленей диковинной окраски — словно надеты на них золотистые попонки, испещренные симметричными рядами правильных белых кружочков. Издали они чем-то напоминают живые цветы. Китайцы так и называют их «хуа-лу», что означает «олень-цветок». Это пятнистые олени, ставшие редкостью даже на своей родине, влажном и туманном Приморье...

Охрана и разведение пантовых оленей — большое и важное дело. На островах и прибрежье Приморья созданы и вновь создаются оленьи совхозы. Уже не хватает здешних просторов, и приморский пятнистый олень успешно акклиматизируется на Алтае.

Зоотехник совхоза Александр Александрович Ленский рассказал нам:

— В парках совхоза до четырех тысяч оленей, а по всему Приморью тысяч двадцать наберется. Как обычно, еще в июне начали «уборку урожая» на оленьих головах. Срезаем молодые панты, варим их, сушим. И оленю горя нет — на следующий год снова отрастит,— и людям большая польза. Мы осушаем восемьсот гектаров плодороднейшей земли, — продолжал наш собеседник,— и в будущем году ее засеем: решаем проблему собственной кормовой базы. А пока корм возим издалека — дорогое удовольствие.

Потом зоотехник показал, как срезаются панты — минутная операция в специальном станке. Тысяча килограммов животворных пантов будет отправлена в этом году из далекого Приморья на эндокринные фабрики, а оттуда — во все края нашей страны.

Приморский край. На берегу залива Петра Великого расположен оленесовхоз «Седими».

В естественных лесопарках совхоза пасутся пятнистые олени.

КАБАРДИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АНСАМБЛЬ ПЕСНИ И ПЛЯСКИ

Выступает танцевальная группа.

Фото В. Темина.

Исполняется песня «Колхозные поля».

Шеожев из колхоза имени Кирова, Лескенского района. На снимке: Э. Х. Шеожев исполняет народную песню на национальном кабардинском инструменте.

Из почты «Огонька»

ДОКТОР

Воспоминания военного топографа

В. ПЛАТОНОВ

Рисунок О. Верейского.

Я хочу рассказать о том, чему я был свидетелем в Маньчжурии осенью 1905 года.

В те дни в Харбине скопилось множество воинских частей, прибывших с юга Маньчжурии после окончания войны с Японией.

Строевое офицерство, испытав все тяжести походов, теперь прибыло со своими частями в крупный город и чувствовало себя облегченно. Некоторые говорили:

— Большая игра на полях Маньчжурии закончена. Я уцелел и имею право отдыхать. Займусь малой игрой.

Харбин осенью 1905 года представлял собою картину полного разложения: шел разгул, безудержное пьянство, а главное — картежная игра. В клубах проигрывались огромные деньги.

В наше время азартная игра считается явлением аморальным и, разумеется, недопустимым. В те же дни в Харбине игра на деньги велась открыто и поощрялась властью. Она как бы отвлекала офицерство от общественной жизни.

В нашей скромной среде военных топографов в карты почти никто не играл. Запомнился лишь один случай, когда мой приятель, Александр Георгиевич Сурин, сам по себе весьма скромный человек, отнюдь не игрок, рискнул как-то пойти в местный железнодорожный клуб с целью попытать счастья.

Сурина я знал давно. Мы работали в одном топографическом отряде. Он был женат, имел двух дочек-близнецов — Наташу и Надю,— которых нежно любил.

Свободное от служебных обязанностей время мы проводили за чтением или за шахматами. Иногда по вечерам играли в винт. Сурин был прекрасным шахматистом и хорошо знал игру в винт. Денежный интерес стоял для него на последнем месте. Его увлекал вдумчивый и серьезный расчет. Азартных игр он избегал. Поэтому меня удивило его желание попытать счастья в игре в «железку».

— Если повезет и я выиграю сколько-нибудь значительную сумму, пошлю эти случайные деньги моим девочкам, — сказал он.

— Что тебе вздумалось, Шура? — возразил я. — Ведь ты не игрок!

— Совершенно верно, — ответил он. — Рискну, попробую!

— Твое дело! — вздохнул я.

Однажды вечером Сурин предложил мне пойти с ним в железнодорожный клуб. Там мне пришлось быть свидетелем азартной игры. Были счастливцы, но большинство же выходило из-за стола с опустошенными карманами. Рассказывали даже о случаях само-

убийств после проигрыша казенных денег.

Сурин сел на освободившееся место и начал играть. Я стоял за его стулом и наблюдал. Мой друг отнесся к делу очень серьезно. Игру вел осторожно, и ему действительно везло: в короткий срок он выиграл большую сумму денег.

За столом сидело семь человек. Когда очередь метать банк перешла к Сурину, пять из игроков были биты. Очередь подходила к шестому — какому-то железнодорожнику. Он поинтересовался, сколько денег в банке. Сурин подсчитал. Оказалось четырнадцать тысяч рублей. Железнодорожник улыбнулся и сказал:

— Я могу поставить лишь тысячу рублей.

По правилам игры в таком случае банкомет имеет право снять оставшуюся непокрытой сумму, но Сурин оставил все деньги в банке.

В этот момент к столу подошел уже немолодой офицер-грузин с окладистой седой бородой, одетый в прекрасную кашемировую черкеску с серебряными газырями и четырьмя «георгиями» на груди. Это был князь Сократ Йоссельяни, прапорщик, поставщик мяса в действующую армию. Йоссельяни обратился к Сурину:

— Господин капитан, разрешите покрыть весь банк?

По правилам, в игре могли принимать участие только сидящие за столом. Но Сурин разрешил прапорщику присоединиться. Тот вынул бумажник и положил его на стол. Сурин сдал карты, затем, взглянув на свои, открыл «данбле» — девятку. Проигравший Йоссельяни выплатил ему тринадцать тысяч рублей, а железнодорожник — тысячу. Сурин взял двадцать восемь тысяч рублей и встал из-за стола.

— Ты встал во-время, — сказал я.

— Да, — ответил Сурин, — мое желание осуществилось! Я пошлю эти деньги своим девочкам. Что ж, Володя, по этому случаю пойдем, выпьем по бокалу шампанского.

Я пожал руку своему другу, искренне радуясь его удаче.

— Но мне не нравится, что ты так бледен, — заметил я, вглядываясь в его лицо. — Видимо, ты очень волновался и устал. Ну что ж, дело сделано — пойдем домой! — звал я его. — Ведь ты же не будешь больше играть?

— Что ты! Какой я игрок! — отмахнулся он. — Но я хочу сейчас же написать письмо жене.

— Пойдем домой! Там напишешь, — настаивал я.

— Где там писать, в нашем-то общежитии! — поморщился мой друг. — Здесь есть прекрасная гостиная. Я устроюсь за письменным столом и напишу, а ты иди спать.

Я с неохотой ушел из клуба.

* * *

Утром, проснувшись, я увидел Сурина. Он сидел, понурив голову, на своей походной кровати.

— Что с тобой, Шура?

Сурин махнул рукой.

— Что случилось? — старался догадаться я. — Проиграл?

— Да нет! Какой я игрок! — С этими словами он подсел ко мне и, наклонясь, тихо сказал: — Я потерял все деньги!

— Что ты! Что ты! — всполошился я.

И Сурин рассказал мне, что, закончив писать письмо жене, он направился к выходу из клуба. На улице сразу почувствовал себя плохо. Разболелась голова. Чтобы скорее добраться до общежития, он взял извозчика и дорогой уснул.

Извозчик, обернувшись к нему и трогая за плечо, сказал:

— Приехали, ваше высокоблагородие, как вы приказывали.

Сурин рассчитался с извозчиком и направился домой.

— Меня качало, как пьяного, — рассказывал Сурин, — но пьян-то я ведь не был! Придя домой, я сразу разделся и в постель. Проснувшись, вспомнил о вчерашнем дне и, разумеется, о выигранных деньгах. Начал искать. Осмотрел платье и все около себя. Деньги исчезли.

— А ты не мог оставить пакет с деньгами в клубе, в гостиной? — спросил я.

— Нет, я хорошо помню, что со мной был пакет, завернутый в газету «Новое время», когда я вышел из клуба и сел на извозчика.

— Знаешь, Шура, по-моему, пакет ты оставил в фаэтоне. Извозчик, видя, что ты спишь и, может быть, пьян, мог воспользоваться этим и взять его.

Сурин на это мне ничего не ответил, потом, помолчав, продолжал подавленным тоном:

— Дело даже не в деньгах. Эх! Не надо было мне ввязываться в эту игру. И письмо я оставил вместе с пакетом...

— Не грусти, Шура! Пусть этот случай останется при тебе. Я же никогда никому об этом не скажу. Считай, что проиграл свои четыреста рублей. Вот и все! Скоро мы поедем в Россию. Ты встретишь свою жену и девочек, и, поверь мне, все забудется! — старался я успокоить своего друга.

Сурин слабо улыбнулся.

— Спасибо тебе, Володя! Постараюсь не вспоминать.

* * *

После этого случая прошло около трех недель. Долгожданный приказ об отпусках был опубликован. Мы готовились к отъезду в Россию. Ходили по городу, делая закупки — подарки своим близким. Как-то вечером, вернувшись домой, Сурин получил письмо из Одессы от жены. На этот раз я увидел что-то необычайное: Сурин, читая письмо, буквально сиял и смеялся. Я спросил:

— Что с тобой?

— Чудеса, да и только! — пожал плечами мой друг. — Представь себе, жена пишет, что получила мое письмо и деньги. Очень счастлива и бесконечно благодарна. Разумеется, сейчас же отнесла все двадцать восемь тысяч в банк. «Пусть эти деньги будут для наших девочек». Каково? Ведь это нечто изумительное! Ведь я же деньги потерял. Письма-то не посылал. Каким же чудом могли попасть деньги и письмо к жене?

Мы недоумевали.

* * *

Приближался день отъезда в Россию. Сурин был в особенно повышенном, радостном настроении. Как-то мы зашли с ним на вокзал, в буфет пообедать. В буфете, как всегда, было множество людей, главным образом офицеров. Отыскав себе свободный столик у окна, мы заказали обед и в ожидании его просматривали полученные газеты. Неподалеку сидели наши товарищи. Кто-то из них громко предложил:

— Сурин и ты, Володя, подойдите потом к нам. Мы провожаем Владимира Карловича Кербеца.

— Конечно, конечно, непременно подойдем!

Рядом с нами за соседним столиком сидели два военных врача. Один из них встал, направился к нам и поздоровался.

— Я вам не помешаю? — спросил он.

Сурин поднялся, предлагая врачу присесть на свободный стул. Тот сел, посмотрел на нас и улыбнулся:

— Военные топографы? Хорошая специальность! Повоевали?

Сурин ответил:

— Нет! Мы не воевали. Мы просто работали. Создавали карты.

— Да, — заметил врач, — конечно, это лучше, чем убивать людей. Скажите, кто из вас Сурин? — продолжал он. — Я только что слышал эту фамилию.

— Я Сурин, — ответил мой друг.

Врач некоторое время помолчал, а потом обратился к нему:

— Скажите, капитан, вы не теряли денег?

Сурин вспыхнул и смущенно проговорил:

— Да, представьте, был такой нелепый случай!

— Еще один вопрос, — продолжал врач. — Вы женаты? Как имя и отчество вашей супруги и где она проживает?

Сурин, продолжая недоумевать, ответил:

— Мою жену зовут Марией Ивановной Суриной. Живет она в Одессе, на Преображенской улице.

Выслушав это, врач вынул из кармана какую-то бумажку и, протянув ее Сурину, сказал:

— Теперь все ясно. Мне необходимо вам передать квитанцию Русско-Китайского банка на перевод денег в Одессу на имя Марии Ивановны Суриной.

Шура был прямо ошеломлен. Сразу встал и очень взволнованно обратился к врачу:

— Я не найду слов благодарности, глубокоуважаемый доктор, за ваш благородный поступок! Сделайте одолжение, расскажите, как вы нашли эти деньги?!

— Охотно! — сказал врач. — Поздно ночью я возвращался из госпиталя очень усталый, и мне попался навстречу медленно ехавший извозчик. Я нанял его. Садясь в экипаж, я сразу же обратил внимание на какой-то пакет, лежащий в откинутом фордеке. Взял его, развернул и увидел в нем много денег крупными ассигнациями и письмо. Я не любитель читать чужие письма, но здесь я подумал, что письмо сможет мне объяснить кое-что. И не ошибся. Тогда я послал деньги и письмо туда, куда они должны быть посланы. Вот и все. Теперь меня интересует: получила ли деньги ваша жена?

— Да, получила. Я имею от нее письмо.

— Все хорошо, капитан! Желаю вам полного благополучия. Мой совет: не играйте в азартные игры. Это вредно.

И опять пожал руку. Сурин задержал его руку:

— Доктор, назовите себя, чтоб я знал, кому так обязан и кого буду помнить всю жизнь.

— Смидович-Вересаев, — ответил врач.

* * *

Прошли десятилетия. Сейчас я глубокий старик. За плечами пятьдесят лет труда. На протяжении всех этих лет я никогда не забывал своих товарищей по работе. Разумеется, случайную встречу с Викентием Викентьевичем Вересаевым я тоже никогда не забуду. Живу я в Москве, вблизи Новодевичьего кладбища, где покоится прах писателя Вересаева. Памятуя, что в этом году исполнилось десять лет со дня его кончины, я побывал на кладбище. Могила Викентия Викентьевича проста и скромна. На черной мраморной доске, поставленной вертикально, высечены слова:

«В. Вересаев, 1867—1945».

Там же, на этой доске, я прочитал его слова:

«Да, в жизнь нужно входить не веселым гулякой, как в приятную рощу, а с благоговейным трепетом, как в священный лес, полный жизни и тайн!»

Я стоял перед могилой моего любимого писателя и думал: счастлив тот, кто понял жизнь именно так.

Канал

Василий СУББОТИН

В тугих полотняных палатках
Мы жили в безводных местах.
Раскинулась наша посадка —
Листочка рукой не достать.

Миражи над степью безросной,
Как пар у дорожных канав.
Но скоро средь веских колосьев
Волной заиграет канал.

Уже на горячей равнине
Намечено русло ему,
И чайка над влагою синей
Взлетит, удивляясь всему.

Столбы поднялись на высотку.
Идет проводами молва.
И как-то особенно четко
Впечатана в небо листва.

Погоня

В. РАЗИН,
водитель 5-го таксомоторного парка Москвы

Рисунки В. Высоцкого.

С утра таксомоторный парк напоминает небольшой вокзал перед отходом поезда. Все торопятся, шумят, суетятся. Дел у каждого много. Надо найти среди десятков других «Побед» свою машину, убедиться в ее исправности, получить талоны на бензин, оформить путевой лист. И все это надо сделать быстро. «Каждую минуту парк сдает государству 95 рублей. Берегите минуту!» — призывает со стены плакат.

В диспетчерской в эти часы многолюдно и шумно. Утром на столичные вокзалы приходит много поездов, каждый шофер торопится быстрее выехать на линию. Пройдет немного времени, и парк опустеет, сотни серых автомобилей разбегутся во все концы огромного города.

Однажды утром диспетчер протянула мне вместе с путевым листом голубой листочек наряда.

— Большая Грузинская, семьдесят шесть. Управление пассажирского автотранспорта. Поедете с ревизорами, бензину берите больше.

В девять утра моя «Победа» уже стояла у подъезда управления. Вышли ревизоры. Коренастого, низенького звали Павел Николаевич, его товарища, молодого, русоволосого,— Леша. Павел Николаевич был молчалив. Он мог за час не сказать ни слова, только глаза его подозрительно ощупывали каждое такси: нет ли тут какого-нибудь нарушения правил эксплуатации. Леша, наоборот, любил поговорить, посмеяться, рассказать веселую историю.

Где только не пришлось нам побывать за день! В Москве много стоянок такси, не оборудованных диспетчерскими пунктами. На некоторых из них скопилось слишком много машин, зато на других выстраивалась очередь пассажиров. В таких случаях ревизоры перебрасывали машины с одной стоянки на другую. К концу дня мы выехали за город: ревизоры решили проверить, как обслуживаются пассажиры за городом. К вечеру мы наездили километров двести пятьдесят, порядком устали и, съехав на обочину Волоколамского шоссе, остановились.

Стемнело. Метрах в тридцати от нас фонарь освещал темную асфальтовую полосу шоссе. То и дело из-за поворота вырывались яркие снопы света, и тогда ревизоры старались рассмотреть, что за машина идет: не такси ли? Леша даже вышел из машины, но холодный ночной ветер скоро загнал его обратно. Так прошло минут двадцать. Мимо нас промчалось уже несколько автомобилей коричневого, синего, зеленого цвета. И только серые с шашечками «Победы» не показывались.

Но вот край дороги снова осветился, и из-за поворота вынырнул зеленый фонарик незанятого такси. Бросая далеко вперед качающиеся лучи фар, «Победа» промчалась мимо.

— Заводи! В машине пассажиры, а счетчик не включен. Зеленый фонарь горит...

Секунда — и вот уже мой автомобиль рванул с места и вылетел на асфальт. Началась погоня. Далеко, то исчезая, то снова появляясь, мелькали задние огоньки уходящего к Москве такси. Со-

рок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят километров!.. Прозрачная красная стрелка спидометра все дальше движется по циферблату. В свете фар отлетают назад придорожные столбики, одинокие деревья, выкрашенные в белый цвет перильца небольших мостков. На мгновение появился и тут же исчез прислоненный к обочине голубой мотоцикл, белый китель сотрудника ОРУДа, и снова впереди мчащаяся под машину полоса асфальта. Ревизоры закрыли окна: от сильного напора ветра стало трудно дышать.

Огоньки передней машины стали ближе. Только бы не появились встречные автомобили! На такой скорости недолго и столкнуться... Неожиданно на темном зеркальце передо мной появилось постепенно увеличивающееся яркое пятно одинокой фары. Сзади нас кто-то мчался по шоссе со скоростью еще большей, чем наша. Я на секунду выжал сцепление, и в наступившей тишине послышалось характерное постукивание двухцилиндрового мотоцикла.

Стрелка спидометра давно перевалила за восемьдесят. Руль мелко подрагивал в руках, передавая все неровности дороги. На вершинах небольших холмов казалось, что еще секунда — и машина, как самолет, оторвется от земли и начнет подниматься в воздух. Теперь передняя машина совсем близко. В свете фар отчетливо видно, как подпрыгивает плохо запертая крышка багажника.

— Обходи слева!..

Воздух в машине вдруг стал плотным, тяжелым: это Леша открыл боковое стекло. Справа медленно надвинулся багажник «Победы», затем серая с шашечками дверь, пригнувшаяся к штурвалу голова шофера. Высунувшись из окна, Леша дал длинный свисток:

— Водитель, стой! Машину в сторонку...

Шум моторов сразу утих. Ревизоры побежали к остановившемуся автомобилю. Заглушив мотор, я тоже подошел поближе. Неожиданно дорога осветилась, и в белом луче фары подлетевшего милицейского мотоцикла я увидел в «Победе» трех ребятишек лет по двенадцати. Двое из них, сидевшие по краям, поддерживали третьего, неловко откинувшегося на спинку. Опустив боковое стекло, шофер рассказывал ревизорам:

— ...Еду, значит, я обратно. Спокойно еду, не спеша... Может, думаю, на Москву кого-нибудь подберу. Вдруг — что за чертовщина? — высовываются из кювета чья-то рука и голова. Мелькнули и пропали. Стоп, думаю, надо узнать, что там... Я на тормоза! Выскакиваю — и туда... Подбежал, понимаете, гляжу: сидят в кювете эти вот пацаны...

Шофер опасливо покосился на подошедшего милиционера и, переведя дыхание, продолжал:

— Эй, кричу, пацаны! Чего ревете? Ну, мне вон тот белоголовый, Колькой звать, объясняет... Поехали они, понимаете, не то жуков, не то бабочек ловить... Для школы, говорят. Один упал да ногу-то и повредил. Кое-как до дороги они его доволокли, а тут стемнело. Голосуют — никто не останавливается. Да и я не заметил бы, если бы побыстрее ехал. Ну, а как в машину их взял, пришлось, сами понимаете, поднажать...

— Дяденька, поедем быстрее! — послышался из машины плачущий голос.— Больно ведь ему...

— Сейчас, ребятки, потерпите минутку...

В темноте белел китель сотрудника ОРУДа. Вначале он приготовился повести серьезный разговор и уже приложил было руку к фуражке, что, как известно, ничего хорошего водителю не сулит. Однако, услышав рассказ водителя, очевидно, раздумал. Павел Николаевич повертел в руках путевой лист и протянул его шоферу.

— Возьмите, водитель... Отвезти ребятишек, конечно, надо. Но как же быть со счетчиком? Вы же знаете, что перевозить пассажиров с невключенным счетчиком нельзя...

— Товарищи ревизоры! — взмолился шофер.— Что ж их, на дороге бросать? Я бы свои заплатил... У меня сын такой же. Но денег почти нет.

— Да... Положение... Ну, отпустим мы вас, так ведь все равно в городе первый же милиционер остановит... Послушайте, водитель! А сколько отсюда до Боткинской счетчик набьет?

— Рубля тридцать два, тридцать четыре...— неуверенно отозвался он.

Павел Николаевич пошарил по карманам своей форменной тужурки, достал десять рублей и вопросительно посмотрел на Лешу. Но тот уже все понял и вынул деньги. Нашлось немного и у меня. Шофер, везший ребятишек, добавил несколько рублей. Павел Николаевич пересчитал:

— Итог — двадцать девять рублей... Не хватает. Что же еще придумать?..

— Вот, возьмите,— послышался из темноты чей-то голос.

Мы совсем забыли о догнавшем нас милиционере. Это он протягивал сейчас ревизору пять рублей.

— Спасибо, старшина, вот теперь порядок! Включайте счетчик, и быстрее в Боткинскую...

— Поезжайте осторожнее! — крикнул, отходя к своему мотоциклу, старшина.— В другой раз такие гонки увижу — сразу права отберу...

Хлопнула дверца «Победы», вспыхнули фары, и через секунду красные огоньки такси скрылись за поворотом.

ДЕСЯТИБ

Прыжок в длину.

Толкание ядра.

На снимках — сильнейший десятиборец СССР Василий Кузнецов.

Г. КОРОБКОВ,
мастер спорта

Фото Н. Волкова.

На Международных спортивных играх молодежи, проведенных в дни V Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Варшаве, впервые в нынешнем сезоне выступили советские десятиборцы и сильнейший из них Василий Кузнецов завоевал первенство. В десяти видах легкой атлетики В. Кузнецов набрал 7 262 очка — очень высокую сумму, обогнав своего ближайшего соперника спортсмена Германской Демократической Республики В. Мейера на 428 очков.

Не многим десятиборцам мира удалось до сих пор перешагнуть за семитысячный рубеж, не сразу это удалось и Василию Кузнецову. Первый крупный его успех связан с выступлением на первенстве Европы. Об этом мы и рассказываем ниже.

Девятнадцать десятиборцев приняли участие в состязаниях на первенство Европы.

Несмотря на дождь, расцвеченные зонтами и плащами всех цветов трибуны, на которых нет ни одного свободного места, пристально следят за действиями спортсменов. Они уже состязались в беге на 100 метров, в прыжках в длину с разбега и толкании ядра. Осунулись лица, резче обозначились скулы, но так же, как и в начале состязания, в глазах горит знакомый каждому спортсмену злой огонек. Воля к победе движет каждым, удваивает и утраивает силы десятиборцев.

Все выше и выше поднимают судьи легкую планку, и все с большей силой отталкиваются спортсмены от земли, подбрасывая свое тело вверх. Медленно растет высота. 170... 175... 180... 185... Сделан последний прыжок.

А вскоре после этого прозвучал выстрел, и первая шестерка атлетов под гул трибун сорвалась со старта. Начался последний, самый тяжелый вид состязаний первого дня — бег на 400 метров.

Вот пересек финиш победитель последнего забега, до конца выложив свои силы, и упал на руки подбежавшего товарища. Утомленные трудной борьбой спортсмены снимают мокрые туфли с шипами... Закончен первый день, но борьба в разгаре. Завтра в десять утра снова прозвучит выстрел стартера, и десятиборцы начнут стремительный барьерный бег.

— На первом месте пока Гейнц Обербек (Западная Германия) — 3 956 очков, на втором — Василий Кузнецов (Советский Союз) — 3 700 очков,— на трех языках сообщает диктор.

...Легкая атлетика — самый простой вид спорта. Он понятен и доступен всем. Зрители, заполнившие трибуны стадионов, не хуже любых судей могут определить, кто быстрее всех пробежал дистанцию, кто выше всех прыгнул и кто дальше метнул диск. Легко определить победителя в одном виде легкой атлетики, но сейчас идут соревнования сразу по десяти видам. Как же сравнивать несравнимое — секунды и метры?

Хорошо было древним грекам! Победителя в пятерном состязании — «пентатлоне» — спортивные судьи-элланодики определяли просто: два лучших атлета, одержавших наибольшее количество побед в метании диска и копья, прыжках и беге, сходились на арене, и кулачный бой между ними решал исход состязания.

Но так решалась победа в многоборье две с половиной тысячи лет тому назад, когда не было секундомеров. Тогда спортивные судьи просто на глаз определяли, кто прибежал первым; длина же прыжка или дистанция бега измерялась ступней главного жреца храма Зевса Олимпийского.

Когда в 1912 году впервые появилось десятиборье, сразу же возник вопрос: как же сравнивать результаты? Ответ на это дала специально разработанная таблица, с помощью которой можно перевести на очки каждый результат в каждом из десяти видов легкой атлетики. Наибольшая сумма очков в десяти оценках и определяет победителя.

Вот и сейчас усилия 19 сильнейших десятиборцев, оспаривающих первенство Европы, выражены суммой очков, завоеванных ими в первый день на дистанции бега, в секторах толкания ядра и прыжков.

Второй день начался с забегов на 110 метров с барьерами и метания диска. После этого на 70 очков вперед вырвался сильнейший советский десятиборец Василий Кузнецов, оставив позади себя Гейнца Обербека. Но 70 очков — это очень мало. В прыжках с шестом, которые начинались после метания диска, — это всего лишь 14 сантиметров, в метании копья — 3 метра, в беге на 1 500 метров — только 8 секунд.

Шесть часов подряд под палящим солнцем состязались в прыжках с шестом десятиборцы. Место соревнований стало похоже на походный табор. Спортсмены в ожидании своей очереди лежали на одеялах, стараясь укрыться в тени под специально выставленными щитами. Экономия каждой капли энергии — немалый залог успеха.

Сколько раз приходилось нам наблюдать, как утомленный борьбой в семи видах легкой атлетики спортсмен не выдерживал многочасового поединка в прыжках с шестом, проигрывал затем метание копья и, наконец, после десятого, решающего состязания — бега на 1 500 метров — переходил с первого места на одно из последних.

На старте, зажав металлический шест в руках, стоит десятиборец. Высокий рост, могучий торс, длинные мускулистые его руки характерны для метателя, но, взглянув на его ноги, сразу узнаешь бегуна: длинное мощное бедро, сухие, «поджарые» икры, легкий шаг. Вот он приподнял конец шеста и помчался по дорожке. Чем ближе яма с песком и полосатая черно-белая планка, поднятая на четырехметровую высоту, тем быстрее бег. Со всего хода спортсмен упирается концом шеста в деревянный ящик, врытый в беговую дорожку перед ямой с песком, бросается грудью вперед, крепко держась руками за шест, взлетает в воздух и легко перелетает через планку.

Прыжок с шестом — один из самых сложных видов легкой атлетики. Он требует от спортсмена качеств не только спринтера и

Начало двухдневной борьбы — старт бега на 100 метров.

Финиш бега на 400 метров.

О Р Ь Е

Метание диска.

прыгуна, но и гимнаста. Десятиборец должен быть отличным бегуном и на средние дистанции. Чего будет стоить самый высокий результат в прыжке с шестом, если в беге на 1 500 метров спортсмен окажется последним?

В Берне бег на 1 500 метров, как и следовало ожидать, решил судьбу первого места в десятиборье. Гейнц Обербек пробежал дистанцию за 5 минут 35,1 секунды, показав очень слабый результат, и чемпионом Европы стал Василий Кузнецов, набравший 6 752 очка. Второе место занял финн Торбьорн Лассениус (6 424 очка), и лишь на третьем месте оказался Гейнц Обербек (6 263 очка).

Весь 1954 год прошел у советских десятиборцев в напряженных тренировках. Их работа напоминала решение сложного уравнения со многими неизвестными. Представьте себе спортсмена, готовящегося к тому, чтобы выступать только в толкании ядра. В этом случае его задача ясна: развивать максимальную быстроту, способность мгновенно «взрываться». Чем больше вес спортсмена, тем на больший результат он может рассчитывать. Но для десятиборца толкание ядра — только одна десятая часть успеха. Спортсмен должен показать высокие результаты еще в девяти видах легкой атлетики, где одно зачастую исключает другое.

Если бы толкатель ядра стал усиленно готовиться к высокому результату в беге на 1 500 метров, то после нескольких тренировок он убедился бы в том, что столь нужный для него вес начинает убывать, а быстрота движений притупляться.

Для того, чтобы избежать снижения результатов в одном виде легкой атлетики, десятиборец, тренируясь в других видах, должен разобраться в сложной взаимосвязи бега, прыжков и метаний, найти то общее, что связывает разнообразные легкоатлетические упражнения. Это общее — предельное развитие быстроты, на которой прежде всего основан бег на 100 метров. Недаром именно с этого бега и начинают свое трудное двухдневное состязание десятиборцы.

Да, скорость лежит в основе прыжков в длину, бега на 110 метров с барьерами, прыжков с шестом и бега на 400 метров, а это уже половина десятиборья. Но от быстроты и силы ног зависят также высокие результаты и в толкании ядра и в метании диска и копья. Значит, почти все десятиборье зиждется на спринте. Это учитывают спортсмены, и лучшие из них способны пробегать 100 метров не более чем в 11 секунд. Они так подбирают упражнения, чтобы свести к минимуму то отрицательное влияние, которое оказывают друг на друга различные виды легкой атлетики. Для этого необходимы еще два ценных качества: выносливость и высокая техника в исполнении всех легкоатлетических упражнений.

Перед каждым десятиборцем стоят трудные задачи, и, тем не менее, они успешно решаются. В прошлом году Василий Кузнецов установил рекорд Европы. Вот из каких показателей складывается этот рекорд.

Бег на 100 метров—11 секунд — 908 очков.

Прыжок в длину — 6 метров 71 сантиметр — 698 очков.

Ядро — 13 метров 70 сантиметров — 740 очков.

Прыжок в высоту — 180 сантиметров — 770 очков.

Метание копья.

Бег на 400 метров — 51 секунда — 772 очка.

Бег на 110 метров с барьерами — 15,4 секунды — 716 очков.

Диск — 49 метров 85 сантиметров — 945 очков.

Прыжок с шестом — 390 сантиметров — 695 очков.

Копье — 60 метров 62 сантиметра — 747 очков.

Бег на 1 500 метров — 4 минуты 54,4 секунды — 301 очко.

Если вы сложите вместе все эти очки, то получите очень высокую сумму — 7 292 очка.

В 1951 году в связи с ростом результатов была введена новая таблица. По старой таблице В. Кузнецов набрал бы 7 959 очков.

Когда были опубликованы списки десяти сильнейших десятиборцев мира 1954 года, то там можно было найти имена четырех советских спортсменов: Василия Кузнецова, Юрия Кутенко, Владимира Волкова и Бориса Столярова. Они занимали в этом почетном перечне второе, четвертое, пятое и шестое места. Впереди Василия Кузнецова стоял только один спортсмен — американец Роберт Ричардс. Его результат был всего на 23 очка больше.

В нынешнем году советские десятиборцы попытаются подойти к вершине — рекорду мира. Этот рекорд принадлежал американцу Роберту Мэтиасу и равнялся 7 885 очкам. Недавно негр Рафф Джонсон (США) установил новый мировой рекорд в десятиборье — он набрал 7 983 очка.

Уже весной нынешнего года были достигнуты немалые успехи. Трижды — в марте, апреле и мае — улучшался рекорд СССР в пятиборье. Сперва добился этого Федор Листопад, затем Василий Кузнецов и, наконец, Юрий Кутенко. Молодому десятиборцу Кутенко, занявшему на первенстве Европы четвертое место, удалось набрать в пятиборье 3 513 очков.

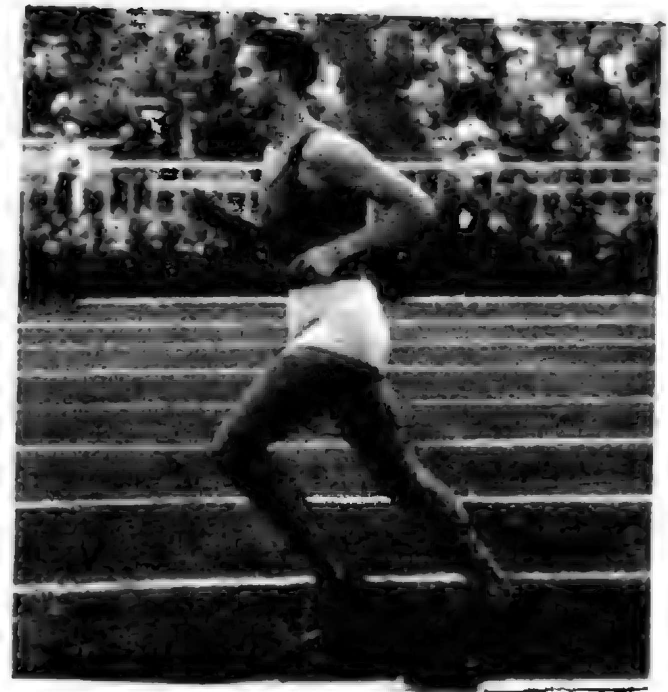
Но результаты, показанные в пятиборье,— это для десятиборцев только половина успеха. Теперь наступило то время, когда хорошо подготовленные спортсмены вышли на стадионы, чтобы попытать свои силы в трудном состязании, которое справедливо называют венцом легкой атлетики.

Прыжок в высоту.
Фото М. Боташева.

Бег на 110 метров с барьерами.

Близок финиш не только бега на 1 500 метров, но и всей двухдневной борьбы.

Прыжок с шестом.

Заботливый пассажир

М. ЭДЕЛЬ

Рисунки Ю. Черепанова.

Леночка была мила и непосредственна. Пассажиры в купе гордились, что именно в их купе едет симпатичная девушка, студентка пятого курса института с малопонятным назначением — тонкой химической технологии.

Одно место в купе занимал ревизионно-финансовый работник в позолоченных очках и черных сандалиях, Тимофей Корнеевич Карамзин, человек выше средних лет и, очевидно, с больной печенью.

— Поглядите,— как-то сказала Леночка Карамзину,— какая красивая береза!

Едва взглянув в окно вагона, Тимофей Корнеевич заявил:

— Она внутри гнилая.

Другое место в купе принадлежало молчаливому обладателю дружелюбных глаз, капитану буксирного парохода. Звали его Григорий Андреевич Топовой. Он следовал в отпуск в Читинскую область.

Но безраздельное внимание Леночки завоевал третий пассажир— Федор Грацианович Нетужилин, статный мужчина лет тридцати восьми. Нетужилин удачно шутил и умел удивительно коротко и весело рассказывать забавные истории. Отметим, что всю дорогу Нетужилин неустанно заботился, как говорят, о культурно-бытовых условиях молодой девушки.

Правда, Нетужилин не мчался в станционные буфеты и на привокзальные рынки, чтобы прихватить для Леночки антоновских яблок или свежих помидоров. Зато он неукоснительно следил, чтобы этим занимались ревизор Карамзин и капитан Топовой.

— Уважаемые спутники,— говорил он задушевным баритоном,— приобретите что-либо выдающееся вкусное для нашей Леночки.

Себе Федор Грацианович оставил более приятную обязанность: гулять с Леночкой по перрону.

Скептик Карамзин и молчаливый Топовой толкались на пристанционных базарчиках, запасались свежей простоквашей, пахучими малосольными огурцами, заворачивали в газетные листы жареных цыплят и, прижимая всю эту снедь к груди, изо всех сил мчались к уже уходящему поезду.

Федор Грацианович с одобряющей улыбкой выбирал из принесенного самую красивую сочную грушу и преподносил ее Леночке. И именно он награждался сердечной улыбкой.

Во время прогулок по перрону Федор Грацианович несколько взволнованно укорял Леночку:

— Почему вы, откровенно говоря, красивая, обаятельная девушка, избрали своей профессией какую-то тонкую химическую технологию? Вам бы на сцену. В кинематограф. Ведь у нас до сего времени нет ни одной трогательно-красивой актрисы.

Лена была умна, знала цену словам дорожных ухажеров, но все же ей было приятно слушать Нетужилина. Путевая беззаботность, теплый вечер, тихо шелестевшие клены на станциях, манящие огни семафоров,— и Леночка чувствовала себя чудесно.

На третьи сутки поезд приблизился к станции, где жили родители Леночки. На этой же станции, Пурга-II, сходил и Нетужилин, прибывший по служебным делам на местный завод.

— Меня будут встречать мама и папа,— кокетливо сказала Леночка.— А вас?

— А меня заводская машина и шофер,— пошутил Нетужилин.

Поезд подходил к перрону. Федор Грацианович надел плащ-пальто, попрощался с ревизором и капитаном и первым вышел из вагона.

Шел дождь. Было всего семь часов вечера, но станция утопала в туманной мути. Нетужилин быстрым шагом прошел к подъезду вокзала и понял, что синяя «Победа» ждет именно его. Других машин у станции не видно было. Шофер открыл дверцу, Федор Грацианович уселся и осторожно повернул голову... Из-за угла вокзала показался Карамзин в легких сандалиях и Топовой в белых туфлях; они скользили по размокшей, скользкой глине и тащили вещи Леночки, которая умоляла их:

— Не надо... Не надо. Ваш поезд уйдет... Сейчас приедут мама и папа.

Секунду — другую Нетужилин размышлял: «Усадить Леночку в машину... Но для этого нужно выйти из машины и взять ее чемодан. Приказать это сделать шоферу неудобно...»

Федор Грацианович сделал знак шоферу, и машина, заморгав малиновыми глазками на кузове, скрылась за сквером.

Леночка проводила машину непонимающими глазами: «Что случилось? Даже не попрощался...»

Через час представитель заводоуправления Карпухин сказал Нетужилину:

— Ну ее к чертям, нашу гостиницу! Там и шумно и неуютно. Я вас поселю у своих соседей, в квартире молодых инженеров. Благо они уехали в отпуск и попросили, чтобы в их квартире для безопасности кто-либо ночевал.

В десятом часу вечера Карпухин разбудил Федора Грациановича:

— Ну ее к чертям, нашу столовую! Там и шумно и не очень вкусно.— И повел Нетужилина к себе.

— Знакомьтесь, будьте любезны. Моя подруга жизни — Софья Артемьевна. Между прочим, заметьте, у нас на столе праздничный пирог. Приехала наша дочка, студентка пятого курса,— говорил Карпухин.

— Каким поездом приехала? — спросил Нетужилин, предчувствуя что-то недоброе.

— А тем же, что и вы. Мы опоздали к поезду. Только отъехали — испортилась машина.

Нетужилин почувствовал, что у него заныло в боку. «Кажется, попал в лужу!» — подумал он.

— Она, бедняжка, почти целый час ждала нас. Вся продрогла, промочила ноги,— сообщила Софья Артемьевна.

Карпухин покачал головой:

— И какие только люди на свете бывают! В поезде всю дорогу за дочкой ухаживал какой-то молодец, а только скорый пришел на станцию, он схватил свой чемоданишко и бежать...

— Подлый он человек! — перебила Карпухина супруга.— Вот вы, Федор Грацианович, интеллигентный человек, как считаете: ведь можно такого, извиняюсь, назвать хамом?

Если бы вместо этого вопроса Софья Артемьевна спросила Нетужилина: «Не желаете, Федор Грацианович, сию минуту утопиться?»,— Нетужилин, возможно, ответил бы: «С большим удовольствием... Давно мечтаю!».

Гость машинально сделал большой глоток горячего чаю и настолько обжег горло, что на глазах показались слезы. Софья Артемьевна оценила благородное огорчение гостя.

— А с виду, наверное, приличный человек и, может, даже с высшим образованием! — поддержал Карпухин.

— А где ваша дочь? — спросил Нетужилин, вставая; колени его нервно дрожали.

— Сейчас. Сию минуту придет, пошла пригласить своих подруг.

— Садитесь, я вам еще налью,— настойчиво предложила хозяйка.— Мы вас не отпустим, пока не поужинаете с нами.

— Я должен срочно позвонить по телефону. В Главк...— сказал Нетужилин и направился к дверям.

Но его перехватил Карпухин:

— Вот наш телефон. Звоните, пожалуйста.

— Спасибо, я потом,— уже странно хриплым голосом сказал Федор Грацианович.— Мне не к спеху.

В это время в коридоре послышались оживленные девичьи голоса и кто-то переспросил:

— Неужели схватил чемодан и побежал, как ненормальный? Ох, если б мы его встретили!..

Девушки чему-то громко рассмеялись. Совсем убитый, Нетужилин стоял у окна и старательно срывал листья фикуса.

— Что с вами? Что вы делаете? — всплеснула руками хозяйка.

— Я очень нервный,— разъяснил гость и, взяв в зубы жесткий лист, стал откусывать по кусочку.— Я очень люблю зелень.

Наконец девушки вошли в столовую. Наступила трагическая минута.

— Знакомьтесь, наша дочь Оля,— сказал Карпухин.

Нетужилин глянул на Олю. Неужели? Нет, это не Лена. И среди других нет попутчицы Лены. От радости Федор Грацианович проглотил недожеванный кусок фикусного листа.

— В каком институте учитесь?— спросил Нетужилин.

— В медицинском.

Федор Грацианович спрятал в карман оставшиеся в руке листья фикуса, вернулся к столу и снова обрел умение коротко и весело рассказывать забавные истории.

Вечер прошел столь весело, что хозяйка даже перестала поглядывать на испорченный фикус.

— Забудь,— шепнул супруге Карпухин.— Ну, человек нервный... Всякое бывает.

Федор Грацианович вернулся в отведенную ему комнату и спокойно заснул. Он был счастлив, ибо оказалось, что в этом поезде следовал еще один такой же...

Впрочем, не будем повторяться.

ТУРНИР В ГЕТЕБОРГЕ

29 АВГУСТА. В гостинице, где живут участники турнира, всегда оживленно. Турнир продолжается уже две недели, и за это время многие подружились друг с другом. Наши шахматисты начинают немного объясняться на шведском языке. В. Унцикер, О. Панно и другие изучают русский язык. С прекрасным произношением аргентинец Панно говорит по-русски, что Бронштейн — «очень хитрый шахматист». В свободное от игры время участники турнира отправляются к морю и в бассейн для плавания. Большая шахматная семья из одиннадцати разных стран живет дружно.

О. Панно прав: Бронштейн действительно «очень хитрый». Только три дня тому назад между Д. Бронштейном, Е. Геллером и Т. Петросяном возникли творческие разногласия относительно оценки блестящей атаки Бронштейна в партии с П. Кересом. Сегодня Бронштейн смело навязал Геллеру такую же игру, как Кересу. Уже на шестом ходу лидер турнира пожертвовал пешку и дал Геллеру возможность показать свое искусство в защите. Однако до настоящей борьбы дело не дошло. Геллер не заметил ловушки Бронштейна, и его позиция была разбита.

Известно, что исход шахматной партии иногда решается дома, во время теоретической подготовки. Чешский мастер М. Филип опубликовал статью относительно одного варианта защиты Грюнфельда. А. Фудерер, очевидно, изучал эту статью и нашел, что в одном месте М. Филип ошибался. И вот сегодня Фудерер на практике опроверг систему, предложенную Филипом. Дело кончилось разгромом чешского мастера.

Тренер Б. Спасского А. Толуш всегда советует молодому мастеру играть предприимчиво, смело. Это правильная творческая установка. Но сегодня Спасский мог форсировать ничью с Л. Пахманом, однако отказался от этого и потерпел неудачу. Не страшно, зато была интересная борьба!

«Смерть ничьей!» — объявил сегодня Петросян и победил А. Медина, одержав первую победу в турнире.

«Опасный парень, этот Фудерер»,— можно часто слышать в турнирном зале. Такого опытного и сильного гроссмейстера, как Г. Штальберг, молодой югославский мастер разбил так блестяще, что аплодировали даже шведы. Штальбергу вряд ли удастся попасть в первую девятку, и зрители переключили внимание на Бронштейна, Фудерера, Спасского.

М. Найдорф сегодня потерпел четвертое поражение. Как известно, Найдорф происхождением из Варшавы и остался в Аргентине в 1939 году, когда в Европе вспыхнула война. Шахматная Польша лишилась гроссмейстера. И вот спустя много лет бывший чемпион Польши Найдорф встретился в одном турнире с представителем новой Польши, чемпионом Народной Республики Б. Сливой. Эту партию, несомненно, Найдорфу хотелось выиграть. Однако встреча закончилась неожиданно быстро: после полутора часов игры Найдорф попал в безнадежную позицию и сдался.

1 СЕНТЯБРЯ. Начинает выходить на первый план П. Керес, который стремительно атаковал чемпиона США А. Бисгайера. Спасский легко переиграл и победил Медина из далекой Венесуэлы.

Фудерер почти всегда играет очень быстро: 15 ходов он часто делает за пять минут. Сегодня он молниеносно обыграл немецкого гроссмейстера В. Унцикера. Выяснилось, что Фудерер применил опыт чемпионата СССР. Немецкий гроссмейстер полушутя говорил, что у Фудерера было решающее преимущество: он знает русский язык и поэтому мог изучать партии по советской литературе.

Найдорф после серьезных неудач последних дней сумел сосредоточиться и выиграть у Сабо.

Одиннадцатый тур был самым результативным: только три ничьих.

2—3 СЕНТЯБРЯ. Все встречи советских шахматистов между собой уже состоялись. О. Панно остроумно замечает, что шести советским шахматистам легче: им надо играть только с пятью советскими шахматистами, а иностранцам — с шестью. Если встречу с Петросяном молодой аргентинский мастер свел вничью, то сегодня он не выдержал экзамена у П. Кереса. Советский гроссмейстер так зажал Панно, что уже после двадцать пятого хода у Панно не было ни одного разумного хода. На тридцать первом ходу партия закончилась «прямым попаданием» в короля О. Панно. Это — первое поражение молодого аргентинского мастера.

Теперь лишь трое — Бронштейн, Пильник и Петросян — идут без проигрыша.

Началась вторая половина турнира. Ощущается некоторая усталость у отдельных участников. Петросян выпустил Пильника, Сабо — Гимара, и даже Бронштейн не сумел выиграть фактически выигранную партию на радость своего противника Л. Пахмана. Чешский гроссмейстер гордится, что добился почетного результата: 3—3 — с советскими шахматистами.

Во второй половине турнира можно ожидать еще более острой спортивной борьбы за попадание в первую девятку. Особенно напряженной будет борьба за 8-е и 9-е места, на которые имеется много претендентов.

Сало ФЛОР

Гетеборг.

Павел **ГОРДИЕНКО**,
начальник станции «СП-4»

Дрейф станции «Северный полюс-4» в Центральной Арктике проходил в условиях затяжной весны и относительно холодного лета. Может быть, поэтому только в конце мая у нас появились пуночки — «полярные воробьи» Арктики. И только в июне наблюдались чайки, кайры, кулички. А вот прославленного и непременного героя всех полярных повествований — белого медведя — или других крупных представителей животного мира приполюсных мест — нерп, морских зайцев — мы до конца июля так и не видели.

Мы удовлетворяли свои охотничьи страсти рассказами о многочисленных встречах с медведями в прошлых зимовках и экспедициях.

Несмотря на отсутствие «мишек», среди сотрудников станции неукоснительно поддерживалась бдительность, и дежурные по лагерю всегда несли свою вахту, имея при себе карабин или револьвер.

Вообще в Арктике стрелять медведей без нужды запрещено. Убивать зверя можно только в случае, если его появление угрожает безопасности людей или когда кончились запасы свежего мяса. Поэтому в правилах внутреннего распорядка дрейфующих станций записано, что стрелять медведя можно только с разрешения начальника станции. Исключение из этого на первый взгляд бюрократического правила допускается лишь при непосредственной угрозе со стороны зверя.

Около 6 часов утра 28 июля я был внезапно разбужен дежурным по лагерю механиком Михаилом Кислицыным. Этот опытный, более двадцати лет зимовавший в Арктике полярник был заметно взволнован, что заставило меня быстро вскочить с койки.

— Павел Афанасьевич, между гидрологическими палатками медведь ходит. Разрешите пристрелить?

Я заглянул в иллюминатор. Действительно, властелин Арктики, бодливо отмахиваясь от заливающихся лаем, прыгающих вокруг него наших собак, неторопливо бродил между полукруглыми палатками гидрологического городка, изредка обнюхивая ящики с приборами, сложенные здесь гидрологами.

Особенно неистовствовал, пытаясь ухватить медведя, наш любимец Цыган. Недаром мой предшественник Евгений Толстиков, передавая станцию, представил мне Цыгана как отличного медвежатника.

Раздумывать долго не приходилось. Свежего мяса до прибытия очередного самолета у нас оставалось немного, медведь мог повредить имущество гидрологов. Наконец, очень хотелось покормить молодых полярников настоящими медвежьими котлетами. Я разрешил пристрелить медведя.

На всякий случай был разбужен спавший надо мной на подвесной койке ледоисследователь В. Жуков, отличный стрелок.

Через несколько минут Жуков и Кислицын с карабинами в руках быстро шагали к гидрологическим палаткам. За ними следом довольно быстро бежали годовалые упитанные щенки Профессор и Голос, которые до этого трусливо подвывали Цыгану из-под трактора.

В бинокль мне было очень удобно наблюдать за всеми подробностями интересной охотничьей сцены: как раз за день перед этим мы с Жуковым закончили ремонт нашего домика, промыли иллюминаторы.

Пока наши стрелки были на расстоянии 250—300 метров от медведя, он, не обращая на них внимания, продолжал ковылять между палатками. Но вот зверь, по-видимому, почуял или увидел людей. Несколько крупных прыжков влево — и он скрылся за близлежащими торосами. Охотники, оживленно жестикулируя, взошли на торос. Кислицын даже начал прицеливаться, приготовившись к стрельбе с колена. Но медведь с непостижимой быстротой пробежал более 200 метров и показался на одном из торосов вправо от наших стрелков. Это было великолепное зрелище: огромный зверь резко выделялся своим желтоватым цветом на фоне ослепительно белых и голубоватых торосов и, высоко подняв голову, оглядывал наш лагерь. Затем, снова заметив людей, он стал быстро уходить от них, передвигаясь зигзагами. Но тут собаки начали наседать плотнее, а Цыган хватал медведя за его длинную, лохматую шерсть чаще и чаще. Тогда зверь, которому уже порядочно надоели собаки, решил отделаться от них довольно остроумным способом. Он прыгнул с ходу в глубокую снежницу — озеро из талой воды на поверхности льда. Собакам ничего не оставалось, как бесноваться на берегу водоема. Но эта изобретательность и погубила медведя.

Пока он обманывал собак, Жуков и Кислицын, приблизившись на расстояние в сто — сто двадцать метров, начали стрельбу. С первого выстрела Жуков пробил зверю лопатку, а со второго уложил.

Через несколько минут начался уже малоинтересный, но обязательный процесс фотографирования возле убитого медведя. Здесь главная роль принадлежала нашему метеофотографу Борису Рожкову. Теперь-то особенную прыть стали проявлять и Профессор и Голос. Воинственно урча, эти великовозрастные трусы стали рвать шерсть мертвого врага.

Только Цыган скромно и с достоинством улегся метрах в двадцати от медведя, откуда спокойно наблюдал за всей этой суматохой.

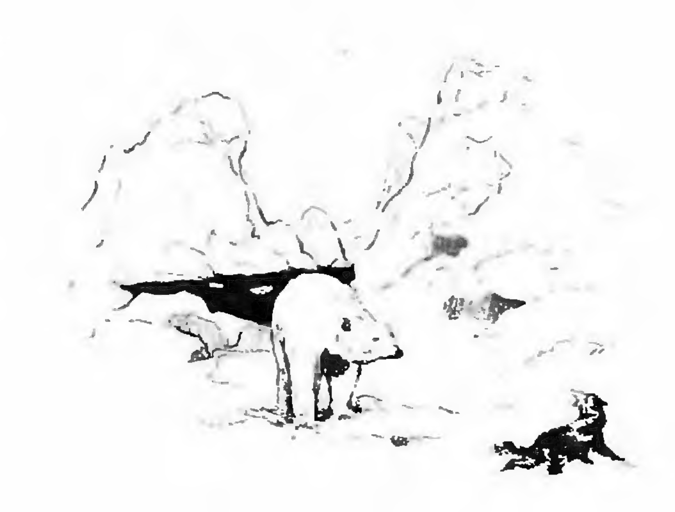
По неписаному закону дрейфующих станций, шкура убитого медведя принадлежит тому, кто первым его увидел. Поэтому, когда Кислицын сдал дежурство, я угостил его полагающейся в таких случаях рюмкой коньяку и поздравил с самым высокоширотным охотничьим трофеем в его жизни.

Завтрак был так оживлен, как бывало у нас только после прослушанной радиопередачи в наш адрес. Эти передачи, которые москвичи слушают обычно вечером, нам приходится слушать ночью. Наутро темой разговоров, естественно, бывают выступления родных, любимых артистов, друзей. Сегодня же причиной оживления был убитый медведь.

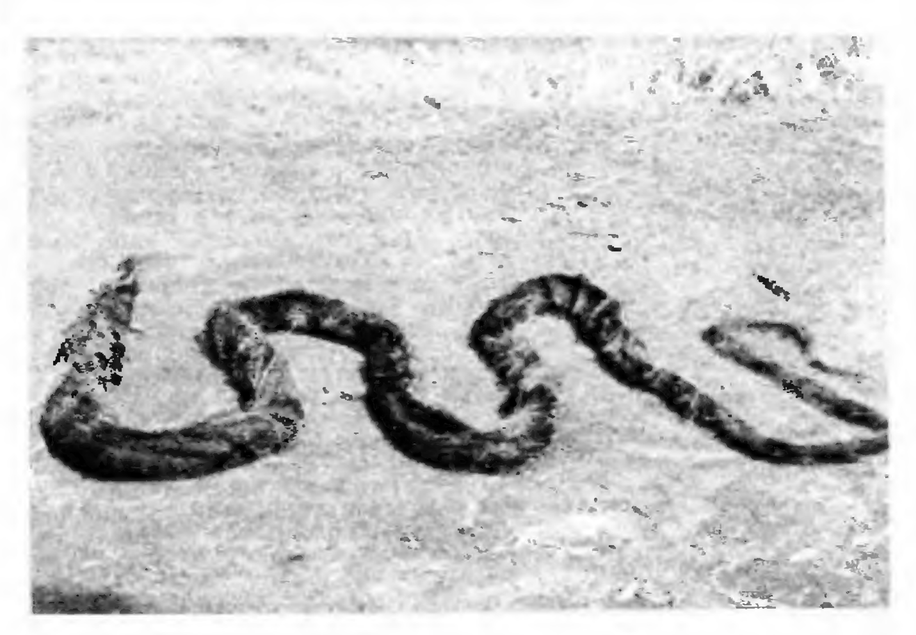
Метеоролог Черниговский, оказывается, во время охоты измерял скорость и направление ветра, так что теперь известны метеорологические условия, при которых медведи могут посетить нас снова...

Обсудив все мнения, мы пришли к выводу: будем считать медведя коллективным трофеем.

И только про Цыгана все позабыли. А он и после нашего завтрака еще лежал на льду вблизи поверженного врага, продолжал его стеречь, не спуская с медведя своих живых и умных глаз.

Рисунки В. Епанешникова.

Растение в водопроводной трубе

Змеевидный предмет на снимке — всего-навсего корень дерева карагача, разросшийся в водопроводной трубе. Толщина его соответствует диаметру трубы, длина — более шести метров. Он рос бы еще, но, закупорив полностью водопроводящую магистраль, прекратил подачу воды в дом, чем и обнаружил себя.

Лет пять — шесть до этого на разветвлении водопроводной линии была поставлена деревянная заглушка, изготовленная из ствола карагача, оказавшегося под рукой. Затем трубу засыпали землей и забыли о ней. Но карагач, омываемый постоянным током воды, пророс и, постепенно заполнив трубу, «напомнил» о себе.

Рабочий, ставивший в свое время заглушку, продолжал работать на старом месте. Иначе не скоро удалось бы установить причину прекращения подачи воды. Случай этот произошел в Алма-Ате.

С. КРАВЦОВ

КАРТОТЕКА ИНЖЕНЕРА

Работник Политехнического музея А. Исаев создавал в течение трех десятилетий картотеку по истории отечественного автомобильного транспорта. В настоящее время в ней имеется более 5 тысяч карточек с описаниями и фотографиями автомобилей, тракторов, двигателей.

Интересны снимки первых проектов благоустроенных шоссейных дорог с зелеными насаждениями, разработанных 120 лет назад инженером В. Гурьевым. В сведениях об инженере Е. Яковлеве рассказывается, что он в 1889 году открыл в Петербурге мастерские, выпускавшие легкие двигатели внутреннего сгорания. Через 5 лет на выставке в Нижнем-Новгороде демонстрировался его пассажирский экипаж с бензиновым двигателем.

Любопытно сообщение о русском конструкторе Б. Луцком, который создал двигатель с вертикальным расположением цилиндров. Сохранилась фотография первого в России грузового автомобиля, построенного Луцким.

На одном из снимков запечатлен момент перевозки первых пассажиров по подвесной электрической дороге, построенной в Гатчине по проектам инженера И. Романова. По его чертежам в девяностые годы прошлого столетия были созданы также электромобили и электробусы.

Из других карточек вы узнаете, что в Петербурге группа русских инженеров сконструировала троллейбус, а инженер В. Шуберский разработал проект электрической троллейбусной линии Новороссийск — Сухум.

А. САНИН

А. Исаев изучает материалы картотеки.
Фото О. Кнорринга.

Яшка-ворон

Тот, кто приезжает отдохнуть в подмосковный санаторий «Подлипки», прежде всего знакомится с местной достопримечательностью — ручным вороном, которого кто-то прозвал Яшкой. И действительно, он очень забавен и смешон.

Яшка, рассказывают очевидцы, выпал из гнезда и стал легкой добычей вездесущих мальчишек. Их-то и повстречал случайно культработник санатория Сергей Васильевич Киселев. Живя в комнате своего спасителя, Яшка сразу привык к людям и быстро освоился с новой для него обстановкой.

Когда помятое от падения крыло вороненка зажило, он стал летать, но неизменно возвращался на ночь. И теперь можно видеть, как Яшка свободно разгуливает по дорожкам и цветникам, пристает к отдыхающим, выпрашивая у них лакомства. Рано утром, когда начинает работать санаторная кухня, Яшка регулярно является туда, зная, что здесь его ждут обильные яства. Особенно торжествует он, когда отдыхающим дают на завтрак сыр. Если он получает много сыра, то устраивает запасы на несколько дней, пока это блюдо снова не появится в меню. Свои резервы Яшка хранит в ямках, вырытых в земле, или в других надежных местах.

Он быстро избаловался и стал привередлив в еде. Мясные котлеты — его любимое блюдо, но он предпочитает домашнего приготовления, отказываясь порой от котлет из санаторной столовой, считая, видимо, что в них слишком много хлеба.

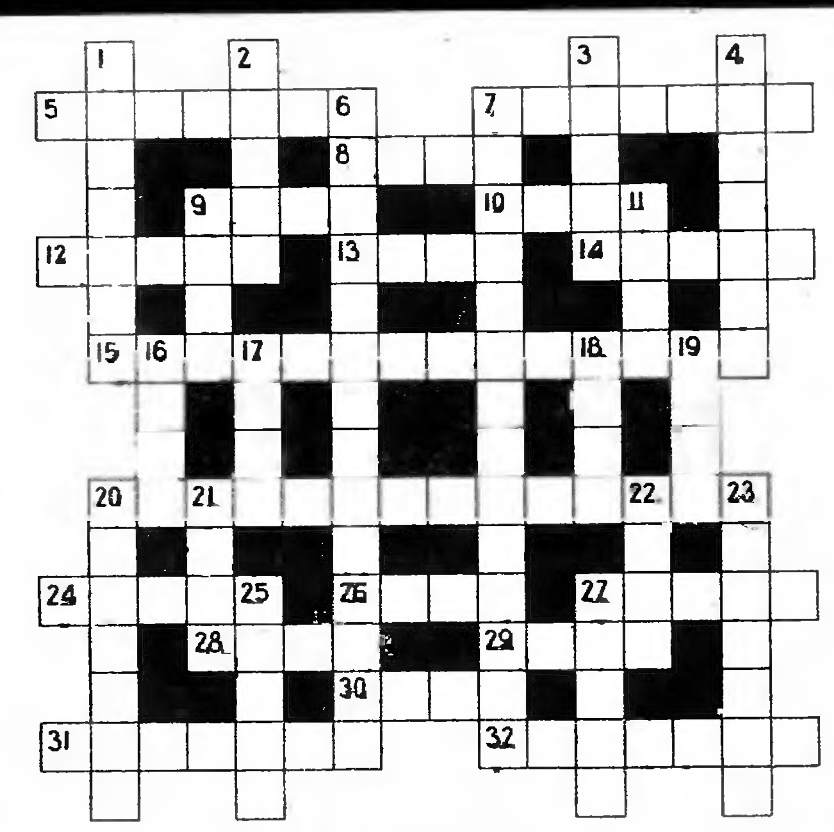
Большим вниманием вороненка пользуется продовольственный ларек, прозванный отдыхающими «Голубой Дунай». Он знает, что здесь его, по меньшей мере, ждет печенье. Если двери закрыты, Яшка садится на подоконник и гневно стучит по стеклу, словно возмущается несоблюдением часов торговли.

Но где бы ни находился ручной ворон, едва он заслышит голос своего спасителя, как бросает все и мчится к нему. У него ищет он спасения и от своего единственного врага — маленького котенка Тяпки. Тут уж, видимо, ненависть на почве ревности: с появлением Яшки акции котенка сильно пали в глазах отдыхающих!

Вот мы и засняли момент, когда Яшка нашел защиту у С. В. Киселева.

Я. АРКАДЬЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Дорога в горах. 7. Преимущество. 8. Приток Северной Двины. 9. Вид топлива. 10. Увеличение, развитие. 12. Общая судовая работа. 13. Герой поэмы М. Ю. Лермонтова. 14. Южнославянский народ. 15. Довод. 20. Патрулирование самолетов в воздухе. 24. Граница суши и водного пространства. 26. Мужское имя. 27. Момент спортивного состязания. 28. Французский писатель. 29. Плод южного дерева. 30. Город на Украине. 31. Французский поэт. 32. Великий преобразователь природы.

По вертикали:

1. Специалист по лесному хозяйству. 2. Сорт смазочного масла. 3. Способ плавания. 4. Драгоценный металл. 6. Разведение лесов. 7. Геометрическая фигура. 9. Гребно-парусное судно. 11. Парусиновый навес. 16. Домашнее животное. 17. Река во Франции. 18. Древнескандинавское поэтическое сказание. 19. Обезьяна из семейства лемуров. 20. Перевал в Альпах. 21. Город Калининской области. 22. Дипломатическое обращение. 23. Химический элемент. 25. Немецкий поэт. 27. Единица измерения силы света.

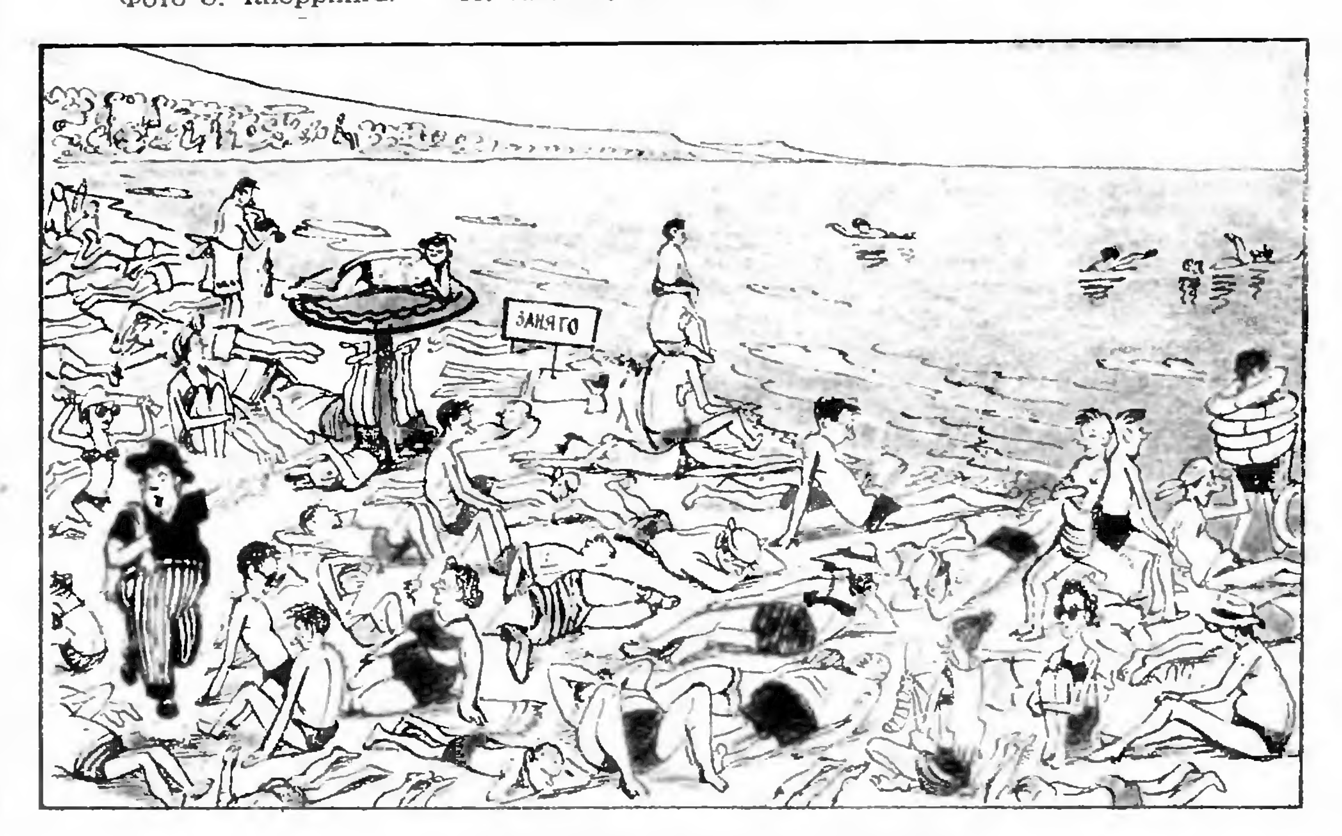
Ответы на кроссворд, напечатанный в № 36

По горизонтали:

3. Полонез. 7. Лобачевский. 10. Динамик. 12. Паритет. 15. Барит. 16. Запонка. 17. Дебри. 22. Почерк. 23. Дичок. 25. Газель. 26. «Анчар». 27. Линза. 28. Айни. 29. Юнга. 30. Антей. 31. Сопка. 33. Аккорд. 34. Фрахт. 37. Натрий. 38. Полюс. 39. Собинов. 40. Спурт. 43. Эксперт. 45. Окулист. 48. Прянишников. 49. «Русалка».

По вертикали:

1. Сомали. 2. Шексна. 4. Обер. 5. Лобан. 6. Сирия. 8. Лисичка. 9. Селенга. 11. Капри. 12. Панно. 13. Палеонтолог. 14. Крузенштерн. 18. Мозаика. 19. Вучетич. 20. Конопля. 21. Албания. 23. Дрейф. 24. Клест. 30. Адъюнкт. 32. Анапест. 35. Рабат. 36. Ханко. 41. Опера. 42. Клеол. 44. Рангун. 46. Кличка. 47. Яшма.

— Проходите вперед, там свободно!

Изошутка Ю. Черепанова.

В этом номере на вкладках: репродукции картин К. И. Финогенова «Старый Дели», «Индийская девушка», В. П. Ефанова «Зачарованные», Д. А. Налбандяна «Госпожа Менон» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 04656. Подп. к печ. 6/IX 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 763. Заказ 2154. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

— А ты не кусаешься?

Фотоэтюд Галины Санько.

Цена номера 3 руб.

